

Материализм против идеологии

Содержание

I. Идеология в политике и экономике	4
1. Идеология и война.....	4
Почему не избежать идеологии?.....	7
2. Большие идеологемы	8
3. Нация и национальность.....	12
Дополнения	14
4. Украинская идеология	18
Смысл евро-майдана	18
Нацизм на Украине и глобальный капитал.....	19
Русский либерализм и Запад	20
Дополнения	20
5. Мировой кризис и война.....	24
6. О «теоретиках»	27
7. Неэквивалентный обмен.....	31
Дополнения	34
8. Избавление от вампира	36
II. Идеология в общественном самосознании	39
9. Противоречия.....	39
10. Противоречия семьи.....	46
Кризис семьи.....	46
Буржуазная и традиционная семья.	47
11. Противоречивость свободы.....	50
Роль государства при социализме.	53
12. Свобода в коллективе.....	54
1. Самоуправление при централизме и единоначалии.	54
2. О роли денег.....	54
3. Разделение труда.	55
4. Ключевая роль революционного взрыва.....	57
5. Технология "сводных отрядов".....	58
13. Бригадный подряд в СССР	59
Производственный процесс рождает рабочую демократию.....	62
Дополнения.	63
14. Принципы бюрократии	66
1. Формализм	66
2. Некомпетентность	69

3. Корпоративность	71
Дополнения	74
15. Конец русской литературы.....	76
Дополнения	80
16. Солженицын как честный человек	83
1. Чемодан.	84
2. Паёк.....	85
3. "Придурок".....	85
4. Союз писателей.....	86
17. Идеология и религия	87
18. Об идеальном.....	90
Разговор с вульгарным материалистом.....	90
Материальность сознания.....	92
19. Приложения	95
Идеология и мифология.....	95
Прочие институты (к гл. «Противоречия»)	99
III. Утопическая идеология и социализм	104
20. Многосторонность освобождения труда.....	104
Политическая сторона.....	104
Семья, частная собственность и государство	105
Государство.....	106
Большевизм	107
Экономическая сторона. План	109
Советское планирование.....	110
21. Ранний социализм и сверхэксплуатация.....	116
22. Противоречия социализма.....	118
Собственные противоречия.....	120
23. Товарность и социализм	124
Ограниченность и условность рынка при социализме	126
Закон стоимости при капитализме и в переходный период.....	127
Стоимость и социализм	129
Экономические законы социализма	130
Примечания.....	133
Заключение	148

I. Идеология в политике и экономике

Когда-то мы воспринимали рассказы об адвокатах, способных доказать, что черное – это белое, как преувеличение или анекдот. В последние годы мы убедились на опыте, что действительно, если есть интерес, то можно доказать что угодно (и сами поднаторели в этом). Любая идеология натягивается на любые факты, и только иногда приходится поднажать посильнее.

1. Идеология и война

Мы живем (получаем образование и прочую информацию) в мире идеологии и наше сознание сформировано идеологией («нарративами», дискурсами, «повесткой», ценностями). Наше представление об истории наполнено идеологическими конструкциями, идеологемами. Эти конструкции созданы трудом множества идеологов, относительно них достигнут общественный консенсус, они достаточно объективны и непротиворечивы, комфортны для сознания и воспринимаются некритически – настолько, что само их существование обнаруживается только при столкновении с другим (враждебным) нарративом. Напр., война 1941-45 гг. – это ВОВ или ВМВ (условно примем, что хронологической разницы нет).

Если ВОВ, то это победа советского народа в войне с фашизмом – в рамках начатого в 1917 г. противостояния с миром капитала, потом освобождение и установление народной демократии в странах В. Европы как шаг по пути предсказанной некогда мировой революции. Если ВМВ, то это победа (западной) демократии над тоталитаризмом в рамках их вечной борьбы. У них и сейчас идет война демократии с российским авторитаризмом.

Оба нарратива сталкиваются с трудностями. Война за социализм началась с неспровоцированного (?) нападения и почему-то в союзе с буржуазными (!) демократиями,

а их война за демократию – в ситуационном союзе с разновидностью тоталитаризма. Поэтому их так раздражает колющее глаза указание на роль СССР в победе. Задача идеологии трудности подобного рода замазывать – временно, т.к. движение истории разрушает все идеологемы. Так, крушение социализма В. Европы казалось бы блестяще подтвердило правильность «европейских» ценностей и разрушило советские. Поэтому в РФ господство старого нарратива частично подорвано и существует идеологический винегрет.

Есть еще украинский (в разной степени свойственный и др. постсоветским режимам) нарратив «нацистско-большевистской войны» (условно, не собираюсь в этом копаться и уточнять). Это значит, что в войне двух партийных режимов народы оказались заложниками и жертвами и, понятное дело, национальные движения (даже и русское) должны быть враждебны советским ценностям, их носителям и продолжателям, что находит соответствующее продолжение в политике. Культивируется и идеологема «советской империи».

Все идеологемы верно схватывают какую-то сторону действительности, но в целом являются продуктом ложного сознания – но это проявляется только в конечном счете, в моменте же они вполне рациональны. Тем опаснее рассчитывать на них как на постоянную опору. Напр., составляющими нашей идеологемы ВОВ были мифологемы «28 панфиловцев» и подвиг Матросова. Стоило раскопать, что панфиловцев было не 28, а пусть 128, как мифологема подорвана. Казалось бы, какая разница? Оказывается, реальный факт превратился в миф указанием на конкретное ограниченное число и прочие художественные подробности, которые сопровождают создание любого мифа.

Аналогичным образом, если Матросов оказывается не первым и не единственным героем подобного рода, то это каким-то образом обесценивает и сам факт.

Как мы знаем, против слабых мест советского нарратива были проведены блестящие идеологические операции: Суворов-Резун и «пакт Молотов- Риббентроп».

Научное сознание должно избавляться от идеологем. Возможно, ближе

к объективной реальности взгляд на ВМВ как на продолжение ПМВ, как на единый процесс империалистической войны между двумя лагерями (Германии и условной Антантой), в которой Россия платила чудовищную цену кровью за интересы союзников и за свою неспособность ни остаться нейтральной, ни возглавить и направлять конфликт (Сталин пытался «соскочить», отсюда и пакт). Для СССР ВОВ была национальной войной (в рамках внешней империалистической войны, на стороне одного из лагерей), поэтому и совершенно справедливо выделяется из ВМВ.

Другой пример борьбы идеологий за терминологию – 1917 г. ВОСР или переворот?

Переворот был простым техническим термином, применяемым и самими большевиками. Вообще, это было вооруженное восстание. Потом идеолог произвел свой продукт – ВОСР. Появление идеологемы, жесткой конструкции, сделало возможным ее подрыв – теперь прежде невинный «переворот» сам становится идеологемой, орудием идеологической борьбы.

Вся сопутствующая терминология: Империалистическая война (в пику первой попытке объявить ее ВОВ), даже Гражданская война – идеологемы.

(Возможно, ближе к объективной реальности взгляд на нашу революцию не как первую победоносную пролетарскую революцию, а как одновременно последнюю классическую революцию образца 1848 г. и первую народно-освободительную революцию 20 в.)

Если мы назовем весь процесс 1905-17 гг. русской революцией, то достаточно назвать ее «великой» или написать с большой буквы, то и готова идеологема! Пожалуй, этого не избежать.

Сейчас СВО – условный технический термин. Адекватным обозначением было бы – эскалация войны на Украине и вторжение ВС РФ. Но даже такое совершенно объективное обозначение вступает в идеологический конфликт с западным нарративом «неспровоцированного нападения» – указывает на уже шедшую войну.

Почему не избежать идеологии?

Как ни парадоксально, из-за свободы человека. Он должен действовать целенаправленно, а значит порождать идеи как о текущем, так и о желательном положении. Это процесс итеративный – первые несовершенные идеи после проверки практикой отбрасываются или уточняются.

Социальная материя состоит не из атомов, а из узлов сети. Каждый индивид – такой узел, подобно нейрону связанный – по количеству своих общественных отношений – с др. узлами. Интеллигенция или интеллектуалы – специализированные узлы, наиболее восприимчивые к общим проблемам и способные к идеологической работе. Продолжая аналогию: незадействованные нейроны, как это ни грустно, постоянно отмирают. Это и рождает столь частые стенания рефлексирующей интеллигенции об отсутствии ее общественной значимости или негодном народе, не могущем ее ценить. На самом деле так происходит разделение интеллигенции на мозг и г-но нации.

Надо помнить, что продукт идеолога всегда идеалистичен – в этом связь идеализма и идеологии, его ложность. Полностью свободен от идеализма только работник материального производства и только во время работы. Подобен такому работнику и настоящий ученый.

Наши идеи – приближение к истине. Время от времени мы их фиксируем. Наука (вообще познавательная деятельность, и работающего руками тоже) на этом не останавливается и идет дальше, всё подвергает сомнению. Идеолог на этом останавливается. Более того, он останавливается в тот момент, когда результат идеологической работы отвечает его (пусть подсознательным) материальным или ценностным интересам. Какое-то время идеология адекватна реальности, потом всё больше отходит от нее (как это случилось с советской).

2. Большие идеологемы

Спор об идеологемах можно вести (часто и ведут) бесконечно. Спорщики просто рассказывают друг другу каждый свой нарратив. Т.к. нарративы расходятся, то и спорщики не могут сойтись. Полезной практикой в таких случаях была бы саморефлексия на тему глубинных мотивов, материальных интересов или ценностных основ, которые скрываются за идеальными позициями спорщиков.

---

1. Социализм в странах с партийным режимом ленинского типа – это идеологема. Не стоит забивать голову – был ли он в СССР, есть ли в КНР. Важны элементы социализма и важно отличать прогрессивные (своевременные на том или ином этапе) элементы от утопических.

* Как 1-я фаза коммунизма социализма не было и движения к коммунизму не было, оно в рамках одной страны и невозможно, но как мировое движение к коммунизму – есть и сейчас, даже независимо от нашего желания, объективно.

** В то же время бороться в рамках одной страны за элементы социализма – как элемент освободительной борьбы – было надо, и троцкистская критика «социализма в одной стране» была по самим критикам.

2. Надо отличать империализм «органический» (в смысле геополитики) от империализма как стадии капитализма. Органический свойственен всем государствам: трепетное отношение к своей территории и конфликты из-за нее с соседями.

Настоящих кап. империализмов наоборот, не может быть много.

3. Нации всегда имеют экономическое основание, но политическую форму. В зависимости от степени экономической основательности их условно можно разделить на политические и экономические.

Долгое время они совпадали – только на солидной экономической базе могла обособиться нация политическая.

* Поэтому МЭ отказывали славянам в праве на самоопределение и их

освободительные движения трактовали как реакционные. Каутский преодолел эту точку зрения, но Р. Люксембург опять к ней вернулась. Ленин в 1916 г. исписал целый том, доказывая относительную независимость политического от экономического – возможность политического самоопределения всех желающих.

Центром накопления капитала может быть только экономическая нация. Поэтому с ней же связан и капиталистический империализм.

** Несколько политических наций могут составлять одну экономическую (как ЕС) и наоборот, внутри одного государства может быть несколько экономических наций (внутри Российской империи была таможенная граница с Финляндией).

Поэтому деление одной экономической нации на несколько государств не создает несколько кап. империализмов (хотя и создает орг. империализмы). Между этими государствами как правило сразу же начинаются межевые войны, но это не империалистические войны в ленинском понимании.

Слабые политические нации (т.е. неэкономические) подчинены внешним империалистическим центрам, часто нескольким, конкурирующим. Капитал таких наций весь или по большей части компрадорский.

4. Надо отличать интернационализм личный и классовый.

Личный интернационализм бытовой – уважение к культурному своеобразию и борьбе с ассимиляцией любой национальности, часто малой. Это категорическое, императивное требование, элементарная «недиковность» в национальном вопросе.

* При этом оно начисто не выполняется представителями моноэтнических наций и регионов (если они не имеют опыта работы в многонациональных коллективах).

Промежуточный характер имеет интернационализм политический – признание права на борьбу за политическое самоопределение даже вопреки экономической целесообразности. Это требование не безусловное, напр. МЭ приводили такое обоснование в пользу отделения Ирландии – это будет полезно самому английскому

пролетариату. А если бы не было?

Политический интернационализм противостоит органическому империализму.

Классовый интернационализм – создание международных организаций пролетариата. Ввиду отсутствия сильного рабочего движения на данный момент невозможен в принципе. Кроме того, он не имеет никакого содержания: ни территории, ни культуры, ни языка.

Любой, кто провозглашает себя интернационалистом в этом смысле, или болтун, или негодяй – националист-демагог.

Этот интернационализм должен был бы противостоять мировому империализму.

5. Надо отличать пролетариат мировой и национальный.

Пролетариат империалистического центра в течение десятилетий загнивает вместе со своим национальным производительным капиталом: с одной стороны уменьшается численно, растворяясь в массе служащих, с др. стороны – становится мировой рабочей аристократией. Интересы такого национального пролетариата противоположны интересам мирового.

Пролетариат некоторых развивающихся стран растет численно, но сначала приобретает национальное самосознание, наследуя традиции национально-освободительной борьбы.

Т.о., мировой пролетариат в настоящее время национален, что в общем объясняется неравномерностью развития и пройдет вместе с ее преодолением. Поэтому антиамериканский национализм в настоящее время прогрессивен.

Демагоги, разумеется, будут говорить о интересах абстрактного пролетариата, отождествляя их с интересами своего национального.

Идеолог-демагог вообще будет оперировать абстрактными идеоггемами, как будто они не разделены внутри себя.

6. Надо отличать подлинные и напускные мотивы в политической

позиции каждого индивида. Интересы людей материальны, но они привыкли выставлять некие идеальные мотивы. Дискуссия должна начинаться с саморефлексии и признаний в подлинных мотивах. Я, напр., патриот России, поэтому ищу и нахожу борьбу с мировым империализмом. Противники наоборот, находят российский империализм.

Их интересы нетрудно обнаружить.

Либералы привыкли свободно перемещаться по миру или фрилансить на западные компании.

Кто-то пострадал от полицейской стороны режима и теперь ведет личную вендетту.

Обыватели страдают от потрясений. Кто-то оказался заложником ситуации.

7. Большевики победили потому, что заняли правильную политическую позицию. Эту позицию они заняли не потому, что все имели правильную теорию (всегда быть против своего правительства и быть пораженцами), а потому, что она отвечала их интересам. Они были или эмигрантами или диссидентами на родине, потому и желали поражения режима – до Февраля. Поэтому после Февраля начались шатания и Ленину с трудом удалось удержать прежний курс.

Большевики победили в тот момент, когда весь народ стал пораженцем, т.е. большевиком. Пронесшаяся мировая буря в особых условиях России обнажила коренные интересы масс. В других условиях этого не случилось бы.

Поэтому ни один идеолог не предскажет, какая позиция окажется правильной. На нее укажет только активность самих масс.

Другими словами, страну надо под собой чутать.

Когда классовая ненависть в массах сильнее образа внешнего врага, то и любой внешний союзник сгодится – и дискредитация таким союзом не подействует: захватчики уходят, а ненависть к внутренним врагам тлеет долго. Поэтому, если вы пораженцы, будьте чутки к наличию классовой ненависти.

8. Неприкосновенность государственных границ. Вас всегда будут

ловить на противоречиях, пока вы не избавитесь от этого фетишизма. Нация – это противоречие, подразумеваемый общественный договор составных частей и – в то же время – единство политической власти. Народ имеет право на восстание и отделение, власть обязана подавлять мятежи и бороться с сепаратизмом.

Мятеж не может кончиться удачей, освободительное движение должно победить.

Внешние силы не должны вмешиваться – и обязаны пресекать военные преступления и геноцид.

Вопрос всегда решается в борьбе, но и формальное право имеет смысл – это условная конвенция на время перемирия.

9. Демократия.

Буржуазная демократия уже более ста лет – привилегия ведущих империалистических стран, теперь по большому счету – одной. Там гражданская война фракций правящего класса проходит в рамках мирного соревнования на выборах. Это возможно только при условии отсутствия угроз со стороны пролетариата или др. смертельно-опасных социальных угроз.

В таких странах как ФРГ и Япония демократия существует под зонтиком США и нет гарантий, что такой режим в них удержится при снятии этого зонтика.

Там, где противоречия острее, открытая политическая борьба привела бы к открытой гр. войне (чего никто не хочет), поэтому она принимает закрытые – недемократические – формы (если не обманываться имитациями), подавленная жестким режимом.

Народная же демократия с 1848 г. не может существовать без движения к социализму и в отрыве от него. Это и не поняли с.-д. и меньшевики после ПМВ, желавшие удержаться на этапе формальной парламентской демократии, что привело их и мир к катастрофе.

3. Нация и национальность

Нация – это политическая и идеологическая конструкция. В отличие от нее национальность имеет внутреннее для индивида содержание.

Национальности изменяются со временем, но идеолог фиксирует любое переходное состояние как определяющее. Разные идеологи фиксируют разные состояния, поэтому у них национальности не сходятся. Идеолог-националист отождествляет нацию и национальность.

Национальность определяется в основном самоидентификацией: Этничность (национальность) – важнейшая в настоящее время идентификация и самоидентификация достаточно больших групп людей. Основана по преимуществу на культурно-языковой общности.

Каждую составляющую тут надо раскрыть.

Больших групп.

Человек последовательно определяет себя как индивида, потом как члена семьи, где-то есть остатки и родовой идентификации, потом по национальности (по ср. с семьей – это большая группа).

Важнейшая. Подобно семейной идентификации и в отличие от политического гражданства (принадлежности к буржуазной нации) не может быть изменена или отменена.

Идентификация может быть и внешней (не только самоидентификацией), негативной – когда окружение определяет индивида как принадлежащего к др. группе. Тогда национальная идентификация может закрепиться, несмотря на отсутствие заметных культурных отличий.

Культурно-языковая общность – основное, но не обязательное содержание, может стать фиктивным или отсутствовать. Т.к. этническое происхождение наследуется от родителей, то может быть неоднозначным или сохраняться даже при полной культурной ассимиляции.

Тем не менее, это важно для выделения этничности в ряду раса-этнос-нация: у расы антропологическое содержание, у нации – общность экономической и политической жизни. В то же вр. четких границ нет и одно переходит в др. (чаще всего исторически смешиваясь – этнос складывается из разных расовых групп, а нация – из разных этнических).

В настоящее время.

Имеет исторический и преходящий характер. Изначально групповой идентификацией был собственно род, потом местами – конфессиональная принадлежность (иногда – кастовая).

Хорошо известна попытка в 19 в. выдвинуть как важнейшую классовую идентификацию, что не удалось (т.к. эта идентификация в дальнейшем не получила никакого содержания кроме апелляции к политической сознательности, а меньшинства, которые слышали этот призыв, справедливо чувствовали в нём призыв к ассимиляции).

Вообще, человек – родовое существо и неизбежно вырабатывает родовую (групповую) идентификацию. Понятно, что конечной точкой развития должна стать идентификация всего человеческого рода как своего, а этничность займет место в ряду вторичных подразделений, вытесняясь даже другими групповыми подразделениями (напр., рабочими коллективами).

Дополнения

1. Пример идеологии революционной с.-д. столетней давности.

...Для буржуа нация это – политико-экономическая организация, которая, благодаря своему единству и могуществу, делает для него возможным продуктивное применение его капитала как на внутреннем, так и на внешнем рынке. [с одной стороны] Национальное государство управляет рабочими внутри страны, согласно его интересам, – [с др. стороны] защищает с оружием в руках его интересы и увеличивает ради него свою власть за границей. Вот основа буржуазного национализма, который, подобно своему капиталу, в высочайшей степени активен. Но рабочий не имеет капитала, он получает лишь заработную плату. Вследствие этого его национализм пассивен, подобно тому, как пассивно получение заработной платы. Но при всем том рабочий существует в значительном большинстве случаев на средства, которые дает ему национальный капитал. Хотя национальный капитал – его враг, но средства существования он

получает от своего врага, который дает ему пропитание. Таким образом, хотя рабочий пассивно националистичен, он не может стать иным, пока не сделается настоящим социалистом.

Ибо национальное государство, капитал национального государства есть основа его существования.

Он считает поэтому и должен считать, пока он не стал социалистом, что интерес национального капитала есть его собственный интерес. Он должен защищать его от неприятеля, ибо благополучие капитала есть его собственное благополучие.

Национализм рабочих состоит из ряда мелких чувств и инстинктов, которые присоединяются к чувству самосохранения и группируются около него. На первом месте стоит инстинкт сохранения жизни трудом, заработной платой. К нему присоединяются и на нем покоятся незамысловатые чувства любви к родине, к родительскому дому, семье, ближайшим окрестностям, своему народу, классу этого народа, партии, а также традиции, привычки, чувство товарищества и инстинкты сохранения всего этого, имеющего непосредственное отношение к собственному я, и таким образом теснейшим образом связанного с чувством самосохранения. При обычном течении жизни они находятся в дремлющем состоянии, но при действительной или кажущейся опасности, благодаря этой связи с чувством самосохранения, они пробуждаются с непосредственной силой. И они загораются в пожар страсти, ненависти к врагу, фанатической любви к своей стране, когда чувство самосохранения связано с социальными инстинктами, симпатией и солидарностью к себе подобным—в данном случае с земляками и товарищами по классу своей нации. Нужна более высокая степень сознательности, чтобы преодолеть в каждый данный момент, во всякое время, всегда этот инстинкт и не отказаться от классовой борьбы ради борьбы за нацию.

Гортер Г. Империализм, мировая война и социал-демократия. 1920 г.

Всё это можно выразить и короче:

Государство – воплощение национального эгоизма, а эгоизм в природе такого существа как человек, он – обратная сторона свободы воли.

Чтобы преодолеть это, рабочего надо воспитать в идеологии социализма: его главный враг – национальный капитал. Это не всегда удастся, т.к. не всегда верно: в общем рабочий и капитал симбионты-антагонисты и не могут жить друг без друга – чтобы устранить капитал, рабочий должен сам перестать быть пролетарием.

2. Что у Радека на языке...

...Радек говорит в упомянутой книжке («Итоги XII съезда РКП») обо всех национальных советских республиках и утверждает: «Их территории не отпали от России и не имеют условий для самостоятельной жизни. Но если мы сегодня откажемся от Туркестана, то завтра он сделается английским... Поэтому окраины, которые мы имеем, мы должны задержать в своих руках» (стр. 23). Получается, что не отделились от России только те народы, которые не имеют условий для самостоятельной жизни, и дело отнюдь не в ленинской нацполитике. Но почему ряд народов не имеет условий для самостоятельной жизни – не сказано. Создание СССР Радек объясняет люксембургски, как акт чисто экономический. Фраза о том, что мы должны окраины «удержать в своих руках (а они, очевидно, рвутся от нас уйти), иначе их заберут англичане», звучит уже явно колонизаторски. Кто и кого должен «удерживать в своих руках» при признании права нации на самоопределение вплоть до отделения? Видно Радек и после решений XII съезда партии по нацвопросу оставался люксембургцем с великодержавным уклоном.

Еще недвусмысленнее звучит дальнейшее утверждение Радека: «Когда наши войска входили в Баку, то бакинские татары и тюрки приветствовали не наши войска, а они говорили: «русский хозяин вернулся»; они помнили старые связи, которые были у них со старой Россией, и тут они рассчитывали получить хлеб и мануфактуру». Если выше мы констатировали у Радека обычный уклонистско-великодержавный подход, то тут дело уже прямо пахнет отношением империалиста к колониальным народам: последние, по Радеку, попросту очарованы своими угнетателями – татары и тюрки «обрадовались своим старым русским хозяевам» (совсем как щедринский карась, который «любит», чтобы его жарили в сметане), так как последние дадут им хлеб и мануфактуру. Радек как будто совершенно позабыл, что в Баку вошла не старая русская, колонизаторская армия, а Красная, интернациональная армия – освободительница угнетенных народов, и возмутительно заявляет, что татары и тюрки приветствовали не Красную армию, а «русских хозяев». Это клевета на трудящиеся массы национальностей, клевета на Красную армию, клевета на партию и советскую власть.

После этих возмутительных рассуждений об Азербайджане Радек переходит к Средней Азии. Сначала он говорит о существующем там специальном классе мулл (видно, он поверил тогда ренегату Леви, его

клевете о том, что среднеазиатская компартия состоит из мулл), а затем делает такое невероятное утверждение:

«Сколько преданных коммунистов мы можем туда послать? Ведь эта страна равняется половине центральной Европы, а управляет ею один член ЦК. Этот один человек руководит всей работой, он летает на аэроплане в Москву и обратно».

Вот как изображает Радек жизнь советской национальной республики, находящейся на границе с Афганистаном, Индией, Персией и Китаем, и то, как она управляется. Прочтут, мол, угнетенные народы о том, как удивительно при системе советской власти управляется такая огромная среднеазиатская республика, и несомненно обратятся к Радеку, чтобы и к «им прислали «летучего цекиста», или поручат тому же «летучему цекисту» из Туркестана заодно управлять ними. Этот недопустимый выпад Радека ставит вверх ногами не только наши принципиальные установки, но и всю нашу фактическую национальную политику, на основе которой местные национальности в лице своих выборных людей сами управляют своей страной, а прибывающие работники (как это подчеркнул Ленин) помогают им своим опытом и знанием в деле руководства, в практической работе местных советских органов и т. д. Успехи в работе по коренизации аппаратов управления нацреспублик хорошо известны, эту политику мы ведем с самого начала Октябрьской революции, и вот какой она получается в устах уклониста-великодержавника из люксембургянцев, впавшего еще в троцкизм.

С. Диманштейн. Борьба ленинизма с люксембургянством. 1933 г.

Это возвращает нас к пред. главе («Большие идеологемы»):

«3. Нации всегда имеют экономическое основание, но политическую форму. В зависимости от степени экономической основательности их условно можно разделить на политические и экономические».

Радек вполне рационален (хотя и выражается цинично) и понимает отличие политических и экономических наций: если нация слаба, то попадет в зависимость, не от нас, так от наших врагов. Его оппонент — прямолинейный идеолог абсолютного равенства наций.

Обвинение в колониализме тут отбивается безусловным признанием прав наций на политическое оформление — это и есть ленинская национальная политика. Далее требуется компромисс с их экономической

слабостью – разные формы федераций, союзов и др. зависимостей, которые современный мир знает во множестве.

4. Украинская идеология

Надо найти объективные причины такого идеологического раскола и полной победы столь экстремистской идеологии на Украине.

Смысл евро-майдана

Украина была единством противоположностей – проевропейского запада (не в географическом, а политическом смысле) и пророссийского востока. Следствием было возникновение политических противоречий, когда ни один президент не представлял всю страну, а только половину и т.о. он (представляемые им силы) ощущал себя недееспособным. Противоречия непереносимы и рождают желания их разрешения. Низкая политическая культура дает склонность к разрешению путем уничтожения одной стороны.

Это и произошло на майдане – уничтожение половины Украины как политического актора. Отныне всю страну будет представлять только запад (поэтому и торопились до переизбрания Яныка, т.к. нужна была не очередная смена, а захват власти). При этом востоку будет даже предоставлена возможность говорить по-русски и голосовать, но объем использования русского языка будет определяться на западе, а голосовать можно будет только за ту повестку, которую будут формировать там же. Чем же вы недовольны? Сами понимаете – это мы знаем истину, на колени перед ней!

Понятно, что осуществление такой программы возможно только через террористическую диктатуру и террористическими методами, поэтому нужны нацисты.

Такой метод разрешения противоречий – через уничтожение одной стороны – всегда возможен только таким разрушительным для всего общества методом. Разрушительным, т.к. ослабляет и победителя,

подобно тому, как попытка уничтожения северного полюса магнита только уменьшает размер магнита.

Это предостережение и для РФ, т.к. политический спектр тут тоже единство либералов и консерваторов (третьей партии, социалистической/рабочей – в смысле существенной части общества – здесь нет, сталинисты тоже вид консерваторов). Успех может породить соблазн полного разгрома либералов и опасность осуществления консервативной пр-мы во всём объеме – т.е. полной реализации всех имперских потенциалов России.

Нацизм на Украине и глобальный капитал

Как ни мала доля нацистов на Украине в процентном отношении, они полностью определяют характер этого гос-ва, составив те самые "особые отряды вооруженных людей". А каково отношение общества к этому обстоятельству? Все, от олигарха до рабочего, его принимают. Оппозиционные настроения маргинализированы и маркированы как непатриотичные (пророссийские).

Мы – свидетели процесса национального самоопределения и обособления. Суть же украинской идеи – слияние с Западом. Давняя, понятная и законная идея, несомненно наконец-то пришедшая к этапу полной реализации. Украинцы – европейцы, нерусские русские, цивилизованные негры (в отличие от русских – диких белых негров). Запад безошибочно определяет украинцев как своих, а Россию, как Чужого, Другого. Отсюда такая необъективность в подходах западных СМИ к освещению войны в Донбассе и в Киеве – истребление "колорадов" никогда не воспринималось как проблема, бомбежки Киева – это вам не бомбежки Донецка.

Присутствие нацистов никого не смущает: Запад и сам с ними мирится, нацизм – сопутствующий атрибут белого человека (империализму ли это не знать?). Для украинцев же это – показатель полного разрыва с Востоком.

Русский либерализм и Запад

Д. Быков в прямом эфире "Эха" (сразу после вторжения) льёт слезы. Еще бы – мечта о свободной (не автократической), полностью слитой с Западом русской стране опять раздавлена "имперским" сапогом.

Либералы – это Украина=Запад в России. Происходящее сейчас – их чудовищное поражение, как политического и экономического крыльев в правительстве, так и социальной основы – верхушки буржуазии. Поражение как внутри, так и вне – санкции Запада (отказ в выдаче виз, ограничения собственности) направлены теперь не против какого-то политического направления, а против всего гр. общества России, в первую очередь против самой прозападной его части (привыкшей посещать Европу, напр.). Запад отказывается выделять и отличать либералов и мажет всех русских одной краской. Особенно пострадали олигархи: не только потеряв на курсе своих акций, но им теперь придется еще сильнее припасть к царскому сапогу.

Что же касается нашего "экономического блока" в правительстве, то применение догм и учебников "Экономикс" (при последовательном применении санкций) станет очевидно невозможным. Они же (ЦБ) даже не могут определить курс нац. валюты иначе, чем на глобальном спекулятивном рынке гос. облигаций, долгов (а доступ на этот рынок вроде бы будет запрещен).

Дополнения

1.
Ноам Хомский (Избранное. 2016.) пытается рационально понять особые отношения США и Израиля, который настолько верное орудие, что ему даже позволено кусать кормящую руку (описан случай теракта в ранней истории).
Я вижу очевидные аналогии: Украина (какой ее делали кураторы) не некий "сало-рейх", а Израиль-на-Днепре. Несомненная "демократичность", т.е. широкая классовая основа власти, как бы пришедшая от античных рабовладельческих республик вместе с их

напряженной агрессивностью. Неавторитарная Украина противопоставляется авторитарной РФ как Израиль арабским деспотиям. Маленькое, но эффективное, противопоставляется большому неэффективному.

2. Представление о голодоморе как американская идеологическая операция.

...В сфере исторической науки аналогия превратилась в тождество прежде всего под влиянием книги «Жатва скорби» («The Harvest of Sorrow»), поздней, возникшей в атмосфере холодной войны работы Роберта Конквеста, автора «Большого террора», а также под влиянием той интеллектуальной среды, которая сложилась вокруг этой книги. «Жатва скорби» стала необычайно популярной и за пределами США. Тайная политическая история ее написания была обнародована еще в 1988 г. американским автором Джеффом Коплоном.

Стоит кратко вспомнить эту историю. Суть в том, что голод 1932—1933 гг. на Украине нужно было показать как подобную нацистскому геноциду попытку сознательно уничтожить миллионы украинцев, причем количество жертв этой попытки должно было даже превышать 6 миллионов – число евреев, погибших в результате нацистского холокоста. Сегодня уже многие забыли о том, что, вынужденные эмигрировать из-за сотрудничества с нацистами украинские националистические организации, подобные «Комиссии по расследованию голода на Украине», в начале 80-х годов выдвинули тему «советского холокоста», отчасти именно для того, чтобы отвлечь внимание от действительной роли украинских националистических групп в уничтожении евреев на Украине во время Второй мировой войны.

...

В «безудержной фантазии» нуждался Конквест для написания в 1987 г. книги «Жатва скорби»⁹. Для обоснования необходимого тезиса еще в 1983 г. был показан фильм «Harvest of Despair», в фотоматериалах которого была осуществлена изящная фальсификация. Картины голода 1921-1922 гг. в Поволжье были представлены как сделанные в период голода 1932-1933 гг. на Украине. Устрашающая книга Конквеста оказалась находкой для средств массовой информации. Она была встречена овацией в политической и культурной публицистике, однако специалисты, по существу, с первой минуты отвергли тезисы ее автора. Известный советолог, профессор

Стэнфордского университета Александр Да лин высказал следующее мнение: «Нет доказательств того, что го лод был сознательно направлен против украинцев... Это совершенно несовместимо с имеющимися у нас данными и не имеет никакого смысла»¹⁰. Дискуссия возобновилась в 90-е годы, в частности, можно указать на полемику Виткрофта и других с Конквестом, а также на ответ Конквеста, согласно которому книга действительно была написана с целью доказать, что Сталин сознательно вызвал голод, чтобы расправиться с кулаками.

В конце 80-х годов могло казаться удивительным, что в подготовке и пропагандировании этого обмана приняли участие высшие политические и культурно-просветительные форумы США. Книга Конквеста была созвучна не только сделанному в Канаде украинскому фильму 1983 года. С тех пор его одиозная концепция благодаря фильмам и научно-популярным телевизионным сериалам превратилась в своего рода «священное писание», пропагандируемое и в качестве учебного материала для школьников. Государственная учебная программа, которую популяризировал представлявший консервативную партию член государственной комиссии по образованию Уильям Ларкин, была сильнее всего дискредитирована при оценке жертв украинского голода. «Общепринято, – писал он, – что приблизительно 7 миллионов украинцев, то есть 22% всего украинского населения, умерли от голода по плану и под контролем правительства»¹². Оценка количества жертв начинается с ужасных полутора миллионов и взлетает до упомянутых выше семи миллионов человек. Книга Конквеста и сегодня окружена благоговейным почтением. ...

(с.219)

КРАУС, Тамаш. СУДЬБА ИДЕЙ В ИСТОРИИ СССР И ПОСЛЕ... – М.: 2020.

3. В. В. Реусов об Украине в 2014 г.

...банкротство украинского капитализма, прежде всего его неспособность обеспечить сколько-нибудь устойчивый экономический рост, а отсюда – неоправдавшиеся ожидания захваченных им масс (Украина до сих пор не достигла уровня производства 1990 г.), бедность этих масс, особенно сельских и, наряду с этим – богатство крупнейших денежных воротил – внутренняя пружина всех политических кризисов, последнего – в особенности.

Украинская буржуазия запуталась в противоречиях, в борьбе за власть и влияние крупнейших группировок, ей нечего предложить

народу. Именно поэтому рождается миф о "европейском пути развития", а соответственно – все недостатки реального капитализма списываются на то, что он "не такой", "неправильный", нереформированный. История повторяется: раньше ожидания были направлены на капитализм "вообще", сегодня – на "европейский", "правильный" капитализм. Несостоявшийся "средний класс" лелеет мечту примазаться к барскому столу "золотого миллиарда" – "на пути в Европу". Следовательно, все прошлое – особенно экономические связи, оставшиеся от СССР (прежде всего, с Россией) – обуза, от которой нужно отделаться. Европейская приманка – это иллюзорное объяснение причин краха и, вместе с тем, якобы выход из него.

Идеологически это неизбежно требует полного отрицания всего советского наследия. Таким образом, "общеклассовая" вражда буржуа к коммунизму, на Украине (как и в других странах) приобретает идеологическую оболочку национализма, национального "возрождения", уничтожения того, что, якобы, ущемляло и ущемляет нацию в ее развитии. Буржуазия не выдумывает национализм, а берет его в готовом виде, поскольку он уже существовал со времен начала складывания украинской нации на основе капиталистического развития дореволюционного периода. Бандеровщина – идеология недобитого куркульства, сельской мелкой буржуазии Запада Украины – несмотря на все ее вопиющее противоречие с требованиями современного развития, – как идеологический костюм движения довольно таки широких масс, оказывается единственным инструментом в руках укробуржуазии, противостоящей, во-первых, своему народу, во-вторых, тем слоям своего класса, которые зависят от экономических связей с Россией. Последние, в свою очередь, "борьбой" за интересы "русской Украины" прикрывают свою борьбу за власть и влияние с конкурентами. Отсюда и полное соответствие активности "евромайданных" сил и их противников карте электоральных предпочтений: ПР и КПУ, с одной стороны и главные "националистические" (по своему идеологическому набору) партии – с другой.

Второй аспект. Капитализму на Украине сегодня нет реальной альтернативы. Капитализм в Украине не только сам обанкротился, но и не успел организовать армию пролетариев – его могильщиков. Соответственно, нет почвы для массового социалистического движения, а потому пауперизация народа гораздо скорее оборачивается его правой радикализацией, чем ростом левых сил. Итог: или "европейский вектор" и уничтожение Украины как

цивилизированной промышленной страны, или "пророссийский вектор", позволяющий, по крайней мере, получить какие-то перспективы сохранения части современного промышленного и проч. потенциала, сохранить промышленных рабочих как ядра пролетариата, сохранить и, в дальнейшем, социалистическую перспективу Украины.

Итак, Украина в слишком большой степени – идеологический проект. (Все нации в какой-то степени таковы, но в норме эта составляющая меньше.)

5. Мировой кризис и война

Рост капитала периодически приводит к столкновению его с границами национальных государств и частной собственности. Раньше это приводило к империалистическим войнам. В ходе глобализации центр накопления в США решил эту проблему по-своему и в своих интересах. Это глобальное решение после десятилетий процветания привело к еще небывалому, глобальному кризису, кризису этой паразитической системы.

Кризис вызван, конечно, не Украиной, что понимают вроде бы все идеологические направления. Но понимают по-своему. Напр., последний продукт гос. идеологов – «Концепция внешней политики Российской Федерации» – пестрит «цивилизациями» и их разломами. Цивилизационный подход – концепция настолько тощая, что мало что можно почерпнуть из нее даже для идеологии, кроме самого простого: «мы отличны от других». Каждый волен выводить из этого свое, напр., следующее.

Идущая империалистическая война, как и положено, – война **за передел, новый раздел** мира. Но это раздел не территориальный, а экономический. То обстоятельство, что война происходит на земле и ведет к территориальным перемещениям, только затемняет существо дела.

Другое осложняющее обстоятельство – центры борющихся лагерей (США и КНР) связаны как сиамские близнецы в рамках глобального капитала. Поднимающийся китайский империализм находится в противоречивой ситуации: по логике вещей он должен бороться с глобальным капиталом, с др. стороны ему выгодно сохраниться в сложившейся системе.

Представляющий **глобальный капитал** центр (старый гегемон, коллективный империалист, «Запад») характеризуется как **паразитический и грабительский**, китайский – как прогрессивный и производительный, кроме того он подрывает систему неоколониализма в Африке и т.д. Левым представилась прекрасная возможность выбрать свою сторону. Нашим, конечно же, психологически комфортней выбрать Запад, а не азиатское варварство (с его цифровым концлагерем и пр.), что как бы сохраняет белые одежды интернационалистов – врагов своего империализма.

Ничего подобного не найти на Западе: американские социалисты (из демпартии) настолько органические империалисты, что даже не поняли бы постановки вопроса. Восток находит неожиданное и смущающее сочувствие среди некоторых диссидентствующих буржуазных интеллектуалов и крайних (правых и левых), особенно правых традиционалистов.

Сюжет с медленным и сознательно осторожным подъемом Китая вдруг получил обострение – появление незваного инициативного союзника, что поставило вопрос ребром (вопрос о горячей мировой войне!) – России. В своем лагере она занимает всего лишь фланг – и вот вырвалась вперед.

К этому были объективные и субъективные предпосылки. Объективные в том, что советское наследство было слишком большим куском, который глобальный капитал не смог переварить – включить страну в мировые цепочки производства интернациональной стоимости на правах периферии. Как это трудно, показала Украина, с попытки переварить которую и начался текущий кризис, ее разорвавший (понуждение к ассоциации, евро-майдан, переворот).

Это еще не предопределяло вступление РФ в войну и не предопределяло нарастание враждебности Запада, которое ее спровоцировало: Запад мог не наращивать враждебность, РФ могла продолжать отступать в ответ на эту враждебность.

Враждебность Запада сначала была невелика; нельзя сказать, что РФ была костью в горле. Авторитарный режим (мягкий авторитаритаризм – по определению самих кремлевских политологов) – противоположность демократии, т.е. режиму, наиболее благоприятному свободному перетеканию стоимости в глоб. центр накопления (в рамках эксплуатации мира гегемоном через неэквивалентный обмен). Нельзя сказать, что режим так уж злоупотреблял своими возможностями, всякими «нацпроектами». Всё-таки это раздражало.

Представлялось, что удастся посадить в Кремль Навального. Не удалось – надо нажать, пошли санкции. Каждый раз казалось, что чуть не дожали. Переходились красные линии и взрывались экономические «атомные бомбы».

В общем, переоценили свои силы и попали в ловушку, теперь вопрос стал принципиальным и центральным – поражение станет крушением. Для нас это плохо, но России опять выпала мировая революционизирующая роль. – Вопреки первоначальному желанию руководства, политика которого была половинчатой, если не трусливой.

Как и Запад, руководство РФ попало в ловушку постепенного повышения ставок. Операции в Грузии и Сирии были шалостью по ср. с тем, что позволяют себе настоящие большие мальчики империализма. Но в Вашингтоне уже сделали вывод (о котором еще не знали в Москве) – надо кончать. Это послужило началом к повороту от объективных предпосылок враждебности (о которых было выше) к решительным действиям.

При выборе варианта в каждой развилке действовал личный фактор – высшее политическое руководство оказалось на этот раз достаточно боевитым (в отличие от некоторых исторических предшественников) и решилось бить первым.

Теперь в РФ можно наблюдать нечто невиданное: повышение полит. активности низов, призыв «к оружию», «национализацию элит» (Запад сам экспроприировал собственность олигархов), возможности для роста собственного производства, отвязку от эксплуатации вампиром – глоб. капиталом, специфическую форму соц. уравнивания (перед военкомом все равны).

Ну что ж, государство у нас по-прежнему единственный социалист – и ревниво оберегает эту роль от конкурентов.

Это и есть особенность «российской цивилизации».

6. О «теоретиках»

"Межцивилизационные разломы" – в экономическом измерении – это разделение на валютные зоны, что выводит нас на теорию М.Хазина.

Он, насомненно, идеолог – в силу идеальности его теории, не нуждающейся во внутренней критике и развитии. Это просто излюбленные идеи данного автора. Таких изобретателей новых теорий – пруд пруди, но Хазин смый солидный и достойный из них. Это идеолог без четко очерченного социального слоя, интересы которого он бы представлял, но в общем – патриотического направления.

Всем интересно экспертное мнение Хазина, безотносительно его теории. Но свои выводы он вроде бы делает на ее основе, поэтому надо ее понять.

Из высказываний Хазина 2008 г., старых, но снова актуальных.

...одна из главных проблем США – абсолютно объективная – состоит в том, что у вас доллар одновременно и мировая валюта, – мировая резервная валюта, мировая торговая валюта, единая мера стоимости, и одновременно это национальная валюта США. Когда американская экономика в 1945 г. была больше половины мировой, эти противоречия можно было сгладить. А сегодня вы либо должны поддерживать доллар как мировую валюту и гробить американскую экономику, либо вы должны за счет поддерживать американскую экономику и гробить мировую финансовую систему.

Здесь путаница: не либо-либо, а и-и.

"Гробить мировую финансовую систему" – значит создавать разрушительную инфляцию (т.е. гиперинфляцию) вследствие "эмиссии доллара". Но гиперинфляция для мировых денег невозможна.

Инфляционная спираль для национальной валюты развивается при массовом бегстве от денег в товары и твердые валюты – мировые деньги. От мировых денег (пока они остаются таковыми!) бежать некуда.

"Поддерживать американскую экономику" здесь – значит только поддерживать американский уровень потребления, но не произ-во (базовую часть экономики). Соответственно в предыдущем пассаже "гробить американскую экономику" значит допустить падение американского уровня потребления.

При этом предполагается, что можно честными, т.е. экономическими методами "поддерживать доллар как мировую валюту" (отказом от эмиссии). Но т.к. доллар переоценен, то честным способом его поддержки м.б. только девальвация, что означает практический дефолт по долгам, следовательно не поддержка, а падение.

В том-то и проблема, что доллар поддерживается внеэкономическими методами (военно-политической гегемонией), что означает одновременно и поддержку американского уровня потребления, и угробливание своего произ-ва (экономики), и эмиссию доллара (посредством чего грабится мир). При этом мировая финансовая система может угробиться только в том смысле, что эксплуатация мира становится всё более явной и появляются стимулы ее разрушения.

Нет проблемы, что мировые деньги – "одновременно это национальная валюта США". Когда деньгами было золото, то проблем с такой одновременностью не было (все нац. валюты были из драг. металлов) – кроме тех, которые и привели к отказу от золота. Проблема не в том, что национальная валюта США – мировые деньги, а в том, как это используется – для грабежа.

...у СССР была идея: СССР нес миру справедливость и защиту от эксплуатации. Идея, понятная любому человеку в мире. С ней можно соглашаться или не соглашаться. Но идея понятная. Капитализм несет

миру свободу – опять-таки, с этой свободой можно соглашаться, можно не соглашаться, но идея всем понятна. А что несет миру Китай? Вот Китай миру ничего не несет. И в этом смысле у Китая нет модели, как он будет управлять миром.

Здесь "управлять миром" – значит его эксплуатировать. Но господство (при всём желании) не может ограничиться только эксплуатацией, каждый господин приходит к необходимости оказывать ответные услуги – охраны, развития военного дела, создания условий для выделенного социального слоя, в котором происходит накопление культурных ценностей.

США управляли миром посредством экспорта демократии, прежде всего во "враждебные гос-ва" (по терминологии времен основания ООН) – Германию и Японию. Демократия в них поддерживается ценой отказа от собственного политического движения и полного подчинения движению США. Нет (и не может быть) никаких признаков того, что эти страны способны на собственное демократическое развитие в отсутствии американского зонтика. (Демократия вообще не является решением противоречий кап-ма).

СССР действительно не эксплуатировал свою часть мира (зато не очень-то и управлял), а расходовал собственные ресурсы, на чём и надорвался.

"Китай миру ничего не несет", т.к. не несет (пока) гегемонии, а несет разрушение нынешней, из-за которой сам подвергается эксплуатации.

Углублять механизмы разделения труда больше невозможно в целом.

Это "разделение труда", которое он выводит прямо от А. Смита, только и придает это построениям прелесть новизны. На деле же "углубление разделения труда", повышение строения (орг. и техн.) капитала, повышение доли постоянного капитала (прошлого, мертвого труда) над переменным (живым трудом) – всё это стороны одного и того же: накопления капитала и повышения общественной производительности. Далее у него этот "механизм разделения труда" прямо требует расширения рынков. На деле же рост капитала приводит к перепроизводству, монополизму вплоть до империализма и требует захвата рынков – что звучало бы одиозно. А так он со своим

"углублением разделения труда" сохраняет академическую невинность. Т.о. "углублять механизмы разделения труда больше невозможно в целом" значит, что предел накопления капитала достигнут.

... разделение мира на валютные зоны

Неразделенный мир – значит глобализация, разделенный – деглобализация.

Глобализация – обмен по мировым ценам в долларах, все валюты (кроме "деревянных", неконвертируемых) практически являются деривативами (производными) доллара. Деглобализация – протекционизм и как бы национализация валют.

Глобализация значит, что производство интернациональной стоимости преобладает над национальной, деглобализация – наоборот. Как разъяснено далее, глобализация, подчинение чужим отношениям стоимости, означает эксплуатацию и разрушение части национальной экономики:

На каждом национальном рынке действуют свои стоимостные соотношения и если рынок будет открыт, то нормальное воспроизводство стоимости и национального капитала будет нарушено.

Если до глобализации произ-во всех товаров и отраслей "вписывалось в рынок" (национальный), то с переходом на мировые цены неожиданно оказывается, что теперь они не вписываются и должны исчезнуть. Остается в основном экспортно-ориентированное произ-во.

Т.о., Хазин, применяя свою терминологию, сильно упрощает реальные процессы, но приходит к верному выводу: накопление противоречий и всё более очевидная несправедливость мировой экономической системы, паразитизм и недееспособность гегемона, приведут к ее разрушению. Т.к. глобализация всё же в значительной мере всем выгодна, то это приведет к большим потрясениям, потерям и создаст политические угрозы.

7. Неэквивалентный обмен

Обмен равен, если он свободен, считают либералы. Поэтому они не признают эксплуатации и объективной стоимости. Ортодоксальный социализм напротив, упирал на эксплуатацию человека человеком. Сейчас же интересней эксплуатация в большом масштабе – странами.

Уже неоднократно упоминалось понятие интернациональной стоимости. Проявление ее противоречия с национальной стоимостью – противоречие между производителем и потребителем (или между интересами производства и потребления).

Это когда работник УАЗа или ВАЗа хочет ездить на иномарке. И это мы все, не воображайте, что лично вы не имеете к этому производству отношения. Всё общество РФ как единая корпорация является производителями уазиков (или продукции того же ранга) и не хочет на них ездить. В длительной перспективе такое общество нежизнеспособно.

Это не только у нас, то же противоречие определяет проблемы и других проблемных стран.

Венесуэла.

Производство почти исключительно сырья и ввоз всего остального. Зато потребление (верхней части общества) в хорошие годы было на мировом уровне! Самая уязвимая модель.

США.

Приоритет потребления – гегемон мог себе позволить. В результате – падение собственного производства и разложение трудового населения (наркомания, извращения).

Китай.

Приоритет производства. С точки зрения эквивалентности обмена – эксплуатация заокеанским дядей, от которой невозможно избавиться и которая представляется как благо.

Когда Трамп говорил, что КНР эксплуатируют США и разрушают ее

производство – это с точностью до наоборот. Но для производителей США да, это так. Такое вот противоречие.

Лечение от этого такое же простое, как и от ожирения – не жрать. Т.е. США должны сильно снизить свое потребление. От этого всем будет только лучше. Но эгоизм не позволит. Всё произойдет через болезненный мировой кризис и ломку.

Это противоречие свойственно только капитализму и связано с включенностью в мировой рынок.

Возвращаясь к нашим производителям, производство и продажа наших автомобилей за доллары разорит завод, т.к. мировая цена (в силу проигрыша мировым конкурентам по качеству) будет ниже себестоимости. А если за рубли – то нет. Для этого надо, чтобы рубль был неконвертируемым. Но нам всем как потребителям надо, чтобы он был конвертируемым...

Тут для упрощения понимания интернациональная и национальная стоимость заменены мировыми и национальными деньгами соответственно, далее конкретно: долларами и рублями.

В более благоприятных случаях, когда национальное производство (напр., сырья) всё же остается рентабельным, то и **происходит неэквивалентный обмен в пользу более развитой страны**, когда меньшее количество более вооруженного (средствами производства, энергией, технологиями, ноу-хау) труда обменивается на большее количество труда отсталой страны.

Такая эксплуатация – на основе достижений прошлого труда – была бы сравнительно честной, но в реальном мире к ней добавляется чисто паразитическая спекуляция господствующим положением в финансах – весь мир обкладывается инфляционным налогом. Т.о., система эксплуатации многоуровневая:

- долларовая система эксплуатирует весь мир, в т.ч. развитые страны (эмиссия мирового ср-ва обращения есть бесплатный и невозвратный кредит для США);
- развитые страны эксплуатируют недоразвитые (неэквивалентный обмен, подчинение производству интернациональной стоимости);
- и только на нижнем уровне капитал эксплуатирует труд.

Либеральная идеология и все их теории исходят из неявного положения, что это невозможно, что свободный обмен (на конкурентном рынке, в отсутствии монополий) всегда справедлив. Поэтому они в частности отрицают эксплуатацию труда капиталом, а также существование стоимости, отличной от цены. Или признают ее только как субъективную оценку полезности.

Ситуацию можно описать так:

допустим, мы знаем соль только в виде рассолов и хотим объяснить явление солёности. Маркс предлагает признать наличие субстанции «соль» (стоимость), а его оппоненты указывают на то, что солёность пищи зависит от того, что человек ел до этого. Так же она зависит от культурных особенностей: для кавказца и китайца русская пища будет пресной, а для какого-нибудь европейца наоборот.

Теория рассматривает абстрактное общество, конкретное же общество – это национальное общество.

Если для упрощения исходить только из экономического детерминизма, то подобно «солёности», национальность имеет свою субстанцию – национальный рынок (национальную стоимость). Он создает национальную буржуазию, затем буржуазия (следовательно, и все руководимые ею культурно, идейно и политически слои, т.е. народ) создает нацию (лит. язык, школу и пр.). Если граница рынка не совпадает с границами старых феодальных гос-в, они разрываются или наоборот, как Германия, соединяются.

Пробуя продвинуться далее, можно отметить, что национальный рынок явление не абстрактное, а определенное (от слова «предел») таможенной границей. Это важно, таможня – не выдумка проклятых буржуев, налагающих на полезные для трудящихся товары грабительские пошлины. На каждом национальном рынке действуют свои стоимостные соотношения и если рынок будет открыт, то нормальное воспроизводство стоимости и национального капитала будет нарушено. Т.о. таможня выполняет роль шлюза между национальным и мировым рынками.

У жизнеспособного гос-ва национальный рынок так или иначе закрыт и работает замкнутый на себя контур воспроизводства, только дополняемый внешней торговлей. Империализм стремится разомкнуть национальный контур и включить национальную экономику подчиненной страны в мировой рынок (рынок гегемона).

Напр., у какой-н. Венесуэлы было бы свое соотношение цен сахар-бензин. За счет более высокой производительности мировые цены выгодней для потребителей сахара (напр., на нац. рынке литр бензина=кг сахара, а на мировом – два). И вот, все продукты питания начинают закупаться по импорту, а вся нефть продаваться на внешний рынок.

Понятна опасность такого положения: при пертурбациях на мировом рынке (или санкциях) вы остаетесь без еды со своей нефтью, из которой даже разучились делать бензин. Более глубокая опасность – вместо национального капитала (кроме компрадорского) вы начинаете воспроизводить глобальный. (А не производя национальный капитал, не производите и национальный пролетариат!)

Противоположная опасность – автаркия, когда всё пытаются производить самостоятельно, еще хуже, но в настоящее вр. вряд ли актуальна.

Таможенные союзы.

Они дают свои выгоды участникам, поэтому возможны различные соотношения размеров национального, регионального и мирового контуров экономики. Напр., у Украины был выбор – включение в российскую или европейскую таможенную границу. По понятным историческим причинам стоимостные соотношения на Украине были ближе к российским и включение в соответствующий союз было безопасней. Но тут сработал чисто надстроечный фактор – настолькоavidомым слоям противна мысль о работе (даже взаимовыгодной) на российский капитал.

Дополнения

Пример современной западной терминологии:

экспорт капитала, по наблюдению Пола Барана и Суизи, «вовсе не

служит полезному приложению излишка [стоимости] внутри той страны, где он произведён, но оказывается эффективным способом вывода излишка [стоимости] в инвестирующую страну».

...

Но понятие *global labour arbitrage* важно, поскольку [по-английски] на языке финансистов «*arbitrage*» обозначает игру на разнице цен одного и того же актива или фактора производства. И хотя неоклассическая экономика считает, что такая «игра» приводит к выравниванию рыночных цен (т.н. закон единой цены), сами экономические субъекты отлично понимают, что для рабочей силы в мировом масштабе этот закон не действует...

Интан Суванди. Сокровенные недра глобальной экономики.

Противоречие сторонников протекционизма и свободы торговли

Один из депутатов встает и говорит: «Если вы допустите свободный обмен, иностранцы завалят вас своими товарами: англичане навезут тканей, бельгийцы – каменного угля, испанцы – шерстяных изделий, итальянцы – шелковых, швейцарцы – скота, пруссаки – зерна столько, что у нас станет невозможным существование какой бы то ни было промышленности».

Другой отвечает: «Если вы запретите обмен, то все дары, которые расточает природа в странах с различным климатом, станут для вас недоступными. Вы не воспользуетесь ловкостью англичан в устройстве машин, богатством бельгийских рудников, плодородием почв в Польше, питательностью трав на швейцарских лугах, дешевизной труда в Испании, теплотой итальянского климата, и вам нужно будет производить с большими усилиями то, что вы могли бы получить легко посредством обмена».

Ф.Бастиа

Социалистический монополизм

Сама экономическая структура современных капиталистических стран исключает возможность серьезного сопротивления американским захватам, потому что уже достигнутая степень мирового разделения труда, мирового обмена, при наличии огромного и все растущего экономического, технического, финансового превосходства Америки над всем остальным миром, с неизбежностью подчиняет стоимостным отношениям Америки этот мир. Ни одна капиталистическая страна, не переставая быть капиталистической, не может вырваться из действия закона ценности, хотя бы и трансформированного. А здесь как раз на

нее обрушивается лавина американского монополизма. Соппротивление возможно лишь разве на политической почве, в частности на военной, но именно вследствие экономического превосходства Америки оно вряд ли обещает быть победоносным.

...

Борьба с американским монополизмом возможна лишь путем изменения всей структуры той или иной страны, т.е. путем перехода к социалистической экономике, которая сделает из страны монолитный организм и не даст американскому капитализму растаскивать по частям одну отрасль за другой, подчиняя их американским трестам или банкам, как это имеет место при «естественном» соприкосновении современного американского капитализма с экономикой других капиталистических стран. Напор капиталистического монополизма может встретить преграду лишь в социалистическом монополизме.

Преображенский Е. Новая экономика, 1926.

8. Избавление от вампира

В плену своих ложных теорий, либералы не в силах понять обратный эффект анти-российских санкций. Для западных либералов это оказалось неприятным сюрпризом, а для наших (властных) – приятным: доброжелатели сразу же приписали им заслугу спасения экономики РФ. Ответ же прост – вампир отсосался, сам.

Итак, глобальный капитал – вампир, а Россия (в составе всей периферии) – его жертва (была). Но есть нюанс. Это вампир не поэтический, а настоящий. А настоящие, природные вампиры часто используют анестезию – особые вещества – для смягчения боли от укуса. Они могут быть и в самом деле полезны, напр. как у лечебных пиявок. Кроме того, некоторые паразиты таким образом воздействуют на поведение "хозяина".

Т.о., вампир сосал кровь России в обмен на свои "молекулы свободы", и обе стороны считали этот обмен равноценным; он и был равным – в стоимостном, долларовом выражении, выражении фиктивном. И вот, когда жертва начала трепыхаться (в др. отношениях:

политическом и военном, в эк. плоскости всё оставалось по-прежнему), вампир решил ее наказать (эк. санкциями). И отсосался! И вдруг вампиру поплохело и становится всё хуже и хуже. А у жертвы, понятное дело, началась нарк. ломка. Но почувствовала она и неожиданный прилив сил. И думает: а чего это я, дурак, лежал на печи 30 лет, позволял себя сосать, а оказывается – вовсе и не инвалид!

Другой нюанс – вампир знает, что вампиром быть плохо и себя вампиром не считает. Он – благодетель человечества, это его высшая ценность. И на полном серьёзе собирается отказаться от "горячей красной крови" ископаемых источников сырья в пользу "зеленой" энергетики.

Почему ценности так важны, что за них готовы (пока) терпеть любые лишения? Потому, что иначе капитал теряет власть над массовым сознанием, признавая преступность своего векового господства после подавления мировой революции и беря т.о. ответственность за преступления двух мировых войн и пр. (которые теперь воспринимаются не как вина капитала, а случайные злодеяния отдельных авторитариев и вообще всячески преуменьшаюся. Не зря так их раздражает память о той победе СССР.)

Не может Запад отказаться и от своих ложных либеральных эк. учений, на которых и основаны его ценности. Несмотря на то что следование этим учениям уже привело или ведет к катастрофе.

Невольно разделяют эти ценности и эти учения (о передовом хар-ре и производительности постиндустриального Запада, об эквивалентном обмене с периферией через денежные единицы) и те левые, которые видят в происходящем повторение ПМВ с борьбой двух империализмов.

Что же касается происходящей сейчас [почти год назад] у РФ наркотической ломки, то она проявляется как в кризисе структурной перестройки (и цепочек поставок), но более важно – в наличие компрадорских отраслей и занятости (по аналогии с компрадорским капиталом). Это сырьевые отрасли, которые и качали ту кровь в обмен на цифирки в компьютерах, которые стираются нажатием кнопки. Производство в этих отраслях надо снижать (столько при

эквивалентном обмене просто не потребить), занятость сокращать, капитал национализировать, чтобы не бухтел (экспортерам выгоден заниженный обменный курс, т.е. продолжение эксплуатации Западом).

Главная победа для РФ – в экономике, происходящее на поле боя не так важно.

В мировом же масштабе происходящее будет сопровождаться соответствующими потрясениями.

II. Идеология в общественном самосознании

9. Противоречия

Упомянутые выше противоречия (политические, экономические, стоимостные) выводят нас на необъятную тему общественных противоречий.

Как будет показано, с ними связаны общественные институты. А идеологи – это чаще всего горячие проповедники их излюбленных институтов (что, конечно, объясняется интересами). Самые популярные среди идеологов институты – традиционные: семья, собственность, религия, государство.

Идеологу представляется, что создание или поддержание института – верный способ решения проблемы. Но это такое решение, которое проблему увековечивает. Институализация противоречия создает сидящий на решении его социальный слой, заинтересованный скорее в усугублении, чем в решении. Самый значимый здесь пример – государство и бюрократия.

Увидеть противоречия мы можем, сравнивая наше противоречивое общество с образцами, которые их лишены.

1) С одной стороны это общественные насекомые. Улей или муравейник лишены противоречий, поскольку это не общество, а организм, члены которого не обладают свободой. Кроме того, разделение труда решено биологически – разным трудом занимаются разные касты, отличные др. от др. как разные биологические виды.

Т.о. мы сразу видим два коренных противоречия.

Свобода в обществе. Жить в обществе – значит быть несвободным (от него). При этом каждый человек свободен.

Дюркгейм. О разделении общественного труда:

...В данных вопросах господствуют две противоположные теории. Для одних, например для Гоббса и Руссо, между индивидом и обществом существует некоторый антагонизм.

По их мнению, человек по природе своей не склонен к общественной жизни и может быть подчинен ей только силой. Общественные цели не только не совпадают с индивидуальными, но скорее противоположны им. Поэтому, чтобы заставить индивида преследовать их, необходимо оказывать на него принуждение, и в учреждении и организации этого принуждения и заключается преимущественно деятельность общества. Только потому, что индивид рассматривается как единственная реальность человеческого царства, эта организация, имеющая целью обуздать и покорить его, может представляться искусственной. Она не заложена в природе, потому что назначение ее – насиловать эту природу, мешая ей производить свои антисоциальные следствия. Это – искусственное творение, машина, целиком построенная руками человеческими. И, как всякое дело рук человеческих, она есть то, что она есть, лишь потому, что люди этого пожелали.

Предписание воли создало ее, и новое предписание этой же воли может преобразовать ее. Ни Гоббс, ни Руссо не заметили, по-видимому, явного противоречия, заключающегося в признании индивида творцом машины, главная роль которой состоит в том, чтобы властвовать над ним и принуждать его. По крайней мере, им казалось, что, для того чтобы уничтожить это противоречие, достаточно скрыть его от глаз его жертв искусной уловкой социального договора.

Теоретики естественного права, экономисты, а позднее Спенсер вдохновлялись противоположной идеей. Для них социальная жизнь, по существу, самопроизвольна и общество есть нечто естественное. Но хотя они и приписывают ему этот характер, однако не признают его специфической природы; основание его они находят в природе индивида. Как и предыдущие мыслители, они не видят в нем систему явлений, существующую самостоятельно, в силу своих особых причин. Но, в то время как первые смотрели на него лишь как на договорное соединение людей, не представляющее собой самобытной реальности и висящее, так сказать, в воздухе, последние основывают его на основных стремлениях человеческого сердца. Человек естественно склонен к политической, семейной, религиозной жизни, к обмену и т. д., и из этих-то естественных склонностей и вытекает социальная организация. Следовательно, всюду, где она нормальна, она не имеет нужды быть принудительной. Если она прибегает к

принуждению, то это значит или что она не то, чем должна быть, или что обстоятельства ненормальны.

В принципе нужно лишь дать индивидуальным силам свободно развиваться, чтобы они организовались в общества.

Наша теория отличается от обеих доктрин.

Несомненно, мы считаем принуждение характерным признаком всякого социального факта. Но это принуждение исходит не из более или менее искусного устройства, призванного скрывать от людей те западни, в которые они сами себя поймали. Оно обязано своим возникновением тому, что индивид оказывается в присутствии силы, перед которой он преклоняется, которая над ним господствует, но эта сила естественна. Это принуждение вытекает не из договорного устройства, возникшего по воле человека, а из сокровенных недр реальности, являясь необходимым продуктом данных причин.

Поэтому, для того чтобы склонить индивида добровольно подчиниться ему, не нужно прибегать ни к каким ухищрениям; достаточно, чтобы он осознал свою естественную зависимость и слабость, чтобы он составил себе о них символическое и чувственное представление с помощью религии или определенное и адекватное понятие с помощью науки. Поскольку превосходство общества над индивидом не только физическое, но и интеллектуальное и нравственное, то ему нечего бояться свободного исследования, если только последнее используется правильно. Разум, показывая человеку, насколько социальное бытие богаче, сложнее, устойчивее бытия индивидуального, может лишь открыть ему ясные основания для требуемого от него повиновения и для чувств привязанности и уважения, которые привычка запечатлела в его сердце.

Поэтому лишь очень поверхностная критика могла бы упрекнуть нашу концепцию социального принуждения в том, что она повторяет теорию Гоббса и Макиавелли.

Но если в противоположность этим философам мы утверждаем, что социальная жизнь естественна, то это не значит, что мы находим источник ее в природе индивида. Это значит только, что она прямо вытекает из коллективного бытия, которое само по себе является реальностью *sui generis*. Это значит, что она возникает из той специальной обработки, которой подвергаются индивидуальные сознания вследствие их ассоциации и из которой берет свое начало новая форма существования.

Следовательно, если мы и согласимся с одними в том, что она представляется индивиду в виде принуждения, то признаем вместе с

другими, что она есть самопроизвольный продукт реальности. Эти два элемента, на первый взгляд противоречащие друг другу, логически объединяются тем, что производящая ее реальность превосходит индивида. Это значит, что в нашей терминологии слова «принуждение» и «самопроизвольность» не имеют того смысла, какой Гоббс придает первому, а Спенсер второму.

В целом большинство попыток рационально объяснить социальные факты можно упрекнуть в том, что они или отвергают всякую мысль о социальной дисциплине, или считают возможным поддержание этой дисциплины только с помощью обмана и уловок. Изложенные правила позволяют, напротив, разрабатывать социологию, которая видела бы существенное условие всякой совместной жизни в духе дисциплины, основывая его в то же время на разуме и истине.

Разделение труда. Труд всегда общественный, необщественного труда не бывает. Общество – единство, значит и труд един. Но в то же вр. должен быть разделен между изначально равными и свободными индивидами.

2) С другой стороны это первобытное общество.

В нём уже были зачатки всех противоречий, но разрешались они иным, непротиворечивым образом. Отличие нашего общества от первобытного – наличие институтов. Т.о., предлагаю простой метод отыскания противоречий – **каждому общественному институту соответствует противоречие**, которое он выражает.

При этом значительная часть институтов прямо сопряжена с бюрократическими учреждениями, которые и заняты механическими процедурами разрешения частных случаев общих противоречий по мере их возникновения.

Далее будет конкретное рассмотрение таких институтов.

Государство явление сложное, для примера рассмотрим одну его сторону:

Федерация.

Каждый регион имеет собственные интересы, но является также

носителем общего суверенитета. Центр формально является единственным представителем общего суверенитета, но также является регионом с собственными интересами. Регионы имеют разный размер и значение, но на федеральном уровне должны уравниваться.

По сути федерация всегда является добровольным соединением (невозможно удержать регион вопреки), но формально – принудительным, т.к. центр имеет полномочия и интерес подавлять сепаратизм.

В общих интересах иметь прочную федерацию и точный критерий добровольности, а таковым может быть только право на выход. Это противоречит расхожим представлениям о прочности как выражении силы и недопустимости выхода.

Механическое решение.

Растворение нац. регионов в русских губерниях.

Нация (противоположная федерации сторона государства) – противоречие между общностью экономических интересов и случайностью этнических границ, территориальным и родовым принципом объединения.

Семья.

Семья – соединение свободных индивидов, а любое такое соединение есть противоречие. Семья неизбежно ими раздирается и сотрясается скандалами – тем большими, чем больше объективная заинтересованность в сохранении единства (общая собственность, дети).

Раздираемость здесь – постоянный и в некотором (историческом) смысле продуктивный процесс: первоначально семья и общество совпадали, но семья раздиралась и мельчала, пока не была получена минимальная неделимая единица-атом, парная семья. Биологическое воспроизводство возможно только в семье, а отличительная особенность семьи – нераздельность общей собственности. А это коммунистическое отношение и примечательно, что только на базе таких отношений возможно воспроизводство, следовательно само существование человечества. Это противоречит либеральной тенденции развития и трудно объяснимо.

Механическое решение.

1) домострой: лишение членов семьи права на своеволие, деспотическая власть главы семьи.

2) феминизм: скрупулёзное соблюдение равенства прав. В пределе – независимое от мужчин воспроизводство (на деле – избавление от семьи).

Индивиды стремятся облегчить выход из брака – "гражданский брак". Но государство как институт частной собственности нуждается в фиксации брака. Общество со своей стороны нуждается в фиксации брака для защиты прав женщины.

Частная собственность (ЧС) возникает как решение противоречий предклассового общества, когда накопление более невозможно в форме общей собственности и должно быть передано в частные руки – индивид становится в отношении к условиям и результатам своего производства как к своим собственным.

ЧС как другая сторона разделения труда наследует все его противоречия.

Кроме того, как присвоение для одного, ЧС в то же вр. есть отчуждение для всех остальных. Это ведет к имущественному и социальному расслоению.

Расслоение.

Социальные слои с разными интересами вынуждены жить в одном обществе. Для классового общества это противоречие антагонистическое: капиталисты и рабочие делят один ресурс – произведенную стоимость, сколько отнимется у одних, столько прибавится другим – «игра с нулевой суммой», невозможна ситуация обоюдного выигрыша.

В данном случае есть принципиальное отличие в возможности решения противоречий по сравнению с семьей и федерацией. В этих случаях есть возможность решения через прекращение отношения:

брачные отношения прекращены, семья распадается, индивиды остаются в обществе;

более затруднительно, но возможно прекращение федеративных отношений и выход.

Социальный слой не может покинуть общество. Поэтому **классовые противоречия – главный двигатель развития**, а семейные и региональные – нет.

Если классовые противоречия не будут сняты, разрешены прогрессивным способом, то общество ослабнет в бесплодной борьбе, погибнет или откатится в развитии и застынет.

Механическое решение.

Национальное единство (запрет классовой борьбы), корпоративное гос-во.

Примечание.

Фашизм (реакционное решение) актуализируется в момент обострения классовой борьбы, как и социализм (прогрессивное решение). Поэтому, когда некоторые говорят, что фашизм возник в ответ на соц-м (соц-м виноват), то это подмена – не следствие, а совпадение.

Интересный случай – возникавшая в древности кастовая система, выражавшая противоречие между общественной потребностью подобрать каждому индивиду оптимальное место по его способностям и невозможностью это сделать по внешним признакам. Эта общественная потребность тогда воплощалась деспотической властью – племенем захватчиков, покорившем племена, стоящие на разных уровнях развития. В соответствии с этим уровнем племен и назначалось место в разделении труда. В застойных обществах эта система закрепилась на века.

Семья, ЧС и гос-во – эти три базовые института (с рассмотренной стороны) похожи в том, что выражают противоречия субъектов с разными интересами, объединенными ради общего интереса.

Более мелкие институты рассмотрены в приложении к разделу II.

10. Противоречия семьи

Советская идеология любила семью. Все знали, что это «ячейка общества». Что бы это значило? Трудовой коллектив, напр., тоже ячейка общества, и что?

Очевидно, это значило, что семья – неделимая ячейка. Т.е. так-то наше общество атомизировано, но всё же не до отдельных индивидов, остается связь в ячейке. И это связь прочна, в отличие от всех прочих. На деле же это, как любят идеологи, только призыв – НАДО, чтобы была тверда. В реальности же всё было как и во всем мире.

Кризис семьи.

Семья разлагается по крайней мере последнюю сотню лет, факты этого общеизвестны: масса безнадзорных детей при живых родителях, пропасть между поколениями, супружеское насилие и насилие над детьми вплоть до убийств и инцестов, бессилие педагогики – детская преступность, алкоголизм и наркомания, беспорядочная половая жизнь, ранние беременности, самоубийства; никому не нужные престарелые родители сживаются детьми со свету; несчастные, все чаще распадающиеся браки; заедающий быт; матери-одиночки. Следствие – проблемы с демографией: буржуазные нации вырождаются, русские – до млн. в год, но и в других странах доля носителей ценностей буржуазной цивилизации (т.н. белых) устойчиво сокращается. Странно было бы абсолютизировать здесь роль рас, биологии, наследственности – в колониальную эпоху эти народы, и прежде всего самые "белые" из них – англичане – плодились как кролики, вытесняя коренное население даже во вроде бы совершенно неподходящих для белого человека тропических странах.

Опасаясь грозящего сокращения ресурсов удобной в управлении рабочей силы правящий класс России и церковь озаботились этой проблемой, выдав традиционные рецепты, которые не могут воодушевить даже самих разработчиков: пропаганда "патриотизма" (например, была акция "роди патриота" – 12 сентября сокращенный рабочий день, чтобы на день независимости России 12 июня родилось побольше будущих патриотов) и материальное стимулирование.

Итак, в отличие от капиталистического строя в целом, который на протяжении 20 века порой вроде бы опровергал прогнозы о своей "последней стадии" загнивания, буржуазная (пролетарская) семья не выказывала такой прыти, демонстрируя устойчивую тенденцию к упадку.

Но депопуляция – только часть беды, "белым" грозят "инородцы".

Буржуазная и традиционная семья.

Возрастающее демографическое давление Юга на Север создает питательную среду для ксенофобии и национализма. Причину такого давления идеолог привычно ищет в национальных и этнических особенностях людей. Берусь показать, что главная причина – социальная, кроется в силе традиционной семьи.

Традиционная семья – пережиток добуржуазных отношений, родоплеменного строя. В отличие от буржуазной семьи, которую ещё называют нуклеарной, парной, в традиционной семье над парой довлеет род, сохраняя элементы общинной солидарности.

Парная семья – наиболее слабый и наименее жизнеспособный из возможных видов социальных организмов, легко распадается даже в благополучном обществе, тем более при любых социальных подвижках, выбрасывая на улицы своих детей, которые создают остальным социальные проблемы, поэтому ими вынуждено заниматься государство. А государство не может решать проблемы иначе, чем создавая свои учреждения, напр., детдома.

При нормальных условиях традиционная семья уничтожается с развитием капитализма, как произошло в передовых обществах, давая возможность в будущем перейти на более высокий уровень солидарности. Но в реальности мы сталкиваемся, как и в экономике, с неоднородностью развития разных стран и разных частей одной большой страны, что коренным образом ломает идеальные схемы. Оказываясь в одной стране и эпохе, что и носители буржуазных семейных отношений времен их упадка, носители традиций получают неожиданное преимущество, которых у них не было бы ранее, и

которые так значительны, что заставляют отказаться от либеральных ценностей личной независимости, которые на самом деле близки и понятны человеку любого происхождения.

Для примера полезен замечательный текст "Хороший человек из Асбехитахта"

<https://oboguev.livejournal.com/6638780.html>

Данный текст в то же время хорошо демонстрирует и все тоталитарные средневековые мерзости традиционной семьи.

Идеологи подобного этнофашизма провозглашают общественную среду своего обитания сборищем "лохов", неспособных к самоорганизации для сопротивления, уповающих на гос. поддержку (а их интересы буржуазному гос-ву никогда не будут родными).

А положительная сторона описана гораздо ранее:

Но она [родовая организация] все же сохранила свой естественно сложившийся демократический характер, отличающий весь родовой строй, и даже в той вырождающейся форме, которая была ей навязана в дальнейшем, удержала вплоть до новейшего времени живые элементы этого строя, а тем самым оружие в руках угнетенных.

...

Их личные способности и храбрость, их свободолюбие и демократический инстинкт, побуждавший видеть во всех общественных делах свое собственное дело,- одним словом, все те качества, которые были утрачены римлянами и благодаря которым только и можно было образовать из тины римского мира новые государства и дать толчок росту новых национальностей,- чем было все это, как не характерными чертами человека, стоящего на высшей ступени варварства, как не плодами его родового строя?

...

дали угнетенному классу ...локальную сплоченность и средство сопротивления, чего в готовом виде не могли найти ни античные рабы, ни современные пролетарии,- то чем это было вызвано, как не их варварством, не их способом селиться родами, свойственным исключительно периоду варварства? ... только варвары способны были омолодить дряхлый мир гибнущей цивилизации.

В общем, государство выступает как выразитель интересов всего общества, имеющий в то же время почти исключительное право

разруливать отношения внутри этого общества. То, как оно это делает, почти никого не может удовлетворить.

Отсюда неизбежно существование и возникновение в обществе альтернативных моделей соединения людей. Основой всех таких моделей являются более сильные, чем у окружения, солидарные связи. Только в солидарном сообществе человек может чувствовать себя защищенным и (парадоксальным образом) свободным, несмотря на ограничения, накладываемые принятыми в данном сообществе правилами поведения. Благодаря этому, а также очевидным преимуществам коллективизма, солидарное сообщество всегда выигрывает в конкуренции у окружения и успешно противостоит самому гос-ву.

Что же обеспечивало ранее процветание буржуазной семьи?

Это – абсолютное право собственности главы семьи на все имущество, в том числе жен и детей. Он был владыка своей "крепости", все остальные – узники. Теперь понятна и причина упадка – абсолютной собственности больше нет (ни одно цивилизованное государство ее больше не признает), глава семьи зачастую сам чувствует себя узником в своей крепости. Но жёны и дети освободились не полностью, остались заложниками обстоятельств, стены и крепость осталась. В итоге – все несчастливы.

Глубинная причина приверженности семейным ценностям – понятное и полезное стремление индивида сохранить и предать в надежные и нечужие руки плоды всех усилий прожитой жизни ("Нет, весь я не умру!"). Это есть стремление к экономному и рачительному отношению к труду.

До сих пор человек, вроде бы существо социальное, пытался передать свои "свершения" в основном по линии биологической. Лишь освободившись от этой биологической привязки, человек станет вполне социальным.

11. Противоречивость свободы

Засевшее у всех с советских времен как гвоздь определение свободы как осознанной необходимости было вполне манипулятивным, с идеологической подоплекой: выполнять решения партии надо сознательно, значит это и есть свобода, тем более что иное и невозможно. Степень манипулятивности легко понять, если сравнить с правильным определением: **Свобода в обществе** – это борьба с принуждением. Правильность вполне очевидна: принуждение – противоположность свободы, через борьбу с которым она и достигается.

Такое определение невозможно представить в советских учебниках и пр. идеологической продукции – получается призыв к подрывной деятельности. Но очень легко в революционных листовках. Государство же всегда должно учить, что подчинение необходимо.

Свобода вообще конечно тоже не «осознанная необходимость», а как определено в той же БСЭ «способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями». И не только человека: всё живущее стремится к свободе.

Свобода и жизнь так тесно связаны: с жизнью кончается и свобода, а без свободы жизнь не жизнь. Нельзя сказать, что рука или нога живут, живет организм, он свободен, его члены не свободны.

Мы свободны, поскольку никто не может помыкать нами как собственными органами (рукой или ногой).

Раб сохраняет жизнь, отдавая свободу под залог, и он может рискнуть вернуть эту заложенную свободу, поставив на кон свою жизнь, подтверждая т.о. равенство цены свободы и жизни.

Для такого понимания свободы проблема детерминизма не является проблемой.

В этом базовом понимании на Земле свободны все живущие организмы, даже одноклеточные, кроме общественных насекомых, биологически подчиненных целям роя.

Но и человека можно сделать как бы членом др. организма, подчинить чужой воле, наложив на него механические ограничения (посадив за решетку, наложив оковы) – это физическая несвобода. Утверждение, что якобы можно оставаться свободным и за решеткой – всего лишь поэтическая метафора.

Оковы могут быть и нефизическими, когда человек в обществе, будучи физически свободным, вынужден вести себя так, как будто разделяет интересы и цели, которые на самом деле не разделяет. Это общественная (в т.ч. политическая) несвобода.

Так мы вернулись от свободы вообще к свободе в обществе, которая как раз и есть «осознанная необходимость» в следующем узком смысле: индивид сознательно выбирает жизнь в условиях, когда он со всех сторон стеснен другими индивидами, хотя волен жить отшельником, обменяв несвободу от общества на несвободу от природы.

Кроме того, "осознанная необходимость" относится к результату деятельности: чем более осознанна деятельность (далее "горизонт планирования"), тем меньше в ней произвола. Но индивид свободен вообще отказаться от деятельности (и даже от жизни) – и "осознанная необходимость" опять остается не у дел.

Свобода в обществе есть парадокс (коллизия обязанностей перед собой и обществом), который разрешается тогда, когда цели индивида и общества совпадают, т.е. когда он сам свободно участвует в определении этих целей. Критерий меры этой свободы и этого совпадения дан человеку как общественному существу через чувство **справедливости**. Механизм реализации справедливости в обществе есть **право**. Базовое условие справедливости – равенство, любое неравенство несправедливо.

Но люди неравны и право противоречиво, оно – единство противоположностей: привилегия для признанных равными («равное право для равных») и ограничение для прочих («неравное право для неравных»).

Так, когда первобытное общество разделилось на возрастные классы, право участия в общественной жизни получили только принадлежащие

к классу взрослых мужчин. Перевод мальчиков в этот класс оформился в обряд инициации.

Формирование общественных классов сопровождается и появлением разных (для разных классов) понятий о справедливости. Полис основан на праве частной собственности на землю. Для крупных собственников (аристократии и богатых) это означает право взыскивать свою собственность с должников, вплоть до обращения их в рабство. Для мелких собственников (демоса) право свободного гражданина – это оставаться свободным.

Сосуществование двух классов с разными правовыми понятиями означает потенциальную гражданскую войну, т.к. свобода индивидов возможна только в рамках одного права, следовательно один класс будет подавлен, несвободен. И подавление это будет производиться любыми методами вплоть до террористических, т.к. вопрос о свободе – это вопрос жизни и смерти.

Это противоречие антагонистического классового общества не снимается, но оформляется и смягчается в **государстве**, в котором право господствующего класса становится легитимным и навязывается всему обществу как общее, государственное право. Появляется поле, на котором подчиненные классы могут вести борьбу за уступки законодательства в свою пользу, или же за захват гос. власти и правовой переворот.

Так, демократических переворот в Афинах означал отмену старого права – всех долговых свидетельств, т.е. «ограбление» крупных собственников.

При капитализме буржуазное право – право получать доход пропорционально размеру собственности (капиталу), пролетарское право – право получать доход пропорционально индивидуальному трудовому вкладу (не усилию!), по труду, плюс страхование от несчастных случаев, по старости и т.п. После социалистического переворота пролетарское право устанавливается как государственное, социалистическое право, а собственность буржуазии экспроприруется.

Но социалистическое право – это противоречие, которое может быть

снято только при коммунизме. В общей форме это известная формулировка: буржуазное право без буржуазии. Конкретно это противоречие проявляется в том, что сохраняется возможность накопления новой, уже не паразитической, а трудовой собственности. Практика показала, что при действительно правовом режиме эта возможность быстро реализуется и появляется новая, законная в рамках социалистического права буржуазия, что предопределяет НЭП, НЭП 2.0 и т.д. Кроме того, все трудящиеся остаются собственниками своей рабочей силы.

Роль государства при социализме.

Буржуазное право происходит из равенства свободных товаровладельцев на рынке. В буржуазном обществе устранены все прочие связи между людьми, кроме рыночных, общество стремится к максимальной атомизации (свободе индивидов др. от др.), единственной коллективной силой становится государство.

Переходя в социализм всё это препятствует движению к коммунизму. Рынок – естественная связь для атомизированного общества, а рынок требует, вновь и вновь порождает товарно-денежные отношения. Эти отношения противоречат социализму и подавляются силой государства, что подавляет и рыночные свободы. Само государство как единственная коллективная связь общества не только не отмирает, а неимоверно усиливается.

Движение к коммунизму может проходить только через вытеснение государства другой коллективной связью, а атомизированного общества – коллективистским. Здесь можно предполагать прохождение в обратном направлении этапов становления государства, классов и права. Кровнородственную и соседскую общины, бывших деспотичными к своим членам, должны заменить свободные ассоциации. Но неравенство индивидов, а следовательно и право, долго еще будут существовать после упразднения государства, как они существовали до его появления.

12. Свобода в коллективе

Опыт А. С. Макаренко был чем-то легендарным, с чем идеология не знала, что делать. С одной стороны все чувствовали глубинное средство этих опытов с основами учения, с другой – полное несоответствие его наличному практическому воплощению.

Очевидно, то, что соответствовало – был коллективизм-самоорганизация, в котором личность была свободна (при строгой дисциплине!) – свободная ассоциация.

А то, что не соответствовало – словестный и фальшивый, спущенный сверху коллективизм-принуждение – в несвободном государстве, когда индивид должен был жертвовать своими интересами во имя абстрактно-общих (а конкретно – бюрократических).

Сталин третировал художественные произведения Макаренко как полезные для пропаганды сказочки. Ненависть Крупской и всего педагогического официоза к нему была феноменальной: народнический индивидуализм старой интеллигенции органически не принимал дисциплину, а бюрократия – самоуправление.

Практика Макаренко не вписывается в узкую задачу воспитания детей, она создавала новые – коммунистические – производственные отношения.

1. Самоуправление, демократия – при централизме и единоначалии.

Стоит только отметить, что верховная власть в коммуне принадлежала общему собранию, и даже первый человек в ней – сам Макаренко – не мог отменить его решения и более того – мог быть лишен на собрании права голоса в случае своего упорства. И это была не игра и не теоретическая педагогическая выдумка.

2. О роли денег.

«...В хозяйственном коллективе, где слишком явны достижения труда,

где слишком явное благополучие, где каждый рубль накопления сулит что-то на завтра, там уже не нужно стимулировать каждого человека его личной заработной платой.

...И коммунары интересовались не столько получением денег на руки, сколько уже накоплением их в сберкассе на будущую жизнь.

Последние нормы в этом отношении были такие. Во-первых, каждый коммунары из своего заработка 10 процентов отчислял в фонд совета командиров.

... Ни один коммунары за все годы, проведенные мною с ним, ни разу не выразил недовольствия ни в скрытой, ни в явной форме, что 10 процентов его заработка идут в фонд командиров. Имейте в виду, что из этого фонда каждому коммунары, выпускаемому из коммуны, дается «приданое» – кровать, одеяло, пальто, полдюжины белья, костюм, то, что дает **каждая семья** своему сыну, когда он уходит от нее.

Этот фонд позволял руководить жизнью коммунары, а такой фонд дороже стоит, чем тысяча наших педагогических аргументов, не проверенных в опыте.

Остальная часть заработной платы коммунары обычно шла в сберегательную кассу, и считалось, что каждый коммунары, выходя из коммуны должен иметь в сберегательной кассе не меньше тысячи рублей.

... и наконец, небольшая часть денег выдавалась на руки как карманные деньги.»

Таким образом, существование в рыночной среде и, более того, сохранение пережитков товарно-денежных отношений, при такой организации не может повредить здоровью коммунистического организма.

3. Разделение труда.

«...Но в последние годы я не удивлялся, когда у меня мальчики 13-14 лет управляли группой фрезерных станков, где нужны и математика, и очень тонкое соображение.

Я уже не говорю, что здесь надо знать и качество материала, и качество резца, уметь читать чертежи и т.д. Рядом с мальчиком 14-15 лет, который уже сам прекрасный фрезеровщик и руководит группой фрезеровщиков, вы видите мальчика лет 16-17 – начальника цеха,

правда, может быть, цеха более простого, а уже в 19 лет юноша руководит сложным цехом... Мальчики преобладали своими способностями конструкторов, а девочки – своими способностями к точности и организованности в сложных и ответственных процессах...

...

Коллектив, имеющий у себя завод и отвечающий за завод, много приобретает навыков организаторских, т.е. тех навыков, которые, может быть, наиболее нужны для гражданина Советского Союза. На каждом общем собрании, на каждом производственном совещании командиров, просто на сборах и группах, в цехе, во время будничного разговора всегда упражняется эта организаторская способность, и всегда коллектив привыкает требовать ответственности не только от каждого отдельного рабочего, но и от каждого коммунара как организатора.

...

Сначала была тенденция выдвигать во главу первичного коллектива наиболее способного, наиболее «блатного», наиболее волевого мальчика или девочку, атамана, способного держать всех в руках: командовать, настаивать, нажимать.

И вот в течение 16 лет я наблюдал, как эта тенденция выбора в качестве командира наиболее сильной личности, способной командовать, постепенно изменялась и как под конец во главе такого первичного коллектива, отряда (у меня обычно этот коллектив назывался отрядом) становился очередной старший, ничем не отличающийся от всякого другого.

В течение этих 16 лет, почти незаметно для меня и почти независимо от моих целей воспитания, такое изменение произошло, когда во главе отряда становился очередной старший.

В последние годы я достиг такого педагогического счастья, что мог любого коммунара в любом коллективе назначать старшим и мог быть уверен, что он будет блестяще руководить.»

Таким образом, сохранение на производстве технологического разделения труда, индивидуальная специализация в соответствии с личными наклонностями, возрастом и даже полом несколько не препятствуют упразднению социального разделения труда. Не надо ждать, когда автоматизация полностью нивелирует всякий труд.

4. Ключевая роль революционного взрыва

в перевоспитании для формирования новых установок личности.

«...Наши коммунары обращались к ребятам с такими словами:

«Дорогие товарищи, наша коммуна испытывает сильные затруднения в рабочей силе. Мы строим новый завод, мы пришли к вам с просьбой помочь нам».

И беспризорные были уверены, что это так.

Им говорили: «Кто не хочет, – может ехать дальше скорым поездом».

И дальше начинался тот метод удивления, который я хочу назвать методом взрыва.

Обычно ребята всегда соглашались помочь нам в нашем строительстве.

В этой комнате они оставались ночевать. А на другой день в 12 часов вся коммуна с оркестром – у нас был очень хороший большой оркестр, 60 белых труб, – со знаменем, в парадных костюмах с белыми воротниками, с наивысшим шиком, с вензелями и т.д. выстраивались в шеренгу у вокзала, и, когда этот отряд, запахивая свои кафтаны, семена босыми ногами, выходил на площадь, сразу раздавалась музыка, и они видели перед собой фронт. Мы их встречали звуками оркестра, салютом как наших лучших товарищей.

Потом впереди выстраивались наши комсомольцы, девочки, следом за ними шли беспризорные ребята, а потом шел еще взвод.

И вся эта группа шествовала очень торжественно по восемь человек в ряд.

Когда их приводили в коммуну, они отправлялись в баню и выходили оттуда подстриженные, вымытые, одетые в такие же парадные костюмы с белыми воротниками.

Затем на тачке привозилась их прежняя одежда, поливалась бензином и торжественно сжигались.

Приходили двое дежурных по двору с метлами и сметали весь пепел в ведро.

Многим моим сотрудникам это казалось шуткой, но на самом деле производило потрясающе материальное, если не символическое впечатление.

Из этих беспризорных, которых я собирал с поездов, я мог бы назвать только двух-трех человек, которыми не стали на надлежащие рельсы. Но эти ребята никогда не забудут их приема на вокзале, этого костра,

новые спальни, новое обращение, новую дисциплину, и навсегда у них останутся сильные впечатления.

Я привел один из примеров того метода, который я называю методом взрыва.

Этот метод продолжается и разворачивается дальше во всей моей системе.

Эта система прежде всего заключалась в коллективе.

...

Поставленные перед необходимостью немедленно что-то решить, они не в состоянии заняться анализом и в сотый, может быть, раз копать в скрупулезных соображениях о своих интересах, капризах, аппетитах, о "несправедливостях" других. Подчиняясь в то же время эмоциональному внушению коллективного движения, они, наконец, действительно взрывают в себе очень многие представления, и не успевают обломки их взлететь на воздух, как на их место уже становятся новые образы, ... первые элементы гордости и первые сладкие ощущения собственной победы.»

5. Технология "сводных отрядов".

Каждая ячейка (макаренковский отряд) автономна. Если на этом остановиться, получаем анархию, коллективную собственность как разновидность частной. Всё это многократно испробовано и показало неэффективность и нежизнеспособность.

Нужна централизованная структура для решения общих задач, выполнения общих работ, планирования, принятия решений – эти функции обычно выполняет государство. В коммуне эти функции выполняют сводные отряды. Центральный властный орган – совет командиров – всего лишь разновидность такого отряда. Т.к. командир в совете – всего лишь представитель отряда, его может заменить любой член отряда, если явится на заседание вместо командира (по решению отряда), – вопрос о его полномочиях совет не должен волновать. Прочие сводные отряды создаются под решение конкретных задач и до их выполнения.

Разумеется, сам Макаренко не понимал значения своего дела. Как и все

окружающие, он думал, что из малолетних преступников делает полноценных советских граждан, будущих строителей коммунизма – ведь вся страна строит коммунизм. На самом деле с разрушением первичного коллектива (очень важное понятие для метода Макаренко) погибал и элемент коммунизма, который только и может существовать в коллективной форме. Выпускники же попадали в протобуржуазную советско-мещанскую среду, в которой растворялись без следа.

Следует заметить, что первичный коллектив – это то, что заменяло семью, или же и было прообразом более высокого типа семьи. (Что отсылает к гл. «Противоречия семьи»).

13. Бригадный подряд в СССР

Дававшие огромный экономический эффект эксперименты самоорганизации и в дальнейшем представляли затруднения для идеологии. При общем аховом положении нужда в них была велика и успехи радовали, с другой стороны – люди зарабатывали и зарабатывали порой очень много, а это шло вразрез с привычными штампами благости всеобщего имущественного поравнения трудящихся и автоматически (а иногда и по недоброй воле ревнителей) привлекало внимание прокуратуры (до трагических последствий). Еще хуже то, что эти трудящиеся зарабатывали больше начальства, помимо начальства, а то и вопреки! Уж не значит ли это, что начальство не нужно? Этого никак нельзя допустить.

Удачные эксперименты выхолащивались массовым внедрением бюрократическими методами (как внедрялись КТУ) – это (по аналогии) как если бы кто-то захотел представить суворовские училища распространением опыта Макаренко.

Далее – по книге Серикова В.П. «Договор по совести».

Как ни покажется странным, эта глава продолжает тему воспитания, а именно трудового воспитания, понятие которого должно объединять

две (хотя и не совпадающие) стороны: подростки должны работать – с одной стороны, взрослых надо воспитывать – с другой. Как включение в процесс производства должно начаться как можно раньше, так и процесс воспитания не должен заканчиваться с взрослением. И то и другое возможно только в здоровом коллективе, а это коллектив в той или иной степени коммунистический, практическое воплощение равенства и участия в управлении (т.е. преодоления разделения труда): ассоциация свободных индивидов, объединенных сознательной дисциплиной и единством целей.

Тот кто уже слышал о бригадном подряде, знает и о применяемом средстве достижения справедливого равенства оплаты труда – КТУ (коэффициенте трудового участия). Но само по себе это только техническое средство, легко профанируемое при формальном применении (когда администрация оказывается причастной к установлению КТУ), суть не в нем.

Жизненный цикл метода Серикова начинается с перевода на как бы хозрасчёт («бригадный подряд») одной бригады. Успех одного звена требует подтянуть и другие – появляется «укрупненная бригада». Отстают смежники из др. ведомств, работающие на том же объекте, – требуется уже «сквозной поточный бригадный подряд». Наконец, на подряд переходит всё предприятие, с ИТР и пр. специалистами. Это – «коллективный подряд». Это – потолок.

Следующим шагом мог бы быть переход на «подряд» нескольких предприятий, составляющих уже целую территориальную единицу (последовательно: район, город, область). Существующий на каждом этапе совет коллектива на данном этапе неизбежно должен был заменить уже существующий «Совет» как орган власти. Ну, вы поняли. Это повторение роста советской власти снизу, как оно и было исторически, только поначалу по чисто производственной линии. Производственные вопросы выводят на хоз.-экономический уровень, потом на социально-экономический (в т.ч. воспитание и образование), ну и затем неизбежно – политический.

Особенность строительной отрасли в том, что в мире рабочих профессий по условиям труда это полюс максимальной свободы (при обычной непрезентабельности и с традиционно-низкими требованиями к квалификации и уровню оплаты), противоположный полюсу максимального кретинизма и зарегулированности – рабочего-приставки к станку-полуавтомату. Также это область максимального бардака, а значит элементарное наведение порядка способно показать впечатляющий рост эффективности. Но любые управляющие воздействия извне только увеличивают бардак (Сериков даёт ряд анекдотических примеров подобного). Порядок может быть наведен только изнутри производственного процесса, самими рабочими – «непосредственными агентами производства».

Суть опыта Серикова сводится к тому, что он подтверждает практику и теоретические выводы А.Макаренко, при том что в смысле широких обобщений он последнему сильно уступает (т.е. будет более интересен тому, кто имеет понятие о строительстве). Тут главное в том, что в других условиях и на другом материале в ходе сходной практики другой человек пришел к тем же выводам и методике. Значит, найденная ими истина универсальна.

Впрочем, несмотря на свой низкий исходный образовательный уровень и род занятий, Сериков очевидно работал с литературой – он постоянно ссылается на Макаренко, а также дает несколько точных (в смысле уместности), притом нерасхожих цитат из Маркса и Ленина.

Оба метода претерпели сходную судьбу: при очевидной эффективности на начальных этапах становления, внедрение встречает упорное (а иногда и бешеное) сопротивление консервативных элементов и начальства. Затем появляется поддержка на довольно высоком уровне, признание, даже попытки распространения. На самом деле в это вр. в ходе своего естественного роста метод встречает ПОТОЛОК, который не может пробить, разбивается о него и разрушается. Драматической (хотя по сути уже ничего не решающей) точкой становится разрушенное здоровье самого автора и его физическая смерть.

Последующее эпигонство слабых последователей как бы призвано доконать и окончательно дискредитировать метод, связав его с якобы уникальной героической личностью (следовательно сам метод воспроизвести невозможно).

Потолком является **политическая власть**. То, что для самих авторов это осталось тайной, только и позволило им спокойно умереть, сохранив доброе имя и возможность передать идейное наследие. А также сохранив недоумение, почему «наверху» не могут отказаться от какого-нибудь абсурда типа «вала» и планирования «от достигнутого».

Производственный процесс рождает рабочую демократию.

Совместный труд на общую и близкую всем цель, на виду др. у др. полагает и известность каждому цены друг другу как работникам. Это значит, что все понимают, как должно распределяться вознаграждение. С др. стороны, сложные задачи требуют от каждого не только максимальной физической, но и интеллектуальной отдачи. Каждый должен проявлять инициативу, а общие решения могут приниматься только демократически. Иначе наступит разброд и шатания. Сериков это интуитивно понимал и ставил перед своим коллективом по мере его роста задачи максимальной сложности.

Небольшой, но определяющий момент, который только и сделал возможным обсуждаемый феномен – бригадир (бывало и с в/о) является по должности и факту рабочим (хотя и выделенным), а не начальником.

Бригадир может как назначаться сверху, так и выбираться самим коллективом демократически (что необходимо при «подряде»). Последнее необязательно должно означать самозарождение лидера из среды анархического сброда набранной «с бору по сосенке» бригады разнорабочих. Лидер как бы может быть и дан, но набирая себе бригаду, он естественно становится лидером коллектива. (Кстати, попробуйте открыть текст книги и запустить поиск по слову «совет»).

Надо заметить, что в собственно «подряде» в его самой примитивной форме нет ничего нового (Сериков, видимо, не отдаёт в этом себе отчет)

– это испокон веков существовавшая артель. Но надеюсь, для наших диалектиков не будет сюрпризом, что только организованное на социалистических началах производство даёт возможность выйти «артельности» на качественно иной уровень и развернуть все свои потенции.

Дополнения.

1. Левиков А.И. – Калужский вариант. 1982.

— Мы сами вначале не понимали, что у нас в руках.— Леонид Васильевич Прусс смотрит на меня в упор.— Не понимали! Преследовали чисто производственные цели. Видели, что в бригаде потери сокращаются, быстрее растут кадры, текучесть уменьшилась в сравнении с индивидуальной сдельщиной... Двигались постепенно, соображая, как говорится, по ходу пьесы. Стали давать бригаде план в номенклатуре на год вперед! И возникли вопросы: как платить, стимулировать, обеспечить справедливость? Мы почувствовали, что никакой отдел труда и заработной платы, никакой директор с его помощниками эти вопросы не решат. Решения должны быть освящены каким-то **коллегиальным органом**. Каким? Так появились на заводе советы... Мы пошли на передачу им некоторых своих прав.

Скажем, вопрос о разряде – компетенция квалификационных комиссий, администрации, так предусмотрено законодательством. Но калужская бригада заключает с новичками добровольные соглашения. Человека, допустим, с третьим разрядом спрашивают: «Согласен год получать по второму?» Сначала, конечно, они посмотрят и проверят его в деле. Не докажешь у станка – на словах тем более не докажешь. А могут и «прибавить разряд» на одно деление, если заслуживает. Опять же, не собственно разряд изменить, а платить несколько выше. На Калужском турбинном это право бригады. И если человек хочет работать, он соглашается. Тем более что на КТЗ никто не может заставить совет бригады принять человека, никто не может воспрепятствовать расстаться с плохим работником. Это право бригады. Абсолютное!

Прежде подбор и расстановка кадров рабочих были делом мастера, начальника участка, но практически решал начальник цеха. Теперь решает бригада. И право распределять весь приработок по своему усмотрению – тоже. Кстати сказать, приработок, премии разного рода в их оплате составляют почти половину! И ежемесячно участвовать в планировании – тоже их право, никто не может нарушить...

2. см. Щёкинский метод, метод Злобина.

3. см. «Экономический эксперимент Худенко в сельском хозяйстве».

4. Вадим Туманов. «Всё потерять – и вновь начать с мечты»

... Члены бригады одинаково хорошо владели многими специальностями. Опыт подбора профессионалов, способных проявлять себя разносторонне и заменять друг друга, потом очень пригодится при организации артельного движения. Не по 8-10 кубов, как об этом просило начальство, а в иные сутки по 220 кубов золотоносной руды выдавала бригада...

Бригаде платили за золото по минимальным расценкам, но на Танкеляхе заработанная бригадой сумма ошарашила колымское руководство...

...

Ни до нас, ни после никому не удавалось разрабатывать россыпи такими темпами. Не потому, что мы были оснащены лучше других бригад или люди у нас были технически грамотнее. В условиях административно-бюрократического сумасшествия, усиленного особой системой «Дальстроя», мы впервые попытались руководствоваться не инструкциями, а здравым смыслом, и при этом брать на себя ответственность. Я видел, как это выпрямляет людей, уставших от бестолковщины, от глупых распоряжений, бессмысленной регламентации. Мне казалось, надо помочь человеку проявить себя, стать личностью, сделать его свободным – хорошим он станет сам.

...

В артели была атмосфера общего напряжения, постоянной предприимчивости, поиска лучших решений. Этим, в частности, артель существенно отличалась от государственного предприятия. Там

инициативный человек, предложив решение, сулящее выгоду государству, мог рассчитывать на премию, на почетную грамоту, другие моральные стимулы. Практически никакое новшество, предложенное работником, не сулило заметной выгоды его товарищам. В артели любая реализованная идея, кому бы ни принадлежала, в конечном счете вела к увеличению заработка всех. Потому профессионалы, изобретатели, умницы среди старателей котируются высоко.

5. «Интервью с рабочим завода по производству электронных микросхем» (1985-87).

В статье описан провал всех попыток внедрения различных форм бригадного подряда.

Здесь важно понимать: не так важно что и как делается, как КТО это делает.

По-настоящему успешными попытки внедрения соц. методов орг. труда (бригадный подряд) были там, где отсутствовала администрация – в силу удаленности, либо когда она расписывалась в собственном бессилии и самоустраивалась. От нее требуется только предоставить ср-ва пр-ва, определить нормативы их производительности и честно расплатиться за её превышение.

Бригадный подряд и продолжение распределения вознаграждения адм. методами (существование «отдела труда и зарплаты») – взаимоисключают друг друга. Более того, взаимоисключающими являются подряд и продолжение существования оравы непроизводительных работников вообще – технологи, мастера и пр.

Как показано в ст., гл. целью внедрения бр. подряда там была экономия фонда з/п за счёт рабочих. В этом столько же социалистического, как в колхозах, если бы они создавались немцами на оккупированных территориях СССР.

<https://evgeniy-kond.livejournal.com/79801.html>

14. Принципы бюрократии

Примечательный факт – среди всего множества выпущенной в советские годы теоретической литературы не удалось найти буквально ни одной работы по теме бюрократии и практически столько же – по государству вообще.

Бюрократия делает вид, что ее нет, или это для нее слепое пятно, или же просто глаз не может увидеть сам себя, особенно когда оппозиционное зеркало разбито?

Скорее, сознательная маскировка. Хотя каждый гражданин СССР в анкетах указывал социальное положение, в статистике категории рабочих и служащих смешивались в одну, с сознательным намерением скрыть факт опережающего роста бюрократии. К этому трюку прибегли сразу же после ухода Ленина, который настаивал на обратном.

Сама принятая социологическая схема деления на два класса (дружеских!) и прослойку была настолько произвольной, что ее не приняли социологи даже других соцстран. Мы же всё это воспринимали совершенно некритически – такова сила идеологии, способной полностью исказить восприятие реальности.

С помощью известной ранней работы Маркса попробую частично восполнить пробел и раскрыть принципы бюрократии, на основе примеров из всем понятной области народного образования.

1. Формализм

Формализм проверок контролирующими органами школ и учителей: бюрократия по другому и не может работать: либо проверка формальна (т.е. не действительна, для галочки), либо (если проверка действительна) – проверяется только форма. Примеры последнего:

...Пришла в школу дама из обрнадзора проверять программы. Долго пытались выяснить [у нее], что [же] у нас не так!? Ответ был такой: вот вы сделайте, и я вам скажу. Например, такое "ценное" замечание – нельзя писать "учащиеся", надо – "обучающиеся"...

...Одна такая мне заявила "у вас программа составлена совершенно

неправильно". Ответ на мое "в чем?! " свалил наповал : " Вы не сделали справа отступ в 2 см, и интервал между строчками не 1 пункт, а 1,5 нужен".

Дело в том, что бюрократия сама составляет отчеты для вышестоящих и проверяет отчеты у нижестоящих, т.е. является специалистом по отчетности – большего по самой логике ее дела от нее не требуется (т.е. требуется – но формально).

Здесь появляется интересная возможность – возможность появления человеческих отношений и человечности в отношениях: надо понимать, что по своей природе каждый проверяющий не является злонамеренным человеком и вполне способен как желать облегчить процесс прохождения проверки, так и понимать бессмысленность и вред всей этой деятельности. Соединяясь с формальной возможностью (можно просто заполнить поля в своем отчете, не проводя реальной проверки) это дает практику кормления и одаривания проверяющих (надо полагать – всё же только знакомых). Обе стороны при этом расстаются довольные друг другом.

Аппаратная логика и общественное мнение это будет расценивать как страшную коррупцию, требуя механического исполнения вредительской деятельности. В интересах же дела можно только порекомендовать учителям не растлевать проверяющих излишней угодливостью и ограничиваться элементарным гостеприимством.

Было также замечено, к чему приводит добросовестное выполнение проверок (работа в расчете на то, что проверка будет или может быть настоящей):

...у тех, которые отсутствуют на уроках, всегда вся документация в порядке. Это виртуозы своего дела – презентацию включают, детям списывать с доски, а сама пошла по своим делам. Самые стрёмные давалки материала с точки зрения качества знаний, зато полное соответствие программе во всех отчетных документах, и оценки у детей в основном что надо, вплоть до момента итоговой аттестации. Таких спецов в школах пруд пруди.

Т.е. формальность (в ущерб содержанию) выполнения требований

никакая бюрократия не способна выявить.

Но более существенна другая сторона дела: принципиальная формальность критериев оценки деятельности. В школе такой критерий – отметки учащихся.

Давно (уже полвека как) замечено исчезновение из школ двоечников. Это понятно – если оценивать работу школы по количеству неуспевающих, то проще всего улучшить показатели, завышая оценки. Но средний уровень бюрократии не может взять на себя ответственность и перекладывает ее на учителей, требуя на каждую двойку "дорожную карту" по исправлению. Т.е. предполагается, что следуя неким формальным шагам, можно как бы воздействуя на инертный материал (а не на живого человека) получить гарантированный результат! При том что это крайне трудозатратно для учителя и не оплачивается, в общем случае еще и невозможно.

Легко указать возможные сущностные (неисправимые формальными методами) причины неуспеваемости:

клиническая тупость – совершенная ранее бюрократическая ошибка в определении ученика в нормальную школу;

неклиническая тупость – объективная оценка реального потолка индивида в конкретной области;

социальные причины, в т.ч. сознательное нежелание учиться.

Эти социальные причины – самое сложное и интересное:

невострребованность образования (признанного [интересный вопрос – кем?]) в данном обществе обязательным – у нас это среднее);

невострребованность ср. образования в таком объеме и таком виде. То и др. (объем и вид, т.е. те самые программы) бюрократия определяет сама

и своих ошибок не признает в принципе (или признает бюрократически – следующий управленец признает ошибки предыдущего).

Первое (принципиальная неостребованность образования) сложнее – связано с общественным разделением труда, когда большая часть общества заведомо обречено на неквалифицированный труд, а-то и преступную деятельность. Признание этого печального обстоятельства запрещено идеологически в любом государстве: у нас же самая лучшая страна и каждый может стать всем – стоит только захотеть.

Выходя за пределы сферы образования, можно заметить, что пресловутая "палочная система" в полиции – полный аналог того же: оценки деятельности по формальному критерию. Вполне оправданный в данных условиях бюрократический характер этой структуры рождает неразрешимое противоречие: общепризнанная неудовлетворительность этого критерия и невозможность от него отказаться.

То же самое противоречие характерно для всех подобных структур: пожарной инспекции, ДПС. И даже в науке, где тоже есть обюрокраченная структура – РАН.

Тесно связанный с формализмом следующий пункт

2. Некомпетентность

Если вы сами не имеете музыкального образования, то легко представите абсурдность ситуации, когда вас посылают инспектировать музыкальную школу. Но, как говорят, так и происходит на практике, по крайней мере иногда, а скорее всего как правило. Оно по др. и быть не может: не иметь же надзорной организации специалистов по музыке только для музыкальных школ, художников – для худ. школ и т.д. Поэтому там работают специалисты самого широкого профиля (должно быть).

На деле то же самое можно сказать и о проверках обычных школ. То

обстоятельство, что каждый учился в школе, и уже поэтому что-то понимает в образовании, только маскирует принципиальную ненужность что-либо понимать – в логике бюрократии. Это только в обыденной логике, чтобы проверять, надо знать больше проверяемого. Тогда в надзорных органах должны собираться лучшие специалисты. Но бюрократия – это иерархия. Получается, что каждый ее более высокий уровень должен понимать больше нижестоящих. А министр должен быть просто самым выдающимся ученым.

Но понятно, что это не так, и для дела было бы даже вредно: ученый вовсе не является лучшим администратором, и наоборот. Более того, хорошо известны примеры, когда успешного министра переставляют с одного ведомства на другое для выправления ситуации. Т.о. понятно, что компетентность совершенно не нужна в бюрократических структурах.

Компетентные специалисты могут появляться в этих структурах только как исключение и их присутствие приносило бы только вред, поддерживая иллюзию, что начальство что-то понимает (а если не понимает, то это случайность) и позволяя основной массе прятаться за их спины.

Но достаточно почитать даже критические к проверяющим комментарии, чтобы увидеть, настолько некритически все ожидают встретить предполагаемую в начальстве компетентность ("Долго пытались выяснить, что у нас не так?"). Да, каждому известно это суеверное почтение к ауре сакрального всезнания, исходящему от вышестоящего – не от конкретной личности, а от его поста. (Стоит потерять пост – нет и ауры).

Всё это лишний раз подтверждает известную и даже расхожую цитату: *Верхи полагаются на низшие круги во всём, что касается знания частных; низшие же круги доверяют верхам во всём, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение.*

Каким-то решением было бы привлечение экспертов, но это не

принципиальное решение: чтобы выбрать эксперта тоже нужна компетентность, иначе он опять же выбирается по формальным критериям. Но в наших краях и о таком не слышно. Кроме того, некомпетентность вовсе не означает неграмотности.

Назначение бюрократии – предавать управляющие воздействия сверху вниз, а не разбираться в деле.

В образовании ее роль могла бы ограничиться проверкой квалификации работников (формальной – по дипломам), борьбой с "мертвыми душами" ("подснежниками") (что как раз и не делается) и проведением экзаменов (которые и есть проверка по существу). Но бюрократия упорно лезет в содержательную область (из своей законной сферы – формальной).

Чем же это объясняется?

Объяснить свойства бюрократии не сложно: она является корпорацией со своими эгоистическими интересами – стремится к максимальному разбуханию и поглощению бюджета. Места же в ней занимают по благу. Лечится это только ее сокращением и сокращением ее полномочий.

Итак, следующий принцип бюрократии

3. Корпоративность

Каждая корпорация подобна мини-государству – имеет собственную бюрократию, иерархию, руководство, секреты. В ее основе лежит монополия на профессиональную деятельность, спайку обеспечивает корпоративный эгоизм и предполагаемые привилегии (которые достаются в основном высшим кругам).

Это, конечно, не те средневековые по происхождению корпорации, о которых писал Маркс в своей ранней работе «К критике гегелевской философии права». Называю я их так скорее в шутку. Но определенное сходство прослеживается.

Кроме врачей, учителей, некое подобие корпораций образуют железнодорожники и энергетики, также "творческая интеллигенция" (столичный бомонд), особо же следует отметить силовиков, составляющих множество корпораций. Там, где имеет смысл, корпорация стремится оформиться формально – завести собственную униформу и знаки отличия.

Государственная бюрократия составляет выделенную корпорацию – в то время как профессиональные корпорации преследуют отраслевые интересы, она отвечает за всеобщий интерес – в ней воплощен сам дух государства. Этим же заложено и глубокое противоречие – преследовать всеобщий интерес бюрократия может только как собственный корпоративный интерес и неизбежно склоняется к тому, чтобы выдавать собственные интересы за всеобщие.

Все корпорации отличаются по силе, имеющей материальное основание в глубине профессиональных знаний (секретов), а в случае самых сильных корпораций – силовиков – скорее во владении вооружением и близости к власти.

Самая слабая корпорация – учителя. В отличие от специалистов и ученых других отраслей, занимающихся настоящей наукой, у педагогов – лженаука педагогика. В ней невозможно почерпнуть таких знаний, самой глубиной защищенных от профанов, на которых можно основать свою монополию. Это не значит, что у учителей нет настоящей компетенции. Она есть, но у каждого индивидуальная, как набор навыков и способностей, наработанных практическим опытом.

Поэтому бюрократии удалось полностью подмять под себя эту корпорацию, почти ликвидировать. А бюрократия находится в постоянной борьбе со всеми корпорациями, что обусловлено принципиальным противоречием между узкими отраслевыми и всеобщим интересом. Но это происходит только в нормальной обстановке. Когда же, как после революции, под сомнение ставится сам принцип корпоративности (значит – существования самой бюрократии), то она становится на защиту этого принципа.

Большой практический интерес представляет возможность, оставаясь в профессии, выйти из корпорации. Это происходит автоматически, когда учитель выходит по возрасту на пенсию, продолжая некоторое время работать. К тому же приводит любой другой способ приобретения материальной независимости, что и выводит работника из жесткого подчинения иерархии. Репетитор может полностью порвать с корпорацией, став "свободным художником" и обслуживая потребности общества непосредственно, в обход всех бюрократических рамок и рогаток. Парадокс в том, что бюрократия сама создает рынок для репетиторов, снижая своим давлением эффективность гос. образования: чем больше "улучшений" и контроля, тем хуже результат.

Обратное же – приток в корпорацию чужаков извне – всегда затруднено, даже и в случае такой слабой корпорации, как учителя. Тут срабатывает автоматический рефлекс – ревниво оберегать свои секреты от покушения профанов. Лучше всего это выразил один комментатор: *...статьи пишут не учителя, а шустрые блогеры, токари-пекари, слесари-гинекологи, судя по их интересам. А мы начинаем подвякивать им в унисон.*

Как же не разрешить (что невозможно), но хотя бы сгладить все упомянутые проблемы в данном конкретном случае – современном российском образовании? Снизить формализм и некомпетентность проверок можно заменой бюрократического контроля на коллегиальный. Коллегия состоит из коллег – действующих (и опытных) (а не отставных) учителей разных школ и представителей начальства. Понятно, что при этом нагрузка в своей школе на выбранных в коллегиальные органы должна быть снижена, а работа оплачиваться – за счет снижения затрат на содержание нынешней орды "профессиональных" проверяющих. Понятно, что при этом появляется опасность перекоса в сторону корпоративного эгоизма, но в настоящее время баланс настолько перекошен в противоположную сторону, что любое его выправление будет оправдано.

Дополнения

1. «Отрицатели».

Пункт о профессиональных корпорациях поможет понять причину появления феномена отрицания, всех этих вульгарных (т.е. народных!) теорий: т.н. хроноложества, луноложества (отрицания посещения Луны), знахарства, всех альтернативных теорий, в т.ч. и недоверие родителей к шк. учителям.

Итак, объяснение: всё это – реакция на корпоративные тайны, вообще существование и относительную закрытость профессиональных корпораций – историков, медиков, ученых вообще.

Человечество вышло из детского возраста, но пока еще не стало взрослым, находится в подростковом состоянии. Теперь оно больше не доверяет авторитетам слепо, но еще не может судить здраво. Сеть дает возможность небывало быстрого обмена идеями, среднее образование (когда оно дается в полном объеме) – возможность (допустим) за год овладеть любой отраслью знаний на том уровне, который позволял бы судить по чувствительным для общества вопросам. Незрелость в том и сказывается, что "лидеры общественного мнения" тратят на изучение вопроса пару часов (да и основательность их базового образования сомнительна).

Т.о., это не мракобесие и новое средневековье, а реакция по сути здоровая, по форме же уродливая. Да, это "борьба с официальной наукой", но определение "официальная" здесь – приговор такой науке. Да, люди делают себе же хуже, не понимают собственной пользы. Раньше-то было проще – взрослые сказали, дети сидят на карантине. Теперь они задают лишние вопросы.

Откуда проистекал авторитет профессиональных корпораций и официальной науки? От государства. Увы и ах, общество не доверяет больше гос-ву (т.е. чуждой и противостоящей обществу, навязанной политической власти). Теперь и профессионалам, и властям надо авторитет завоевывать и постоянно подтверждать. Это по-настоящему трудно. Не проще ли наконец обществу самому прийти к управлению собой? Т.е. учиться на своих ошибках, набивая собственные шишки (напр., "Помните как в прошлый раз послушали это дурака имярек и отменили карантинные меры?").

(Разумеется, члены корпораций не способны всего этого понять: они же знают о себе, что владеют вопросом и хотят всем хорошего. Но это знание возможно только о себе, о другом этого знать нельзя, а для общества они и есть другие.)

2. О благотворном эффекте устранения бюрократии в шарашках.

...Помимо удовлетворительных бытовых условий, отношение к заключенным со стороны начальства мало чем отличалось от такового «на воле». Более того, не разбираясь в сложных научных вопросах, начальство, по непонятной на первый взгляд причине, доверяло «своим» специалистам даже больше, чем любым «чужим» прославленным ученым. Иначе, как будет показано ниже, чем можно объяснить, что выдаваемые «специалистами НКВД», как нас «официально» называли, данные для проектирования новых, впервые в мире осуществляемых производств и машин, руководство Спецотдела НКВД утверждало без каких-либо «консультаций» на стороне.

Другой особенностью обстановки на «шарашке» было также полное отсутствие руководства и контроля научно-технической деятельности заключенных со стороны начальства. Оно не требовало для утверждения планов работы, не организовывало «соцсоревнований» и других бюрократических «мероприятий», обязательных для «нормальных» советских учреждений. Не принимало участия начальство и в организации рабочих групп. Каждый заключенный сам выбирал себе товарищей по работе, и образовавшиеся группы совместно вели выбранную ими самими тему, без какого-либо участия тюремного начальства.

Эта особенность организации работы, или, вернее, ее отсутствие, не только приводила к резкому повышению продуктивности, но и улучшала моральный климат в коллективе, что было особенно важно в достаточно трагической обстановке полного отрыва от родных и близких людей, от учеников и сотрудников, о которых заключенные практически не имели никаких сведений.

Немцов Марк Семёнович. Доктор наук. Из записок химика.

15. Конец русской литературы

"Поэт в России больше чем поэт" – это значит, что русский писатель не просто писатель, а идеологический работник. И против такой идеологической работы не приходится возражать. Сама литература не была тенденциозной (и не должна быть, в этом ее сила: "Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление"). Можно еще вспомнить рекомендацию Чехова выбрасывать из рассказа начало и конец – как идеологические части, в которых писатель больше всего врет.

Тенденциозной была действительность, изображение социальных язв которой производило свой эффект, независимо от желаний автора. (Разумеется, были другие авторы и другие произведения, выпадающие из общего идеологического ряда. В силу этого они или забыты, или мало кого волнуют.)

Даже Достоевский, сознательно взявшийся оппонировать демократическому направлению, на практике тянул общий воз – поскольку был честен в изображении действительности.

Кто владеет прошлым, тот владеет и настоящим...

Необычайное (по сравнению с другими культурами) значение русской литературы (в ее классический период – 19 – нач. 20 в.) для общественной жизни России вызвано в основном тем, что она в своих типичных образцах представляет критику настоящего состояния с позиций будущего. Особенности исторического развития страны таковы, что критика посредством литературы была чрезвычайно востребована как единственно возможная публичная форма.

Самостоятельно придя к этой мысли, я обнаружил ее подтверждение у А. Луначарского (статья 1908 г. "Тьма"):

Существует критик-фельетонист г. Чуковский. Человек любопытный. Он обладает довольно редким классовым сознанием и старается помочь русской буржуазной интеллигенции освободиться от оков социализма, в которые она попала еще с времен великих учителей ее – Белинского и Герцена.

Вышло так, что наши Лессинги, вырабатывая самосознание третьего сословия, волею исторических судеб, окрасили его в густо-красный цвет. Сперва социализм этот был расплывчат и этичен, потом превратился в народничество, и наконец господство социалистических идей в головах передовой русской интеллигенции приняло свою окончательную форму – гегемонии пролетариата и его идеологии в политической и культурной жизни мыслящей России.

Не нам стесняться классово четких формулировок: это была критика буржуазных отношений с позиций социализма, особенно принимая во внимание излюбленную мишень такой критики – мещанство. Параллельно шел разгром и сопутствующих идеологических установок, как официальная религиозность и клерикализм (здесь поработали главные калибры линкора «Лев Толстой»). Для этого дела были безразличны собственные политические предпочтения авторов, т.к. настоящее творчество всегда глубже личности самого творца (и наоборот, личность творца, как правило, мельче его творчества).

Этот тренд захватил и первые послереволюционные годы. Точка в нем была поставлена повестью «Тимур и его команда» – для победы над остатками мещанской психологии и идеологии в их самых укорененных и примитивных формах оказалось достаточно усилий одних детей. С этого момента серьезная литературная критика буржуазных отношений стала невозможна, она просто перестала восприниматься общественным сознанием как актуальная – прогрессивная литература не может повторять свои зады (пройденное).

Разумеется, чтобы не впасть в идеализм, надо понимать, что процессы в литературе – всего лишь отражение идущих изменений в социальной материи.

Но история на этом не остановилась, несмотря на усилия некоторых идеологов и вождей, появились новые проблемы в обществе. Эти усилия в сфере идеологии сводились главным образом к тому, чтобы направить всю литературу (и пр. культуру) в русло апологетики существующего положения (впрочем, поначалу это было необходимо и оправдано как закрепление результатов героического революционного

периода и дало множество высоких образцов). Поэтому критику такого положения могла представить только неапологетическая литература, т.е. «антисоветская».

Но «антисоветская» лит-ра не могла встать на уже уничтоженные позиции буржуазии, и критика существующего положения могла производиться только с позиций более высокой – коммунистической – формации. Здесь, опять же, безразличны личные убеждения авторов.

Необходимо проанализировать, например, произведения:

Солженицын «Матренин двор», «Архипелаг ГУЛАГ» (здесь критика основана на несовместимости ГУЛАГа и социализма, капитализм к ней был бы совершенно нечувствителен),

Шукшин «Сураз» и др. рассказы,

Вампилов «Валентина» («Прошлым летом в Чулимске»).

В этих произведениях несовершенные прототипы людей коммунистической формации зачастую трагически погибают в столкновении со свинцовыми реалиями «реального соц-ма». Особенно показательна и трагична их слабость, обусловленная малочисленностью – фактически единичностью – перед лицом единого фронта обывателей-«стяжателей» и бездушной государственной машины (представляющей «недосоциалистическую» «всеобщую частную собственность»).

Клеймо «шукшинских чудиков» – победа консервативных застойных сил, обусловившая последующую гибель как «реального соц-ма», так и коммунистической альтернативы.

Современное же российское общество подобно потерпевшему в автомобильной аварии, который лежит обрубком, с переломанными и оторванными конечностями, испытывая фантомные и действительные боли. В таком положении не до критики, нужно обезболивание. И явился наркотический и галлюциногенный Пелевин, несущий в том числе разной степени бред о прошлом больного («Чапаев и Пустота»).

Так закончилась большая русская литература.

Где же в этой схеме место некоторых культовых фигур?

Сатира первых советских лет – легко догадаться – это «антимещанский» тренд на материале НЭПа: Ильф и Петров, частично Зощенко.

Булгаков очевидно не мейнстрим. Это как бы аналог постмодерниста Пелевина (отсюда и смелые эксперименты с известными религиозными сюжетами, и элементы фантастики) в предыдущую эпоху: рефлексия старой умирающей или уже умершей России на тему «Как могло так случиться?» («Белая гвардия») и «Куда теперь идти старым Мастерам – на Луну или сразу в ад?» («Мастер и Маргарита»). Это там же, где и вся объемная белоэмигрантская литература. Тут же и Пастернак, т.е. определение их как «внутренних эмигрантов» совершенно справедливо.

В «Мастере и Маргарите» есть и хорошо известная критика советской действительности, но эта критика не с позиции будущего. Это критика отстраненная, потусторонняя (отсюда и чертовщина), прямо-таки инопланетная, не историческая, не предполагающая исправления и развития, а просто моментальный оттиск существующего положения – насчет поржать.

Поэтому весьма симптоматична бешеная популярность этих произведений в позднюю советскую эпоху.

Возвращаясь к дореволюционному периоду, я приведу обнаруженную у А. Грамши характеристику творчества Чехова:

Чехов по-своему, в той форме, которая была присуща его таланту и культуре, способствовал развенчанию представления о средних классах, интеллигенции, мелкой буржуазии как о вершителях судеб русской истории и будущего России. Они считали себя творцами бог весть каких чудодейственных преобразований, а Чехов показал их такими, какими они были в действительности: мелкими, пошлыми, напоминающими надутые зловонным газом пузыри, достойными осмеяния.

Дополнения

В качестве иллюстрации того, что критика существующего положения могла производиться только с позиций более высокой – коммунистической – формации, приведу отрывок из книги М. Кантора "Стратегия Левиафана" (2014 г.):

Лучшим русским романом последнего времени я считаю «Три минуты молчания» Георгия Владимова.

Это книга о рыбаках в Северном море. Начинается роман с изложения жизни на берегу: драки, пьянки, случайные связи. Герой подкопил денег, хотел было списаться на берег – но деньги украли; опять пришел наниматься в матросы. Теперь снова полгода в море, а потом пьянка на берегу. Про команду, которая сплошь из таких же матросов – написана книга.

Интересна переписка Владимова с Солженицыным по поводу романа. Солженицын начал читать – и бросил. Написал автору (цитирую по памяти): мол, я-то надеялся, что Ваш герой понял, что будущее России на земле. Сушу надо обустроить, Россия не морская держава! А Вы опять героя в море послали – читать неохота: зачем нам Джек Лондон.

Они друг друга не поняли, Солженицын от книги отмахнулся, а Владимов объяснить Солженицыну не сумел.

Книга как раз про сушу, на которой ничего сделать нельзя. Не получается у героев на суше: их обманывают, дурят – и они спиваются. Они люди неплохие, но пронырливая жизнь на берегу пробуждает в них самое скверное. У них не получается создать семью, компанию, общество. Владимов показывает десяток биографий – все дрянные.

Не устроившись на земле, люди выходят в море, и вот в море-то они – команда. Они поначалу бранятся – земное еще не отпускает их; и вдруг закон общего дела их собирает воедино. Теперь это люди высшей пробы, готовые заслонить друга в беде, отдать жизнь за товарища. Даже когда они терпят бедствие (в судне пробоина), у них хватает отваги прийти на помощь другому тонущему кораблю.

Береговая жизнь кажется в море нереальной, не идет в сравнение с морской жизнью. Но мелочное уродство берегового быта – не отпускает. Чуть что – из моряков лезет земная сущность, как вата из дырявого матраса: один вынашивает план зарубить жену топором за измену, за другим какое-то темное дело, третий ненавидит семью, к которой привязан тремя детьми, и так далее. Они заговаривают о сухопутных проблемах и делаются ничтожными; берутся за снасти – и снова распрямляются. Метафора «земное – преходящее» звучит в полную силу; так устроена жизнь этих людей: от суетного к общему делу – и обратно, в суету.

Всё Солж прекрасно понял, это ему и не понравилось: стоит изменить отношения – и люди изменятся. Здесь противопоставление не "море – суша". "В море" отношения трудового братства, с честной и явной оценкой вклада каждого; "на суше" частная жизнь, отношения стяжательства, дрязги и ревность.

"Бесы" Достоевского

Упрекать эту вещь в «контрреволюционности» так же нелепо, как считать роман Оруэлла «1984» антикоммунистическим. Оруэлл изобразил ультраправую диктатуру, кое-как прикрытую «социалистической» фразеологией: закрытое классовое общество, полное отчуждение работников от средств производства, застой и деградация в науке, культуре, технике.

В «Бесах» же описано общество дворян и чиновников, одновременно задыхающихся от собственной духовной и материальной нищеты и мающихся непрерывным бездельем (потому что работать не умеют и не хотят). В этих условиях Верховенский-младший, предложивший более-менее молодой части населения свою эзотерическую парадигму (демонизм, тайное общество и мистическую связь с неведомой «интернационалкой»), был просто обречён на успех. И он не замедлил этим успехом воспользоваться: нагадил по мелочи, нагадил по-крупному, убил единственного мало-мальски приличного человека, у остальных взял деньги и уехал. Общество, окружавшее его, другого отношения не заслуживало, пожалуй. Оно разложилось до основ и даже глубже, оставив в себе из всех общественных реалий только лень, консерватизм и демагогию.

От себя:

Младенческий (и не могущий больше никогда повториться) период освободительного движения, играющий в ницшеанского сверхчеловека гл. герой, могущий сойти за революционера только в ситуации "на безрыбье" (слепленный автором с авантюриста и негодяя Нечаева). Как можно было последующим примерять этот образ на себя? А ведь примеряли и обижались.

Идеология "Муму"

"Муму" не об отчаянном одиночестве и безысходности, и не о любви к животным, а о свободе и об одаренном природным пронизательным умом человеке, приравненном к собаке.

Собака – идеал раба: хозяин бьет, а она руки ему лижет.

Герасим убил раба: убил раба в себе, убил само воплощение рабства – собаку, заодно исполнив приказание барыни, благодаря чему самовольный уход сошел ему с рук.

Если бы Герасим ушел, взяв Муму, то он был бы просто беглым рабом. Он сохранил бы принцип рабства, сохранив собственного раба. А автор подчеркивает, что Герасим больше никогда не заводил собак.

Кроме того, есть еще др. пласт. Герасим завел Муму после неудачи своей любовной истории. Домашний любимец здесь (как и вообще) – суррогат человеческой близости. Герасим отказывается от всех суррогатов, паллиативов и порывает все компромиссы – не только отказывается от собаки: труд прислуги в городе (и вообще жизнь в городе) для него тоже не настоящий труд, паллиатив деревенского труда.

Есть еще тонкий психологический момент. Герасима лишили двух любимых существ – женщины и собаки. Теперь он имеет моральное основание явочным порядком забрать компенсацию – проявить своеволие. Обрывая отношения с господским домом он делает символический жест – обставляет убийство Муму как ритуальное

жертвоприношение (любую собаку он мог бы просто задушить голыми руками, а Муму можно было утопить и в ведре), усиливая в собственных глазах основательность своих новых претензий.

Можно заметить несомненные черты сходства Герасима и собаки (кроме рабского состояния) – оба неполноценные существа в человеческом обществе (всё понимают, но сказать не могут), Герасим (как обычно и собаки) не любит пьяных. Но собака не может освободиться, а человек может, и Герасим смог (один! – из всех полноценных обитателей господского дома) подняться на такую моральную высоту, которая восхитила бы и Канта – действовать (формально оставаясь рабом) как по-настоящему свободный субъект, в ладу с собственной совестью, природой и всеобщими нравственными императивами – одновременно.

16. Солженицын как честный человек

Солженицын – антисоветский советский писатель. Он полностью погружен в советский контекст и вне него не может быть понят. Отсюда парадокс:

1) это советский и только советский (а не мировой) писатель.

Антисоветизм – его сторона, полностью связанная и обусловленная слабыми (больными, прогнившими) сторонами советской действительности. Солженицын – не причина болезни, а симптом. В этом смысле он продолжает русскую классическую традицию: "Мы не болезнь, мы – боль". Поэтому:

2) он последний русский классический писатель.

Вопреки склонности левых обыгрывать его фамилию, его писанина не имела бы такого значения (подобно эмигрантским инсинуациям и прямолинейной западной пропаганде), если бы он не был честен, в первую очередь к себе. Он сам – целиком и полностью – продукт советской действительности, и несет в себе ее недостатки:

У ЦК, КГБ и у наших газетных издательств, сегодня тайком нарасхват читающих "Архипелаг", нет уровня понять, что я о себе самом рассказал в этой книге сокровенное, много худшее, чем всё плохое,

что могут сочинить их угодники. В этом – и книга моя не памфлет, но зов к раскаянию.

Солженицын А. "Бодался телёнок с дубом".

О чём это он?

Вроде бы надо отделить памфлет от зова к раскаянию. Памфлет – это публицистическое содержание, откровенно враждебная пропаганда, произвольно натолканная автором в текст "Архипелага". Если отчленить это, останется собственно художественная часть, более объективная. Она автобиографична и в ней есть интересная линия.

1. Чемодан.

Меня поставили в четвёртую пару, и сержант–татарин, начальник конвоя, кивнул мне взять мой опечатанный, в стороне стоявший чемодан. В этом чемодане были мои офицерские вещи и всё письменное, взятое при мне, – для моего осуждения.

То есть как – чемодан? Он, сержант, хотел, чтобы я, офицер, взял и нёс чемодан? то есть громоздкую вещь, запрещённую новым внутренним уставом? а рядом с порожними руками шли бы шесть рядовых? И – представитель побеждённой нации?

Так сложно я всего не выразил сержанту, но сказал:

— Я – офицер. Пусть несёт немец.

Никто из арестантов не обернулся на мои слова: оборачиваться было воспрещено. Лишь сосед мой в паре, тоже SU, посмотрел на меня с удивлением (когда они покидали нашу армию, она ещё была не такая).

А сержант контрразведки не удивился. Хоть в глазах его я, конечно, не был офицер, но выучка его и моя совпадали. Он подозревал ни в чём не повинного немца и велел нести чемодан ему, благо тот и разговора нашего не понял.

<...>

Шесть спин. Ни одобрения, ни осуждения не было в их покачивании. Немец вскоре устал. Он переключивал чемодан из руки в руку, брался за сердце, делал знаки конвою, что нести не может. И тогда сосед его в паре, военнопленный, Бог знает что отведавший только что в немецком плену (а может быть, и милосердие тоже) – по своей воле взял чемодан и понёс.

И несли потом другие военнопленные, тоже безо всякого приказания конвоя. И снова немец.

Но не я.

*И никто не говорил мне ни слова.
«Архипелаг ГУЛАГ»*

Офицер принадлежит к высшей касте, это остается даже после ареста. Вообще, проштрафившегося офицера командованию легче было расстрелять, чем разжаловать в рядовые.

2. Паёк.

В другом тексте – "Раковом корпусе" – бывший солдат вспоминает, что у офицеров было не только огромное жалование, но и особый паек. Они поедали его тайком от солдат, потому что было стыдно.

Понятно, что Солженицын сам офицер и в воспоминаниях солдат не нуждается – это его собственные.

Что тут можно заметить? Русские вообще довольно прямодушны, а в те времена тем более. Наверняка были такие офицеры, которые как-то делились с солдатами. Но не Солженицын. Он страдал, но съедал свои печеньки тайком.

Опять же, другие были наоборот, настолько грубы, что ни малейших угрызений совести не испытывали, и не рефлексировали. Но не Солженицын – он же интеллигент!

С пайком ему было стыдно уже тогда, но не с чемоданом. С ним стало стыдно только к моменту написания своей исповеди.

3. "Придурок".

Далее, всю дорогу в лагерях он (по собственной терминологии) был "придурком" (хотя и не говорит об этом прямо), т.е. умел приспособиться получше и избежать самых убийственных работ. Получше – не на самые лучшие места, конечно, но где-то посередине.

Тут стоит задуматься.

Под огромным давлением репрессивного аппарата, который должен был бы расплющить среду зеков в однородный слой, она не только не плющилась, но прямо-таки цвела социальным расслоением – блатные, придурки, национальные землячества и пр. Судебные органы полагали одно наказание, а на местах получалось другое – ушлые наказывали неушных.

Позднее, когда Солженицын целовался с Франко, один испанский коммунист заметил, что режим в сталинских лагерях к сожалению был слишком мягок. Да нет же! К кому-то мягок, а к кому-то жесток. Хуже всего, что это происходило не по приговору властей, а само собой, вопреки приговорам – не по плану, а по рынку.

Что же получается? Если так в армии и тюрьме, то на воле, где диапазон возможностей шире, и расслоение должно быть шире? А с общим улучшением жизни оно еще больше расширится? Почти по Сталину – по мере продвижения к соц-му классовое расслоение увеличивается. И это не при "испортившем всё" Хрущеве, и не при дальнейших реформах, а в самые-то кондовые сталинские годы и в самых сталинских институциях – армии и лагерях!

Вот и получается, что святая святых пропаганды – всеобщего равенства – не было и нет. Такой "звон к раскаянию" нашим начальством, конечно, не мог быть воспринят.

4. Союз писателей.

В дальнейшей жизни Солженицын работал учителем, а после публикации "Денисовича" был быстро принят в СП и бросил работу. Т.е. у наших писателей членство в СП и была работа. Понятно, что у них гонорары, иногда астрономические, но иной писатель мог ничего не публиковать годами, значит была какая-то оплата. Попросту – гос-во содержало свою идеологическую обслугу. Всё это содержание было чрезмерным и незаслуженным – эти тысячи писателей были за исключением единиц дутыми величинами, неспособными конкурировать на мировом уровне.

Здесь есть аналогия с армией – офицерские привилегии тоже были чрезмерны (в иных буржуазных странах они скромнее) и никакой военной необходимостью не оправданы.

Две эти своры содержались государством, кормились и лелеялись. Зачем же так много и так щедро? Нормальный хозяин, если надо выбрать между рабочей лошадью и собакой, выберет лошадь. Но гос-во не такой хозяин. Лошадь-то кормящую руку по-любому не укусит! Да и собак некоторые ой как любят. Они же не отдельно от хозяина, а как бы его часть – его зубы.

Но вот появляется этот пес, специально пролазит в СП, только для того, чтобы кусать руку начальству, потому что слишком хорошо помнит, как эта рука его била. А начальство-то и сделать ничего не может – ни перестать кормить, ни убить (времена уже не те!).

(Собственные политические взгляды Солженицына – реакционные и практически черносотенные – меня здесь не интересуют).

17. Идеология и религия

Мы воспитаны в европейской культуре, а она выросла из христианства, литературы Завета. Поэтому мы не можем взглянуть на религии семитского корня со стороны, и сама наша критика также исходит из внутренней точки зрения.

Зеркалом для нас в этом отношении может служить другая традиция – индийский.

Брахманская традиция утверждает (и это принимается как само собой разумеющееся), что за немногим исключением все религиозно-философские системы Индии были теистическими (верили в создателя и управителя Вселенной). Индийский марксист Д. Чаттопадхья в кн. «Индийский атеизм» ведет полемику с традиционным взглядом и доказывает обратное.

Легко понять, почему в условиях конкуренции идеологий даже идеалисты приходят к атеизму. Концепция Бога порождает такие противоречия, что принятие ее ослабляет ваши позиции в идейной борьбе.

Со всех сторон сыпятся критические удары конкурентов:
если Творец создал всё, то где был он сам до творения? И откуда взялся?
имеет ли он тело, а если нет, то как действует в материальном мире?
если он совершенен, то что побудило его творить?
если он идеален, то почему мир неидеален?

существование морального управителя мира противоречит как индийской идее кармы, так и свободе воли.

Поэтому мыслитель, который хочет успеха своим последователям, не просто удовлетворяется сам отказом от этой концепции, но должен еще с особой страстностью проповедовать атеизм – что и происходило когда-то в Индии. (Потом, когда пик борьбы пройден и страсти улеглись, можно всё это замазать.)

Спокойно исповедовать и проповедовать теизм можно только в условиях полной идейной монополии религии, которая не оставляет места научным спорам.

Интересно исследовать причины таких поразительных отличий религиозных систем индийского и семитского корня.

Первичное искажающее воздействие, видимо, произвел легендарный основатель первой философской школы – санкхьи. Сделанное им последующие школы уже не могли игнорировать. Поэтому индийской мысли свойственна определенная трезвость.

Чудеса.

Философия – научная форма идеологии. Соответственно, религия – вульгарная (народная) форма идеологии. Философия чудеса отрицает, религия без них не может. Чудо – единственное свидетельства бытия бога; неспособный на чудеса бог никому не нужен.

Христианство, напр., основано на бывшем чуде (Воскресении) и будущем (втором пришествии). Индийские школы более философичны. Верующим сразу предлагается выжать масло из песка.

Дуалистичность.

Насколько я заметил, этим школам совершенно чужда идея деления на бога и дьявола (источника зла и первородного греха). Для христианина мир лежит во зле, для индийца – в страданиях. Индийцы с порога отменяют предположение, что Абсолют мог создать такое.

Ревнивый бог.

Представление о владыке мира как о сущности, по своим страстям

подобной земным царям, отвергается как предельно вульгарное. Идея ревнивого и гневливого бога со всеми сопутствующими идеологемами (завет с избранным народом, проклятые язычники, бог-царь, пророки-вожди) очевидно является всего лишь наступательной идеологией национального превосходства, вполне пригодной для любого государства. Научную форму такая идеология иметь не может.

Другими словами, идеология иудаизма (и любая племенная): мы сильны – с нами Бог!

Христианский нарратив сложнее, парадоксален: мы сильны, потому что мы слабы, а Спаситель любит слабых и завещал им царствие небесное.

Европейские варвары потом просто механически соединили эту религиозную форму с античной философией (Аристотелем) и потенциально подрывной добавкой собственно христианского ресентимента. В дальнейшем эту форму наполняли новым идейным содержанием, по мере развития классового общества. Но философия не слилась с религией. А в Индии слилась.

Классические европейские философы, разумеется, также не признают чудеса и личного (персонифицированного) бога.

Правда, в гегелевой философии истории бог тоже играет большую роль, но верный инстинкт подсказывает Ранке, что бог Гегеля был вовсе не богом в собственном смысле, а лишь мистифицированным в форме мирового духа единством и закономерностью исторического процесса и что, стало быть, Гегель, употребляя слова самого Ранке, был пантеистом, а не верующим. Ранке же хочет ввести «непосредственно» в историческую науку надмирного бога, бога христианства.

Лукач. Рецензия на книгу Эрнста Симона «Ранке и Гегель»

Так что это различие не культурное, а отличие философии от религии. Для европейских теологов это не было секретом и они дружно отвергали «бога философов».

Европейские философы просто соблюдали общественные приличия и по большей части не были воинствующими атеистами (но в случае

Спинозы эти никого не обманывало).

С другой стороны, начиная с Фомы Аквинского многочисленные верующие авторы сочиняют философские подпорки для христианства. Настоящим верующим эти подпорки не нужны и религиозная философия всегда была противоречивым явлением.

Возвращаясь к историческим предпосылкам, можно заметить, что ведический народ быстро достиг на практике военно-политического господства на субконтиненте, поэтому излишней религиозной накачки не требовалось. Народ Завета наоборот, претерпевая череду «пленений», мог сохраниться только ценой предельной идеологической накачки.

18.Об идеальном

Разговор с вульгарным материалистом

-- сознание не может существовать в отрыве от материального носителя... Тогда отпадает вопрос, материально или нематериально оно. Оно свойство материи.

[Но в учебнике 1982 года] говорится, что сознание существует в некоей идеальной субъективной реальности. [он это берется оспорить.]

...вообще не понимаю, зачем материалисты должны ломать голову, что первично – дух или материя.

...нет никакого разделения действительности на дух и материю, есть только материя, обладающая различными свойствами, в том числе и "духовными".

Я:

-- Человек производит идеальное в своем мышлении. В природе идеального нет.

-- что такое идеальное?

-- Любые модели и образы в голове.

-- я полагаю, что мысль – это определенное состояние носителя мысли (мозга или любого другого носителя информации).

-- [Нет,] мысль – порождение общества, а не мозга (хотя и посредством мозга индивида).

-- конечно, просто заявить, что идеальное не существует, было бы ошибкой и примитивизацией вопроса. ...Но ни один бог не может существовать вне человеческой головы. [Тут можно было бы заметить, что голова умирает, а бог переходит в другую).]

...Духовное (идеальное) не существует без материальных носителей, в этом смысле никакой самостоятельности нет. Также производство духовного – полностью материальный процесс. Снова никакой самостоятельности нет. Но производство духовного – это активный процесс отражения "внешней" природы, и вот тут возникает некоторая самостоятельность, потому что процесс активного отражения подчиняется уже особым законам...

-- сознание – свойство соц. материи, при этом сознание само себя воспринимает как идеальное (а также процесс мышления и его результаты)... Тогда "материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней" – это функция сознания, а не определение идеального, которое Маркс и не собирался давать в форме столь краткого замечания в постороннем месте.

-- ...по поводу камня и мозга. Мне важно подчеркнуть единство всех типов материи, так как без этого невозможно, на мой взгляд, дать правильное определение идеального. Также этот мой камень является "камнем" в огород самому Энгельсу)), который определял марксистскую философию как науку о наиболее общих законах движения природы, общества и мышления. Неудачность этой формулировки, на мой взгляд, в том, что общество получается не частью природы, а отделенным от неё, чуть ли ни чем-то нематериальным.

... у меня такое впечатление, что вы настаиваете, что идеальное может существовать в некоторой степени независимо от материи. Я же пока остаюсь на точке зрения, что идеальное – это один из видов информации.

... из БСЭшного определения идеальное оказывается существующим не в реальном мире, потому что существование в сознании противопоставляется существованию в действительности... А что значит "существовать в сознании"? Это значит производить в мозгу

*определенные электро-химические или еще какие-то изменения.
... "Существовать в сознании" – значит соответствовать определенной
структуре некоторого участка мозга.*

*По поводу информации и идеального. Чем идеальное отличается от
информации, почему его нельзя свести к одному из видов
информации?*

-- Информация – это вообще всё, что еще не поглотила энтропия. Следы на снегу и кратеры на Луне – тоже информация, если есть **интерпретатор** – сознание.

Понятие информации мы позаимствовали из компьютер. наук как аналогию. Пойдем дальше и возьмем Виртуальную реальность. В этом мире свое призрачное существование ведут аналоги идеального – модели и образы, в т.ч. духи и боги, автомобили и собаки. В то же вр. это всего лишь двоичные состояния компьютерной памяти.

...технической разницы с т.з. компьютера нет, но бухгалтерская пр-ма отличается от виртуальной реальности.

Виртуальная реальность в компьютере – это как идеальное (сознание) в голове. И виртуальная реальность, как и любая компьютерная программа, не является продуктом компьютера.

Материальность сознания

Материальность сознания не в том, что его носитель материален. А в том, что сознание обусловлено материальными интересами.

Люди (поскольку они свободны) действуют в соответствии со своими интересами. У больших групп эти интересы объективны. Когда интересы сталкиваются, под эту борьбу подводится идейное основание, по желанию так же и теоретическое (ранее движения под религиозными флагами обходились, понятное дело, без этого). Задача материализма – указать эти интересы. А вот идеализм (и идеологи) довольствуются копанием в "идейных расхождениях".

Надо пояснять основательность наших претензий на материалистичность мышления, которая должна быть свойственна нашему движению. Оно отражает интересы рабочего класса, а его собственное мышление по необходимости материалистично, его

"органы" мышления – спина и живот.

Спина – когда его лупят в хвост и гриву, тогда проясняется сознание относительно истинного его положения в социальной пирамиде и отношения к политической власти.

Живот – когда его подводит от голода, то "холодильник побеждает телевизор".

Напр., спина должна "думать" у украинцев, когда их гонят на фронт как "мясо", а живот – у европейцев. По тому, насколько долго доходит, можно судить насколько положение этих слоев отошло от положения классического пр-та, насколько они мало революционны, т.е. "никакие" ("пр-т или революционен, или он ничто").

И такое мышление – самое верное, т.к. материальные интересы не обманешь, а идеи, даже изначально правильные, со временем ветшают, и идеологии обращаются в косную традицию.

Но есть целый ряд таких "коренных вопросов", по которым марксисты впадают в прискорбный идеализм:

- 1) ревизионизм и оппортунизм европейских рабочих партий перед ПМВ как превопричина их "оборонничества";
- 2) "разногласия [в ВКПб 1920-х гг.] носили в значительной мере ситуационный, тактический характер", но "стали, в конечном итоге, одной из существенных предпосылок краха реального социализма";
- 3) причина десталинизации в СССР – в ревизионизме Хрущева (тут можно только пожелать успехов в поиске теоретических трудов означенного товарища);
- 4) здесь можно было бы указать неправильные идеи перестройки, если бы господствующим идейным направлением в поисках причин краха СССР сейчас не были совершенно вульгарные представления о предательстве Горби и подрывной работе Запада (имеющие глаза видят, насколько бессильна в данный момент вся эта работа против РФ). Впрочем нет, перестройка же у них идет от десталинизации.
- 5) могу только надеяться, что никто из марксистов не видит причин войны в личности Путина;
- 6) левые оправдывают империализм своей страны, потому что неправильно понимают революционное пораженчество.

Определим материальные интересы по тем же пп.:

- 1) большинство евр. рабочих почувствовали выгоды империалистической политики своей буржуазии, отсюда и ревизионизм;
- 2) вынесу отдельно;
- 3) интересы царя и бояр различны, обычное дело;
- 4) неспособность "сов. плановой экономики" удовлетворять материальные потребности;
- 5) ранее уже разъяснялось, коротко – борьба периферии с глобальным капиталом;
- 6) конечно, "в каждой нации – две нации", но их интересы могут (часто) и совпадать. Если низы воспринимают "свою" власть как власть оккупационную, тогда "пораженчество" имеет шанс.

2) Главная наша проблема, связанная с социальной природой СССР. Естественным ходом вещей слой, захвативший в революцию власть, т.е. право командовать массами, желал сделать это право вечной монополией, и это был его интерес, весьма материальный. Догматический марксизм предполагал самоуправление, т.е. передачу власти самим массам, что в то вр. было нереализуемо. Массы должны были (и были склонны) отказаться от таких претензий, взяв компенсацию – форсированный (в одной стране) соц-м, царство божие на Земле. Этот соц-м, реализуя эгалитантные идеи, устранял в большой мере раздражающее имущественное расслоение и нёс реальные преимущества – социально однородное общество всегда здоровее. Продолжение нэпа (т.е. отказ от соц-ма в одной стране) означал размывание классовой основы монополии на власть – необходимость допущения буржуазии к принятию эк. решений и к политическому влиянию, поэтому нэп был свернут – ради сохранения монополии на власть.

19. Приложения

Идеология и мифология

I. Природный фетишизм.

На этапе первобытности идеология (как способ объяснения и система представлений о мире) имеет форму мифологии.

На этом этапе человек (производительные силы общества) настолько слаб, что вполне зависит от сил природы, поэтому одушевляет, олицетворяет и обожествляет их. Но более того – он и сам себе еще представляется природной силой.

Во-первых, мистифицируются природные свойства человека как индивида: творческие, трудовые (боевые), лидерские способности, плодовитость. Особенности мышления требуют конкретизации местоположения этих мистических сил в органах человеческого тела. В разных культурных традициях это: кровь, сердце, голова, волосы. Наиболее оригинальны в этом отношении австралийские аборигены: по их представлениям жизненная сила находится в жире почек, поэтому самая страшная угроза врагу – похитить этот жир (для чего противника следует предварительно оглушить). Из подобных представлений с логической неизбежностью следует переход к практике человеческих жертвоприношений и ритуального каннибализма (что до сих пор символически сохранилось в ритуальном христианском причастии кровью и телом). Эти практики д.б. представляются чудовищными не только с т.з. более высокой культуры, но и взаимно с т.з. просто другой культуры: вырывание живых сердец, сдирание кожи, охота за головами и скальпами и коллекционирование сушеных голов.

Во-вторых, мистифицируются социальные силы, которые ещё представляются как природные. Личность неразвита, первобытный коллектив воспринимается каждым как неразрывное единство, в основе которого биологическое единство – род. Людьми считаются только соплеменники, чужаки воспринимаются как враждебная мистическая

сила – демоны. Род включает и ушедших предков, которые становятся духами, олицетворяющими общественную силу коллектива. В дальнейшем появляется возможность для материального воплощения представлений о силах природы и духах предков в «весомых, грубых, зримых» символах – идолах. Иногда это фаллические символы – символы плодovitости.

Представление о собственно человеческих силах как силах природы обусловлено и находится в неразрывном единстве с тем капитальным обстоятельством, что на данном этапе человеческие способности являются производительными непосредственно – не опосредуются более сложными общественными отношениями собственности. Но это обстоятельство продолжает действовать и на следующем подэтапе, при переходе к первой антагонистической формации – рабовладению, когда появляются собственность и эксплуатация. Основной вид собственности на этом этапе – та же непосредственная человеческая сила.

Множество первобытных коллективов ещё не образуют общество, но м.б. скреплены в значительно более мощное единство внешней по отношению к каждому отдельному коллективу силой – государством (в лице обожествляемого деспота). Продолжается мистификация этой социальной силы не как социальной, а как природной, воплощенной в сверхличности государя и его несравнимых (не иначе – мистического происхождения) физических и волевых качествах. Он лично становится божеством. Все его проявления сверхъестественны. (При дворе императора инков вроде бы был специальный человек, в обязанности которого входило съесть остриженные волосы и ногти императора, чтобы ни одна священная частица не попадала в грязь). Все подданные – его рабы, он волен распоряжаться их жизнью и смертью.

Это государственная разновидность рабовладения (т.н. азиатский способ пр-ва), но та же тенденция в конце концов возобладала и в частновладельческой разновидности (античный СП) – римские императоры обожествляются буквально.

Т.к. религиозные представления очень консервативны, то разумеется параллельно сохраняются пережитки анимизма и племенных культов,

отсюда многобожие. В то же вр. появляются попытки философского осмысления действительности.

II. Социальный фетишизм.

На этом этапе идеология совпадает с религией.

Вера в единого непознаваемого бога («пути господни неисповедимы») отражает в мистифицированной форме то объективно существующее положение, что над обществом господствуют созданные им же социальные силы в лице государства. Теперь им вынужден подчиняться и сам государь, ограниченный в своем произволе (он и раньше был ограничен, только признавать не хотел).

Граница перехода к мировым монотеистическим религиям размыта, но в общем соотносится с формационным переходом – к феодализму. Этот переход отвечал (и обслуживал) интересы как правящих слоев, так и народа.

И первые проповедники христианской религии тоже оставляли место для надежд на такую революцию, которую совершит божественное существо при полной пассивности людей, а когда надежда эта окончательно исчезла, то удовлетворились тем, что такого переворота во всем стали ждать в конце мира.

Лукач.

Рост производительных сил означал рост населения (особенно на варварской периферии), его концентрации и подвижности, средств общения. Особенно после великого переселения народов становилось невозможным придерживаться устаревших взглядов на свою этно-племенную и цивилизационную исключительность. Все принявшие христианство или ислам стали считаться членами одной общины, на личность и собственность которых распространяется защита общего закона. Феодальные сословия объединяют людей разных стран и языков. Сословно равные рыцари-разбоники, захватив Палестину, становились королями, графами и т.д. а будучи изгнанными, вновь теряли свои титулы.

Для феодалов монотеизм тоже был совершенно необходим. Их иерархия по устройству и происхождению подобна криминальной системе «крышевания», когда легитимность и право собирать

прибавочный продукт с территории делигируется вышестоящим уровнем иерархии. Государь (то, что он не бог, было доподлинно известно другим феодалам), стоящий на самом верху, уже не мог получить легитимность внутри своей иерархии, а только извне, из вышестоящей иерархии, в виде помазания.

В тех же целях японский феодальный властитель сёгун использовал потерявшего всякий политический вес архаичного императора – сына богов.

Все эти изменения были обусловлены изменением экономического базиса. Теперь основой эксплуатации стала не непосредственная собственность на рабочую силу, а собственность на материальные условия труда. При феодализме это земля (хотя это и не собственность в полном смысле слова). Феодал мог абстрагироваться (в разумных пределах) от наличия на ней податного населения – оно всегда найдется.

С переходом к социальному фетишизму, в той мере в какой сохранилась зависимость людей в их труде от сил природы, сохранился и природный фетишизм.

III. Фетишизм политических институтов.

Этап собственно идеологии. С ней сосуществуют пережитки старых форм.

Когда назрел следующий формационный переход, поднимающаяся прогрессивная буржуазия сначала попыталась рационализировать католицизм (под знаменем протестантизма), а потом смело отказалась от мистических религиозных покровов. Через промышленность и торговлю она имела непосредственно дело с природой и обществом, и нуждалась в научном познании законов объективной действительности. Своим лозунгом она выдвинула просвещение и рационализм. А также святость частной собственности, т.е. собственности не только на землю, а на любые материальные условия труда, т.е. ср-ва пр-ва. В подтверждение своих прав ей достаточно рассудочной апелляции к инстинкту («Смотрите, ребенок, а уже хватает игрушку и кричит: Моё!»). Религия остается, но отходит на второй план, как «духовная сивуха» для народа.

В дальнейшем оказалось, что над обществом продолжают господствовать законы, которые буржуазия не может познать, оставаясь на своей классовой точке зрения. Утрата прогрессивного значения, начало загнивания капиталистического СП вызвали откат к иррационализму. Но теперь наряду с традиционными религиями стали цвести махровым цветом всякая мистика, оккультизм, оживился интерес к астрологии, хиромантии и т.п.

Прочие институты (к гл. «Противоречия»)

Отчужденные формы

Проституция, службы доставки, рестораны с официантами – противоречие между атомизированным состоянием общества и нуждой в человеческом участии, решаемая покупкой такого участия за деньги. Соц. сети – нужда в получении отклика от общества при обращении к нему. В отсутствии отклика индивид ощущает себя в бойкоте.

Армия (даже если иметь в виду только реальную нужду в защите) – противоречие между тем, что все граждане должны защищать страну, и тем, что никто не хочет. Необходимость защищать страну через защиту правящего слоя и государства (на деле в первую очередь – от внутренних угроз).

Парламентаризм – власть меньшинства через голосование большинства; выборы без выбора; голосование всеобщее, а власть всегда у буржуазных фракций.

Проявление противоречия: при «неправильном» результате происходит военный переворот.

«Казённый дом»

Больницы (если взять только легкие и ср. случаи) и богадельни – противоречие между атомизированным состоянием общества, когда все равнодушны др. к др., и необходимостью в общественном призрении, т.е. неравнодушии, заботе.

Проявление противоречия: неизбежные халатность и врачебные ошибки

воспринимаются пострадавшими (и «пострадавшими») гипертрофировано; судебные иски и преследование прокуратуры. В крайних случаях принимает форму массовой истерии («Врачи-убийцы»).

Школы – клубок противоречий. Атомизированное общество, состоящее из уже образованных людей, неспособных передать это образование детям иначе, чем через отчужденное казенное учреждение.

Дисциплинарное учреждение (обязательность посещения), от которого требуют не стеснять свободу учеников.

Противоречие между унаследованной от патриархального общества монополией родителей на своих детей и фактическим диктатом общества во вр. их пребывания в школе – ведет к конфликтам родителей и учителей.

Между необходимым для конкретного индивида объемом знаний и способом его усредненной доставки в объеме, многократно превосходящем необходимый в каждом конкретном случае.

Между задачей формировать научное мировоззрение и идеологической нагрузкой в классовом обществе.

Между провозглашенной целью и реальной общественной задачей (которая присутствует не на 100%, но всегда на какой-то значительный процент) – «камера хранения» для детей, имитация полезной деятельности.

Между общей программой для всех учеников одного возраста и разной их подготовкой.

Нахождение учеников с разной успеваемостью в одном классе.

Учебный класс является как трудовым коллективом, занятым овладением знаниями, так и случайным сбродом по методу комплектования.

Проявление противоречия:

травля во всех направлениях (ученики, учителя, родители), стрельба.

Тюрьма.

Необходимость избавиться от негодных членов и невозможность это сделать иначе, чем через пыточное учреждение. «Освобождаясь» таким образом от криминала, общество находится в постоянной зависимости от него.

Истинное решение.

Первобытное общество избавлялось от негодных членов через их «извержение», т.ч. обе стороны оставались свободны. По наследству это перешло в античность – остракизм.

Ефремов, помнится, отвел для этих целей территорию Шри-Ланки.

Рыночные (классические марксовы) противоречия.

Товар – противоречие двух его сторон (потребительной и меновой стоимости), которое приводит к появлению денег, в процессе развития которых их собственная потребительная ценность постепенно исчезает (остаётся меновая стоимость в чистом виде). Такое – одностороннее – решение не является истинным.

Противоречие потребительной и меновой стоимости: стоимость – это рабочее вр., а потребительная стоимость, ценность – кол-во полезных вещей. При росте (общей, средней) производительности кол-во ценностей растёт, а стоимость – нет. Но капитал – это произ-во именно стоимостей! Поэтому рано или поздно противоречие вылезает наружу кризисом, когда, чтобы возобновить получение стоимости, надо уничтожить множество полезных вещей.

Абстр. и конкретный труд: противоречие (даже справедливой) оплаты труда – между усилиями индивида и общественно признанным результатом. Приводит к конкуренции и потерям.

«Стоит ли час вашей работы столько же, сколько час моей работы?» – спрашивает К. Маркс и отвечает: «Это вопрос, разрешаемый конкуренцией».

Механическое решение – теории физической (энергетической) стоимости, предполагающие (при соц-ме) достичь «справедливой» объективной оплаты труда по его (индивидуальным) затратам.

Между производительной способностью и узкой базой потребления – перепроизводство. Парадокс кап-ма – чем больше богатство общества, тем больше в нем нищеты. В настоящее вр. это противоречие смягчено государственными мерами социальной поддержки.

Эти противоречия не могут быть решены в рамках кап-ма.

Универсальные противоречия, не отраженные в институтах.

Человек сам по себе есть противоречие, как единство скотского и собственно человеческого. Это противоречие вечное, т.к. человек без скотского начала есть ангел, т.е. фантастическое существо.

Свободное время: общая потребность в полезном его проведении и личная свобода злоупотребления. Если человек не видит, что свободен распоряжаться своим временем произвольно, в т.ч. самым нелепым образом, он не чувствует себя свободным. В то же вр. оно – общественное богатство. Отсюда проблема с компьютерными играми.

Глобальные. Неравенство по благоприятности географически разных мест проживания и свобода передвижения – воздвижение барьеров на нац. границах перед мигрантами.

Советские институты.

Партия: сначала это выражение противоречия между авангардом и массой, потом – правящим слоем и обществом.

Госплан: противоречие между интересами предприятия и гос-ва.

Но главное, о чём все знали, главный институт – гос-во, выражающий классовые противоречия! Для прикрытия этой пикантной для соц-ма проблемы был изобретен фиговый листок противоречий между рабочими и колхозниками. Эта схема не была принята даже в др. соцстранах, но по крайней мере показывает, что ее авторы были хотя бы грамотными догматиками, в отличие от тех, кто прямолинейно указывает на внешнюю угрозу как причину.

Успешно решенные в СССР противоречия.

Наибольший успех – решение нац. противоречий (хотя и тут подпортил один выдающийся спец. в нац. вопросе, но потом в основном было исправлено). Блестяще подтверждено, что нац. противоречия служат маскировкой социальных.

Противоречия демократии, парламентаризма – решены на короткий период первоначальных Советов. Показана принципиальная

возможность практического решения.

По конституции 1936 г. под прежней вывеской вернулись к парламентаризму – выборы по терр. округам за постороннего кандидата вместо выборов в производственных коллективах. Принцип «выборы без выбора» усугублен и доведен до абсурда.

Наиболее яркое и поразительное достижение – решение противоречий школы и воспитания в колонии Макаренко. Показана ненужность и вредность всех традиционных институтов и бюрократии Наркомпросса. Значения никто не понял, но бюрократия почуяла опасность и уничтожила прецедент.

Нерешенные и усугубленные противоречия.

Перепроизводства нет, но есть вечный дефицит, что хуже, т.к. перепроизводство есть как бы парадокс сверхэффективности и временно разрешается кризисами, а дефицит воспринимается как имманентный позор неэффективности.

Противоречие ПС-ПО решено таким образом, что большая часть ПС форсировано загнана в отношения, к которым не готова. Отсюда неизбежность отката.

Вопиющее несоответствие базиса и надстройки – на базе общественной собственности покоится система отчужденных от общества институтов.

Итак, построение соц-ма – это процесс последовательного упразднения всех общественных институтов. Успешные примеры показывают, насколько это быстро и как бы даже просто происходит в самых трудных условиях.

А в самом конце, когда-нибудь – бог знает когда – будет наконец снято и разделение труда. Тогда и можно будет сказать, что труд стал непосредственно общественным. До того же можно будет говорить только о том, что степень опосредствования общественного труда стала несколько меньше.

Ну а др. общие противоречия будут действовать и при ком-ме.

III. Утопическая идеология и социализм

Цель социализма – не достижение справедливости или равенства, не построение мощной коммунистической державы с опережающим ростом производства средств производства, как это зачастую думают современные идеологи. Цель социализма, как это было изначально – освобождение труда, и может быть достигнуто только как дело самого рабочего класса. Не удивительно, что пути, которыми идет это дело, не совпадают с желаниями идеологов, которые, конечно же, знают пути лучшие и более короткие.

20. Многосторонность освобождения труда

Политическая сторона

Социализм лежит в политической плоскости, т.к. это движение пролетариата, проявление классовой борьбы и ее увенчание как политический переворот, необходимый для переворота в отношениях собственности. Имеется множество вариантов движения как до революционного переворота, так и после, когда встают вопросы удержания, укрепления власти, борьбы с социальными пережитками и буржуазным окружением – всё это политика и политика, никак не сопряженная с движением к коммунизму.

При этом социализм сам, своими методами решает и вопросы неравенства – самым упразднением ЧС и передачей власти пролетариату. Т.е. в значительной мере снимается и нужда в коммунизме. Или это сразу и есть коммунизм?

Вся эта проблематика в классике выражена одной фразой – "буржуазное право без буржуазии" – и подразумевалось, что уж переход от этого состояния к некоему "небуржуазному праву" будет легче. Не вижу, чтобы этот переход вообще просматривался.

Коммунизм в отличие от социализма не лежит в политической плоскости, не достигается, не может быть достигнут политически.

Коммунизм тоже есть пространство множества вариантов независимого движения – даже еще до социализма: первобытные общины в окружении классовых обществ, семья; индивидуальное бегство от мира ЧС – монастыри и секты. После социализма удалось усмотреть только два (опыт Макаренко – но это для несемейных, и самоуправляющиеся бригады на производстве) – это только зародыши.

Семья, частная собственность и государство

В порядке обратного снятия «семья, ЧС и государство» соответствуют: отмиранию государства, упразднению ЧС и введению полного коммунизма, который делает ненужными отдельные хозяйственные единицы – семьи (очевидно, являясь общей, неразделенной хозяйственной единицей).

Со снятием «семьи, ЧС и государства» есть проблема. Если историческая последовательность тут понятна: моногамная семья – предпосылка ЧС, которая в свою очередь означает появление классов, следовательно и государства, – то логично предположить, что и снятие пойдет в обратной последовательности: государство-ЧС-семья. Но известно, что сначала упраздняется ЧС, а уж затем должен запуститься процесс отмирания государства.

Тут можно допустить, что политический акт экспроприации просто переводит собственность в другую форму – «всеобщей ЧС», т.е. эта собственность становится чужой для каждого.

Касательно сопоставления «семья – коммунизм».

Не я один заметил, что внутри семьи полный коммунизм: общая собственность, распределение по потребностям (в рамках бюджета), нет товарно-денежных отношений. Это неизменно встречает возражения – не всем такой коммунизм (и эгоизм частных домохозяйств) нравится. Еще бы, как уже говорилось в др. месте, семью раздирают противоречия.

Ее единство держится на деспотизме главы семьи или родителей, поэтому она постоянно распадается: если не разводятся родители, то уходят взрослые дети. (Эгоизм же тут направлен вовне, где, понятное дело, нет коммунизма.)

Но таков был весь первобытный коммунизм, действовавший по принципу «принижающее выравнивание». От него человечество ушло в прогрессивное развитие через рост свободных индивидуальностей посредством ЧС, как показал Энгельс. И до сих пор уходит везде, где встречаются препятствия такого рода.

В отличие от этого отрицательного коммунизма, для нас привлекателен положительный коммунизм – «выпрямляющее развитие».

Государство

Атомизация общества предполагает необходимость в государстве; заставить государство отмирать может только солидарное (противоположность атомизированному) общество.

Можно добавить, что солидарность (напр., возникшая во время революционного натиска) вообще быстро улетучивается – на то индивиды и свободны.

Солидарность прямо прописана для авангардной партии, но тут положение не лучше, а хуже: к действующему для всех эгоизму материальных интересов добавляется страсть посильнее – конкуренция за власть.

Известный образ партии как «ордена меченосцев» предполагает желательность органической солидарности – в смысле солидарности органов тела, подчинения рук и ног голове. Это понятная мечта деспота и реакционная утопия.

В плоскости проблематики государства лежит **анархизм**, полностью фиксированный на его критике и предполагающий его устранение одним ударом, декретом (или замену собственным тайным деспотизмом, как у Бакунина).

Противоположность анархизма (в той же плоскости) – **государственный социализм**, который государство увековечивает. Его разновидность – отношение к СССР как к «прекрасной России прошлого», если и не вполне осознанное, то практически поголовное.

В противоположной и как бы параллельной плоскости (классовой борьбы) лежит **синдикализм**, в своей чистой форме полностью отрицающий участие в политике, что есть парадокс, т.к. это сторона политическая. Противоположность синдикализма – революционный социализм.

Казарменный коммунизм.

Я определил коммунизм как «уравнение имуществ» – в его исходном вульгарном понимании, т.е. так, как его понимали сами массы в своих стремлениях к удовлетворению насущных потребностей – грубо уравнилельно, как равенство долей. Научный коммунизм, в противоположность, понимает такое равенство как равенство прав на общее неразделенное имущество.

Самый вредоносный утопизм находится в точке схождения нескольких граней. Напр., **ультралевый утопизм** сочетает грубый коммунизм, форсированную ликвидацию классов (это в политической плоскости) и государственное принуждение – т.е. буквально «отнять и поделить»: государство обеспечивает всех равными пайками и принуждает к труду. Наверняка все или знают, или встречали среди коммунистов сторонников именно такого коммунизма; иногда они даже составляют большинство, приходят к власти и пытаются реализовать свой идеал, как в Кампучии.

Это коммунизм люмпенов и действительно «детская болезнь», т.е. на этот раз и в самом деле проходит автоматически.

Большевизм

После ошеломительного успеха в выполнении партийной программы-минимум в смысле дальнейших шагов чувствуется некоторая растерянность. Показателем того, что т.н. видение было утрачено, служит и то, что следующая программа (ставящая конкретные собственно коммунистические задачи и в обозримые сроки) была принята только через несколько десятилетий, скорее «под занавес». Как чисто политическая доктрина большевизм свои задачи выполнил, и Ленин почувствовал необходимость придать движению глубину – переименование партии в коммунистическую стало значительным актом, но больше символическим.

Решением национальных и общедемократических задач (культурное и промышленное развитие, аграрный вопрос) не обязательно заниматься, будучи коммунистами (хотя в случае необходимости им проще переходить границы ЧС). И наоборот, рутина таких текущих задач затягивает в болото и грозит перерождением (оно сразу и началось), что вполне осознавалось как угроза. Почему-то спасение все увидели в ускоренном строительстве «материальной базы». Это, опять же, упование на автоматизм – на соответствие производительных сил и отношений.

Разные направления в партии различались скорее технически – по предполагаемому темпу этого движения, но этому различению был придан смысл различения по социальной базе – на «правых» и «левых». Особенно на это напирала троцкисты, которые повсюду видели агентов аморфной и вездесущей мелкой буржуазии.

Тут можно привести сравнение с аналогичным техническим разделением – американскими республиканцами и демократами, в которых вроде бы никто (и справедливо) не видит представителей разных классов.

Подтверждение «не базисного» характера различения на тогдашних «правых» и «левых» – и эволюция Бухарина из крайне левого в «правые», и колебания центристов.

Понятно, что всё это была только борьба за власть. Какой бы темп ни был выбран, любой спокойный темп был бы лучше тех припадочных рывков, которые получились. Тем более ввиду ложной цели – строительство «материальной базы» не есть строительство социализма:

управление производством в государственном масштабе есть задача бюрократии, рост производства создает пространство для вмещения большего числа бюрократии (увеличивая количество материальных благ), т.о., строительство «материальной базы» есть самоподдерживающийся процесс [бесконечного роста бюрократии](#).

В стратегическом отношении во всей этой истории можно увидеть борьбу двух направлений: 1) перенесение той осязаемой цели, которая была понятна большевикам – революционного социализма – на весь

мир. Для этого и создавался Коминтерн.

2) решение национальных задач, приправленное изрядной дозой ультралевого утопизма (это тоже национальное – народные/вульгарные представления о справедливости).

Победило второе направление, что потом повторялось и во всех последующих победивших революциях: метания между левацкими экспериментами и национализмом, иногда с международными авантюрами; победа национализма. Затем сделавший свое дело мавр коммунизма уходит.

А объективное достижение (подрыв мирового империализма, экономический суверенитет) со всем его прогрессивным значением остается. Россия и сейчас продолжает то же дело, в более адекватной для национально-империалистических целей форме буржуазного бонапартизма. Поэтому с точки зрения Запада фигуры Сталина и Путина сливаются.

Экономическая сторона. План

Товарное производство при капитализме стремится к [максимальному увеличению](#) товарной массы, причем с возрастающей скоростью. Нарастание скорости связано с увеличенной долей средств производства (в соответствии с органическим строением капитала данной отрасли) в цене продукции (по сравнению с долей в стоимости, т.е. в цене заложены затраты на обновление оборудования, тем большие, чем дороже оно было), соответственно с уменьшением доли труда. Этим запрограммированы кризисы перепроизводства, т.к. производство наталкивается как на низкий платежеспособный спрос, так и на несбалансированность роста разных отраслей, не могущих найти взаимный спрос на свою продукцию или приемлемых цен.

(Поэтому, между прочим, не является товарным производством не только оказание услуг, но и такое материальное производство как всё городское хозяйство, ЖКХ и работа на заказ – нет возрастающего увеличения товарной массы.)

В современном подгнившем капитализме товарное производство в значительной степени подорвано действиями регуляторов, поэтому нет выраженных кризисов старого типа, зато нет и выраженных периодов всеобщего подъема, что взаимосвязано: нет очистительных кризисов, нет после них и бума. Капитал находится в состоянии хронического перенакопления, недогрузки мощностей, низкой прибыльности, низких ставок %, раздутия спекулятивных пузырей (не находя прибыльного применения, он вынужден бросаться в финансовые авантюры).

Плановая экономика призвана всё это решить.

Можно избавиться от фетишизма экономического роста в стоимостном исчислении – этот показатель есть показатель средней прибыльности и нужен только капиталу. Почему пролетариат должен страдать вместе (и больше) капитала, если нет дефицита предметов потребления (мощностей для их производства)? При собственном распоряжении производством пролетариат просто снизил бы количество часов в рабочем дне.

Должен сознательно регулироваться рост разных отраслей – не по закону цен производства, а по общественным приоритетам. Т.е. предприятия могут работать с низкой и даже отрицательной рентабельностью (проедая основные фонды), если их рост или дальнейшее существование не требуется, пока нужна их продукция. Зато опережающим темпом росли бы приоритетные отрасли.

При этом сознательное управление производством есть сознательное распределение рабочей силы, т.к. стоимость вообще производится живым трудом. Это может достигаться сочетанием экономических (повышением оплаты труда в нужных местах и понижением в ненужных) и неэкономических мер (трудоустройство армии).

Советское планирование

Ничего общего с описанным выше планированием (кроме существования скандально и вечно нерентабельных предприятий и колхозов) советское планирование не имело:

вместо решения проблем переразвитого капитализма – догоняющее

развитие;
вместо перепроизводства – дефицит;
позорно низкий (по сравнению со странами капитала) уровень потребления масс, что прикрывалось пропагандистской трескотней и обрекало на идеологические провалы (что отразилось в анекдоте «это наша родина, сынок»).

Вместо сознательного распределения рабочей силы были суррогаты (паспортизация, прописка, «лимитчики», распределение после вузов). Это если не вспоминать такие милые некоторым вершины планирования из времен припадочных рывков как Гулаг и прикрепление к заводам.

Эти меры были регуляторами только как раздражающие барьеры на пути действия анархического рынка труда; прописка же скорее охраняла привилегии тех, кому повезло жить в столицах.

Никакой дифференциацией оплаты труда (экономическими мерами) невозможно было предотвратить бегство населения из мест экономического бедствия в благополучные районы. С др. стороны не было и сознательной дисциплины социалистической рабочей силы (кроме недолгого энтузиазма комсомольцев иногда).

Всё это характеристики отсталой страны третьего мира, а не социализма с плановой экономикой.

Поразительно, что никогда, кроме проекта первого плана (когда приверженность экономистов марксизму была еще наиболее сильна и искренна) не рассуждали о планировании в собственно марксистской терминологии. (Действительно марксистский подход к изучению нар. хоз-ва первый и последний раз был предпринят в 1924 г., когда был составлен баланс с разбивкой с, v, m по отраслям, названный «игрой в цифирь».)

Главное же в том, что сама идея планирования в одной стране – плоская утопия. Особенно сейчас, после глобализации, когда всё взаимосвязано, согласовывать надо не отрасли одной страны, а национальные экономики. Анархический рынок труда охватил весь мир (миграционный кризис).

Это открывает политическое измерение – социалистического переустройства ряда стран.

При этом неизбежна ликвидация государств в экономическом смысле – их таможенных границ (ничего страшного и даже радикального – это уже сделано в ЕС).

План сам из себя не создает цели планирования, они могут быть поставлены только извне, властью или обществом. Правильные цели можно определить только исходя из коммунистического целеполагания. Иначе это будут иллюзорные цели самосохранения правящего слоя и статус-кво, которые так позорно показали свою ложность с крахом СССР, когда 5 млн. армия не сохранила «советскую» власть, при этом на РФ никто не напал даже в момент наибольшей слабости в 1990-х (да и давно известно, что назначение постоянной армии в мирное время – борьба больше с внутренним врагом).

А ведь всё время до этого плановые показатели успешного роста включали и непроизводительные затраты на вооружение (находились теоретические обоснования и для этого извращения марксизма), иначе они были бы вообще печальными, а успехи сомнительными.

Советское планирование не было марксистским, но несомненно было социалистическим. Ограничение произвольного роста товарной массы – это противоположность товарному производству. Социализм – это обобществление, и оно неизбежно в той или иной мере происходит при мобилизации во время войны; модельный пример – Германия во время ПМВ. В 1920-е гг. этот пример всеми считался как образец для СССР.

Чудес не бывает: мобилизация значит «затягивание поясов», для пролетариата это -сверхэксплуатация.

Вопрос в эффективности сложившегося в СССР варианта такого планирования.

Полностью огосударствленная экономика – это как единая корпорация. В то же время крупные капиталистические корпорации применяют планирование.

Эти корпорации всё-таки не абсолютные монополисты и испытывают

конкуренцию, поэтому происходит отбор наилучших практик планирования.

Госплан не только абсолютный монополист (его представитель), но и бюрократическая организация, склонная формализовывать свою деятельность не вникая в суть дела, и не несущая никакой ответственности, т.к. нет критериев для оценки этой деятельности.

Ход мыслей любого управленца на вершине пирамиды один – держать все вожжи в своих руках, мелочная регламентация всего и вся – так, как это чаще всего делается и нормально работает для мелкой фирмы. Крупные корпорации скоро приходят к пониманию порочности такого пути. Поэтому их планирование направлено не сверху, а снизу, и вообще на голову выше той нелепости, которой занимался Госплан.

«При нестабильности внешней среды формальный план-прогноз может внезапно и очень сильно обесцениться. Это особенно верно для дальнего горизонта – последнего года пяти- или десятилетки. Так бывает, когда резкие перемены затрагивают всех. Например, в 1974–1975 гг. и в 1982 г. при повышении цен на нефть и в 1978, 1980, 1985–1986 гг. при повышениях курса иены все планы пришлось пересматривать. Так бывает и у отдельных корпораций, когда наступает необходимость в организационных экспериментах. В середине 80-х годов, когда нестабильный режим стал не исключением, а правилом, ведущие корпорации пришли к выводу о том, что «жесткий количественный прогноз – крупная ошибка в деле долгосрочного планирования», а при ориентации на единственный вариант, признаваемый лучшим, «прогноз ни в коем случае не сбудется». Долгосрочные планы все меньше детализируются, превращаясь в общие формулировки продуктивно-рыночной ориентации фирмы, а крупные стратегические проекты часто разрабатываются вне планов на уровне дальнего горизонта и включаются на ближнем. При этом планирование ближнего горизонта (год-полтора) остается исключительно точным. По данным Управления экономического планирования, которое внимательно следит за планами частных капиталовложений как важной составляющей в формировании народнохозяйственной конъюнктуры, годовые корректировки планов делаются в пределах плюс-минус 1,9–4%.»

Японская экономика в преддверии XXI века. — 1991.

Т.е. корпорации даже внутри себя отказались от тотального планирования (аналог деятельности Госплана) и перешли к целевому (аналог плану ГОЭЛРО).

И, конечно, СССР тоже постоянно находился в нестабильной внешней среде и планы никогда не исполнялись – хотя и не только из-за внешней среды.

Но надо признать без всякой иронии, что советское планирование было грандиозным достижением человечества – чудом света, египетскими пирамидами в экономике. Нельзя сказать, что это было творение человеческого гения, но ведь и в пирамидах еще не было архитектурной гениальности.

Поставить и выполнить задачу – достаточно устойчивое многолетнее развитие при ручном распределении «лимитов» и централизованно устанавливаемых ценах – это нечто (помните, они были напечатаны на каждом товаре – не нужны ценники в магазинах). Но стоит задаться вопросом – зачем?

Я понимаю организованное нормированное снабжение – это социализм и план (как было с привилегиями и закрытыми распределителями верхушки, где деньги играли символическую роль). Я понимаю товарное производство и даже смешанное. Но централизация цен – это лишнее даже для государственного товарного социализма. Сам основоположник (Дюринг, конечно же) наверное схватился бы за голову – «зачем фиксированные цены?!»

Цены – это регулятор в анархическом хозяйстве и сигнал обратной связи – в более-менее сознательно управляемом. Если вы этот показатель прибили гвоздями, то не можете и регулировать процесс. Государство как бы заключило невыгодный для себя контракт: «обязуюсь в любое время поставить товар по указанной цене, в случае изменения конъюнктуры – компенсирую за счет собственных ресурсов». Для этого оно должно было точно предсказывать и/или направлять эти изменения. Вот она – головоломная задача и вершина «научного планирования», которая кое-как выполнялась. Это как менять

ландшафт, вместо того, чтобы рулить по дороге.

«Квартирная плата в СССР не повышалась с 1928(точно не помню) г.» Это постоянно повторялось в ряду др. пропагандистских формул. Этот посыл оценили бы те, кто снимает жилье сейчас. Ну а тогда мы все, видите ли, были квартиросъемщиками. Практически же все были собственниками и платили копейки – что в деревянной халупе, что в новостройке в элитном доме. Для кого жизненно важно, чтобы квартплата не росла? Для тех, кто еле выживает на зарплату.

О, я помню это судьбоносный момент – предложение правительства Рыжкова о повышении цен на хлеб. После этого оно и пало. Реакция домохозяек была самой негативной. Они не видели дальше своего носа – не потому, что тупые, а потому, что им была оставлена такая доля в управлении.

Это был наш общественный договор: вы не повышаете цен (при медленном повышении зарплат), мы одобряем ваше руководство; любые траты, лишь бы не было войны. Со своей стороны абсолютная власть была, как всегда, самая несвободная – над ней висел дамоклов меч нового Новочеркаска (любых уличных протестов). Но этот договор рассыпался по мере повышения уровня потребления и запросов масс – тот уровень нищеты, на котором ранее находилось большинство, служившее социальной базой нашего социализма, уходил в прошлое.

Для исполнения того общественного договора нужна была та плановая экономика.

Потом договор сменился, новым стал: не мешайте зарабатывать и потреблять. Для его исполнения нужна другая экономика.

Вот всё и рухнуло – без предательства как верхов, так и народа.

Нищенский мобилизационный социализм стал не только не нужен, но и ненавистен.

21. Ранний социализм и сверхэксплуатация

Для выхода из исходной нищеты понадобился мобилизационный социализм, оказавшийся временным решением. И он сам работал так, что решал задачи общенационального развития за счет урезания потребительских расходов:

Сумма производимой обществом стоимости ($c+v+m$) не может быть увеличена произвольно по чему-либо желанию. Она растет за счет регулярных вложений прибавочной стоимости (m) в средства производства (увеличение постоянного капитала C). Т.к. потери на роскошное потребление буржуазии, уменьшающие (m), не так уж и велики, то "первоначальное социалистическое накопление"

Преображенского по сути сводилось к перераспределению – изъятию (m) из частного сектора в государственный. Рациональное объяснение здесь вполне понятно – крупные централизованные вложения могут быть куда эффективней мелких частных. Этот план был отвергнут, да и вряд ли привел бы к быстрому результату.

Магистральный путь к экономического рывку при способе накопления, общем для кап-ма и переходного периода (если мы рассматриваем только саму сферу производства) один – увеличение эксплуатации рабочей силы, т.е. уменьшение среднего потребления, (v). Это означало сверхэксплуатацию (повышение нормы прибавочной стоимости m/v по сравнению с уровнем, установившемся ранее, в обычных рыночных условиях), что и есть в значительной степени суть экономической мобилизации. Это и есть сталинский путь построения соц-ма (и вообще основа, в сочетании с благоприятными обстоятельствами, всех прочих "экономических чудес", напр. азиатских), но в сочетании с полной экспроприацией нэпмановской буржуазии и более-менее зажиточных мелкобуржуазных слоев. Именно это сочетание и обеспечивало успех, т.к. трудящиеся должны были получить компенсацию за понижение уровня потребления. Эта компенсация состояла как из общего выигрыша: ликвидация нищеты, безработицы, создание социальной инфраструктуры; так и из перераспределения за счет

экспроприированных и проигравших, ранее более состоятельных слоев, но главное, за счет улучшения социальной атмосферы, ликвидации сильнейшего раздражающего фактора – имущественного неравенства. Впервые за тысячи лет миру был явлен образ "золотого века" – эгалитарное общество. Разница в оплате труда оставалась, но теперь трактовалась и воспринималась всеми как большая оплата государством более важных ему услуг.

Немаловажно также, что этим способом удалось изъять из деревни огромную массу рабочей силы, которая до того была заключена там (аграрное перенаселение), служа своей дешевизной только возрастанию кулацких хозяйств.

Но этот метод имел капитальный недостаток – мог быть применен только один раз. А т.к. кап. страны не стояли на месте, то продолжение гонки не давало снова повысить уровень потребления. Отсюда самый уязвимый пункт советской пропаганды – хроническое отставание уровня потребления советских рабочих от их коллег на Западе. Проявлением этого было и низкое качество отечественного ширпотреба, что порождало уже имиджевые потери – унижительное пресмыкательство нашего потребителя перед "импортом", пресловутыми жвачкой и джинсами.

Другое проявление той же динамики – инфляция (обычный способ понижения доли труда "v" в национальном доходе), которая в наших условиях (фиксированные цены) порождала проблему «дефицита». Явные же повышения цен вызывали рабочие волнения.

Это объясняет и то, почему самим рабочие были не защитниками, а скорее разрушителями советского строя в конце 80-х (шахтерские забастовки).

В других же странах этот метод вообще не мог быть применен из-за иных исторических условий, либо по политическим мотивам было невозможно понижать потребление (как в Восточной Европе).

Да и не нужно:

Помню, года два-три назад шла тревожная информация (в том числе от посольства): чехи, мол, проедают национальный доход, пустив все в ширпотреб, чтоб «умаслить» и предотвратить рост политической

оппозиции. А оказалось, что эта политика (в общем-то политика нашего XXIV съезда) дала прямой эффект – накормленный и довольный чех лучше работает и никакого проедания национального дохода не случилось!

А. Черняев. Дневник двух эпох. 1972–1991.

Если же, напр., в Румынии сверхэксплуатация была всё же применена (Чаушеску вознамерился так ликвидировать внешнюю задолженность), то результат был убийственным. А перед этим Румыния и Польша для рывка индустриализации прибегли к западным кредитам (избегая метода сверхэксплуатации), но попали в долговую ловушку. В ГДР и Венгрии сверхэксплуатация применялась только в начале – для выплаты репараций, и т.о. ее результаты терялись для национальной экономики и порождали волнения.

Умолчание или отрицание эксплуатации?

Если присмотреться к утверждению идеологов: «у нас нет эксплуатации человека человеком», то обращает на себя внимание то, что нет заявления об отсутствии всякой эксплуатации. То ли никакая другая эксплуатация и не предполагалась (и по сию пору находятся верующие в то, что эксплуатация возможна только через частное присвоение прибавочной стоимости), то ли о возможности эксплуатации государством скромно умалчивалось. Как и о прочих противоречиях с социалистическим государством.

22. Противоречия социализма

Искать противоречия социализма всегда было трудным делом, и притом бесполезным. Эта уступка гегельянщине была чисто схоластическим занятием в средневековом духе, без всякого выхода на практику. Сама задача авторов, писавших на эту тему, была противоречива – будучи апологетами, им надо показать, что противоречий нет, в то же время кто-то рассказал им, что без противоречий нет движения, значит их надо найти.

Всякому ясно, что социализм – идеальный строй, рай на земле. Таково было умонастроение самого создателя советского соц-ма, всей его фракции и пострадавшей массы населения. Для уставшего от опасностей – «безопасное общество», для голодных – общество, в котором действительно невозможно умереть от голода, – это же предел желаний! А раз уж мы в раю, то какое может быть движение? Вот всё движение и сводилось к дальнейшим улучшениям и борьбе с недостатками.

Советское общество действительно было само совершенство, лишённое противоречий и движения – в своей идеальной части. Эта действительно работающая часть соседствовала с частью неидеальной. Дальнейшее развитие мыслилось как рост идеальной части и конечное поглощение части неидеальной, что и было бы полным коммунизмом и уже концом всякого движения. Ну а стоящего обгонит даже черепаха, так что даже не важно, что задача роста сознательной части относительно несознательной тоже никак не решалась, скорее наоборот.

Надо сказать, что социализм действительно решает все противоречия, но не так быстро.

Ну а какие же противоречия находят уже с высоты пройденного опыта наши современные авторы-марксисты? Кроме основного упоминается о существовании множества прочих, без уточнений.

Ну а каково же это основное противоречие? Напр., «Противоречие между производственными отношениями и производительными силами свойственно любой общественно-экономической формации.» Ну, это совсем не так. ПС – растущее содержание, ПО – косная форма, содержание взламывает форму – революционная ломка, содержание отливает в более прогрессивную форму. Это всё именно про антагонистические формации. А социализм именно что и есть решение этого противоречия.

Почему социализм решает это противоречие? Потому, что эта форма ПО – частная собственность, ее-то социализм и отменяет.

Под противоречием ПС-ПО авторы обывательски понимают просто

несоответствие наших возможностей нашим желаниям. Но это не противоречие в обществе, это противоречие в голове индивида.

Социализм же, решая противоречия капитализма, в чём и есть его оправдание, наследует все прочие общественные противоречия, при этом (поскольку ранее раздражавшие противоречия капитализма решены) эти прочие приобретают повышенную остроту.

Но к общим противоречиям (рассмотренным уже в разделе II), добавились и собственные противоречия нашего раннего социализма.

Собственные противоречия

Власть трудящихся через нетрудящихся – главное противоречие советской системы и всего "реального социализма" (другими словами – власть рабочих опосредствуется; но это должен быть процесс самоопосредствования, чего не удалось достичь). Советская власть возникла как власть рабоче-крестьянская, но скоро выяснилось, что сами рабочие и крестьяне ее осуществлять не в состоянии – нужен слой специально обученных людей, которые должны вообразить себе истинные интересы народа и действовать в соотв. с ними. Понятно, какие тут возникают трудности: у выделенного слоя возникают собственные интересы, а осознание чужих интересов заведомо не может всегда удаваться.

Частью это противоречие проявлялось через другое – член партии должен быть рабочим и не может им быть. Коммунист должен быть рабочим, т.к. партия – рабочая организация, и не может быть рабочим, т.к. партия – главный административный орган: быстро пришли к требованию, чтобы все руководящие должности занимали коммунисты, но руководитель по определению не может быть рабочим. И вот начиная с 20-х гг. должны предприниматься постоянные и тщетные усилия по увеличению доли в партии рабочих от станка, а эта доля только падала.

По старому (в смысле – устаревшему) диалектическому принципу "действительное развитие есть превращение в противоположность", так

оно и шло: рабочая партия превратилась к 80-м гг. в антирабочую, что и положило конец социализму в СССР. Но шло оно неравномерно – в массе управленцев медленно (всё же происхождение массы управленцев было низовым), а на верхушке – сразу.

В советское время указанное противоречие замазывали тем, что при определении социального положения упирали на происхождение (а не реальное положение), ну и не признавали возможность самого такого социального противоречия. Наиболее последовательны в этом некоторые "услуго-товарники", записывающие всех управленцев в пролетарии.

В оставшихся соцстранах, восстановивших работу рынка (что сделали все, даже замшелая КНДР, т.е. модель полного огосударствления совершенно обанкротилась), это противоречие парадоксальным образом снято. Его заменило другое, но родственное – необходимость сохранять партии пролетарский характер как основание легитимности ее монополии на власть при неизбежном размывании ее классовой основы. То же самое противоречие, особо остро ощущавшееся в СССР эпохи нэпа, было одной из побудительных причин для его свертывания.

Политэкономическая сторона того же – противоречие между производительным и непроизводительным трудом. Выражалось оно тенденцией к усилению социалистического государства, т.к. усиливалось соответствующее противоречие – с количественным ростом слоя непроизводительных работников.

Исторически, после подавления сопротивления буржуазии государством диктатуры пролетариата, одним из оправданий существования государства была борьба с пережитками, т.е. старыми паразитическими слоями, которые представлялись легитимной целью "компетентных органов".

В дальнейшем старые непроизводительные слои сокращались, а рост новых осознавался лишь ограниченно, как угроза бюрократизации, а в общем старательно замазывался. Нормировалось сокращение непроизводительных работников на предприятиях, но для общества в целом их рост не рассматривался как проблема, наоборот, ему

находились вроде бы убедительные объяснения.

Естественным образом все освобожденные партийные работники, принадлежа к слою новых непроизводительных работников, должны были иметь склонность питать соответствующие настроения.

Персональным проводником соответствующей политической линии в партии выпало стать Сталину.

Суть этой линии – покупка лояльности компетентного в управлении слоя предоставлением ему несоразмерных привилегий: кроме собственно управленцев можно указать на фантастические на фоне всеобщей скудости гонорары творческим работникам, доплаты за звания ученым и офицерам (отсюда необходимость возвращения званий в армии), кроме того развивалась система неофициальных привилегий: блат в торговле и т.п.

Все размышления о преодолении социального разделения труда относились в область утопии, пока же это разделение только усиливалось и закреплялось.

Это была система эксплуатации производительного труда.

Продолжение этого направления в настоящее вр. – т.н.

"услуготоварничество", представители которого неслучайно чаще всего являются и "сталинистами", которые в свою очередь преобладают среди современных "левых". Этим в частности можно объяснить равнодушие современного рабочего класса к левому движению.

Противоречие между производительными и непроизводительными слоями не было классовым, перегородки в общем не воздвигались, некоторое перемещение наоборот поощрялось.

Противоречие сглаживалось пока шел общий рост производства. Кроме того, т.к. производительный труд справедливо рассматривается рабочим классом как проклятие, с ростом слоя непроизводительных работников расширялась и возможность персонального освобождения от него самых способных рабочих и их детей.

Т.о., противоречие нельзя назвать и антагонистическим, что не уменьшает его губительности: неэффективность бюрократии кладет предел росту производства, что означает запрограммированное падение

такого строя.

Уровень социального паразитизма (т.е. доля бесполезного населения, в т.ч. избыток непроизводительного труда) в СССР надо полагать (исходя из факта проигрыша в соревновании) был даже выше, чем в индустриальных кап. странах: буржуазия сама является производительным классом, следовательно производительны и ее "органы" на производстве (рядовые управленцы, мастера); производительно и приложение капитала в непроизводительных отраслях, сфере услуг; ее идеологическая услуга в СМИ по-настоящему эффективна. При социализме же раздувание всех подобных сфер деятельности не имеет теоретического оправдания.

Проблемность вопроса о непроизводительных работниках связана с тем, что многие из них заняты не только необходимым, но даже жизненно важным трудом, выполняя огромный объем работ, как напр. низовые работники здравоохранения, образования, частично также управления и обороны. Их трудно или невозможно отделить от получателей "административной ренты" и всех переходных звеньев и ступеней соответствующих отраслей. На этом и спекулируют идеологи "услуготварничества".

23.Товарность и социализм

Советский марксизм покоился на трех столпах:
социализм в СССР построен по теории Маркса;
по теории при социализме нет товарно-денежных отношений;
теория верна (поэтому несильна).

Понятно, что минимум одно из этих положений неверно.
Сталин умудрился подвергнуть ревизии второе, сохранив третье,
которое такой пересмотр запрещает.
Предлагаю более тонкое решение – отделение чистого социализма
внутри социализма:

Товарный потолок – образное наименование барьера между
социалистическим и товарным сектором экономики.

– план
----- товарный потолок-----
– рынок

Составляющие барьера:

- 1) виды производства, полностью исключенные из товарного обмена (напр., военная продукция);
- 2) обычный товар, производимый по госзаказу, контракции и т.п., и который поэтому "не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром...";
- 3) средства производства начиная с некоторого уровня стоимости (возможно, разного для разных отраслей), находящиеся в монопольном пользовании гос. промышленности;
- 4) ограничение на размер частного капитала, при превышении которого он подлежит обобществлению.

Социалистический сектор не обязан совпадать с гос. собственностью:
некоторые гос. предприятия могут быть переданы в концессию, образуя

т.о. госкапиталистический уклад;

и наоборот,

продукция частных предприятий, произведенная по госзаказу, или законтрактованная продукция крестьян является продукцией соц. сектора, поскольку производится не как товар, а по плану.

По Сталину товарный потолок с одной стороны образуется границей между колхозно-кооперативной и гос. собственностью, с др. стороны – между средствами пр-ва и предметами потребления. Нелепость этой составной конструкции вполне очевидна; в реальности действовала только граница между средствами производства и предметами потребления, образованная эмпирически нащупанным барьером между наличным и безналичным оборотом (8). Тем не менее эта сталинская концепция продолжала переходить из учебника в учебник (и в хрущевские времена, и позже), давая такой удобный критерий наступления полного коммунизма – окончательное слияние колхозов с совхозами. Между тем никто не задумывался о некоторых следствиях из этой концепции: если предметы потребления являются товарами, то на них в торговле или в кустарном пр-ве вполне можно сколотить капиталец – не криминальный, путем хищений и пр. злоупотреблений, как это зачастую и происходило, а совершенно легально. С др. стороны, рабочая сила, оплаченная товарами (через денежный эквивалент – з/п), очевидно сама является товаром.

Проблема решалась опусканием товарного потолка еще ниже, ниже границы между ср-вами пр-ва и предметами потребления – добавлялись админ.-полицейские меры запрета "незаконного предпринимательства". В общем, свободный рынок был ограничен максимально, практически до низшего мыслимого предела – подсобными хоз-вами колхозников, связанных с рынком частной с/х продукции.

Что же касается колхозов, то несмотря на форму собственности по сути это были государственные хозрасчетные предприятия:

1) по закону им запрещался найм сторонней рабочей силы, т.е. они не могли расти за счет поглощения нового живого труда;

2) фактически полностью управлялись партийно-хозяйственными органами;

3) накопление поддерживалось на планово-низком уровне в помощь

манипуляции ценами и объемами обязательных поставок (6).

Формально и совхозы были на хозрасчете, но в том и состояла разница, что в колхозах хозрасчет был реальный, а в совхозах – липовый (7).

Стоит заметить, что по опыту работы промкооперации (9) в городах, которая не была ограничена в найме рабочей силы, п.1) даже излишен и достаточно одной жесткой опеки партийно-хозяйственных органов, а также централизованного снабжения фондами (монополии гос-ва на ср-ва пр-ва и основное сырье), чтобы признать кооперацию частью планового хоз-ва.

Здесь же можно заметить, что предприятия гос. торговли являлись хозрасчетными предприятиями, материальное стимулирование в которых было направлено на сокращение издержек обращения. Почему-то идеологов особенно раздражало применение категории "прибыль" к деятельности гос. предприятий, но совершенно не раздражала рыночная категория "торговля". Впрочем, бывали периоды, когда т.н. "свободная" торговля значительно теснилась пайковым распределением для привелегированных слоев (перед войной) или уравнительным распределением по карточкам.

Ограниченность и условность рынка при социализме

- директивный план
- условный рынок (хозрасчет)
- товарный потолок-----
- ограниченный рынок

Рынок ограничен самим фактом существования потолка для него, но ниже потолка он действует вполне, со всеми своими категориями: законом стоимости, деньгами и т.д.

А в рамках планового сектора может быть выделен саморегулируемый сектор, контроль над которым производится финансовыми инструментами. Для этого в нем действуют особые счетные единицы, подобные деньгам. В этом секторе имитируется работа рынка, но все рыночные категории здесь условны: условная прибыль, цена, рента и

т.д.

Советские экономисты всегда смешивали условный рынок с ограниченным, пытались натянуть одинаковые понятия на оба и ломали копыя по вопросу, насколько полно можно имитировать рынок в хозрасчетных отношениях, насколько это соответствует понятиям социализма?

Вместо четкого разделения планового и товарного секторов, сов. экономисты их смешивали, как бы растворяя элементы товарности во всем объеме экономики, которая при этом вся целиком признавалась вполне управляемой. Дискуссия поэтому всегда шла по вопросу, достаточен ли имеющийся уровень товарности. Разумеется, всегда оказывалось, что товарности недостаточно.

Надеюсь, по возникавшему время от времени противопоставлению товарно-денежных отношений продуктообмену, якобы более свойственному социализму, тоже всё понятно.

Закон стоимости при капитализме и в переходный период

Закон стоимости распределяет капитал между отраслями, но кроме того действует таким образом, что капитал концентрируется. Растущий капитал поглощает всё больше живого труда, образуются монополии, акционерные общества, капитал требует всё большей политической поддержки гос-ва, пока не сливается с ним в той или иной форме симбиоза.

Наконец, капитал достигает пределов своего роста, став по сути общественной собственностью, наступает кризис и революционный переход к соц-му – собственность, общественная по сути, обобществляется формально, становится государственной.

Эти обобществленные как по сути, так и по форме крупнейшие монополии и образуют социалистический сектор. Но как насчет прочей собственности? Мелкая собственность ежедневно рождает кап-м, т.е. концентрируется, растет, поглощает живой труд. И что же, она образует новые монополии и т.д., до нового соц-ма, конкурирующего соц-ма №2? Разумеется, нет. Социалистический сектор растет, товарный потолок понижается и растущий капитал разбивает об него голову.

Неизбежно возникает соблазн максимального понижения потолка,

форсированного роста соц. сектора, формального обобществления и той частной собственности, которая по сути еще не является общественной. Тут обнаруживают себя объективные ограничители.

Ограничители на долю соц. сектора (государственную общенародную собственность):

1. Размер, т.е. способность поглощать живой труд, занимать раб. силу, причем достаточно полно использовать ее способности, при этом желательно еще и давая простор для их развития.

2. Эффективность, т.е. действенный учет и контроль, правильность критериев оценки экономической деятельности.

Нашей плановой экономике были свойственны всякие нарушения: напр., предприятия нарушали ассортимент (в пользу более выгодного).

3. Производительность, правильное целеполагание в планировании, способность производить именно то что надо и надлежащего качества.

Короче говоря, растущий соц. сектор должен обеспечивать опережающий рост производительности труда в общенациональном измерении (обычно говорят – общественной производительности труда).

Но можно действовать и по-другому: невзирая на падение производства освободить труд, занятый частной собственностью, путем ликвидации этой собственности. Затем этот труд как-нибудь поглощается соц. сектором, в надежде на постепенный рост производительности в этом секторе. У нас эти кавалерийские атаки на капитал прошли дважды – во времена "военного ком-ма" и сталинского "великого перелома".

Упомянутые надежды (не говоря уже о теоретическом расчете) оба раза не играли какой-то роли в принятии общего решения, главными были привходящие политические обстоятельства. Но историческая практика показала, что и надежды были по меньшей мере опрометчивы.

В поисках коренной причины можно заметить, что вообще есть два вида связей в экономике:

1. Высший вертикальный централизованный план – П.

2. Низовой горизонтальный распределенный автоматизм – Р.

Естественно предположить, что в любом случае не избежать того или иного сочетания противоположностей П и Р.

Очевидны некоторые положительные стороны Р:

Р – более близкая связь для ассоциированных производителей, а значит быстрее способна удовлетворять их срочные потребности.

Р дает сравнительную базу для проверки эффективности П. Первоначальные варианты П могут нести исходно заложенный порочный принцип, от которого чем дальше, тем сложнее будет избавиться. (Так и случилось в советской действительности – т.н. валовые показатели.) И было бы весьма странно ожидать, что с первой попытки будет найден вполне совершенный метод составления общегосударственных планов. Следовательно, будет нужна и база для объективного сравнения.

То же для проверки справедливости оплаты труда. Оплата труда "по времени" (якобы свойственная соц-му) на самом деле – оплата по способностям, т.к. подразумевает тариф (цену 1 часа раб. вр. на разных должностных позициях). В определении тарифных расценок неизбежна большая доля произвола, тем более что решения по этому вопросу принимались, разумеется, гос. администрацией. Сам принцип оплаты по способностям противоречит научному соц-му. Пока невозможен переход к уравнительному коммунистическому принципу с этим противоречием можно мириться, если есть база для сравнения, объективно определенная в сфере экономики, где оплата производится "по труду", т.е. по стоимости труда.

Стоимость и социализм

Стоимость нельзя измерить, подсчитать или определить иными методами, как хотели столь многие советские экономисты в упомянутом сборнике. Стоимость – это отношение, отношение экономически свободных частных производителей, т.е. это отношение, свойственное только конкурентной рыночной среде. В плановом секторе стоимости нет по определению, там есть только себестоимость, т.е. индивидуальные издержки. Даже если к ней добавить нормальную прибыль, это будет не стоимость, а условная стоимость, выраженная в

условных единицах, имеющих осмысленное значение только внутри нашего сектора.

Напр., если мы будем увеличивать толщину стенок выпускаемых труб, то их себестоимость будет непрерывно расти. А стоимость, начиная с достижения некоторой оптимальной толщины, будет наоборот, падать, т.к. будут падать потребительские качества такого утяжеленного изделия. Но по финансовым показателям, рассчитанным в наших у.е., мы этого никогда не узнаем.

Легко понять, что мы можем (и должны) исчислить затраты в плановом секторе (трудовые, материальные) в стоимостных показателях, взятых из рыночного сектора, и получить т.о. формальные цены для всего, производимого в плановом. Это не значит, что плановая продукция обретёт свою стоимость, мы просто сможем объективно сравнить эффективность.

Экономические законы социализма

Подобно стоимости при соц-ме, совсем не так объективны и законы соц-ма, о которых столько написано в учебниках.

Напр., все знают закон сообщающихся сосудов. Это объективная природная закономерность. И вот кто-то придумал "закон насоса" – что насосная станция должна на всех этажах поддерживать нормальное давление в водопроводе. Это требование действительно можно оформить в виде буквального закона, только это будет человеческий закон, соответственно он будет систематически нарушаться, если нет достаточной мощности у насоса или нет инструментов контроля его работы, какими бы наказаниями этот "закон" ни грозил нарушителям.

Объективный закон один – соц-м неизбежен. А у соц-ма есть принципы, которые известны или еще должны быть выведены теоретиками. Если эти принципы (планового, пропорционального развития и пр.) нарушать, то соц-ма у вас в конце концов не будет. Только в этом условном смысле и можно говорить об экономических законах соц-ма.

Теперь можно рассмотреть строение планового сектора по соотношению элементов П/Р.

План:

- директивный (всеохватный, тотальный) план
- мат. стимулирование
- хозрасчет 1929 г. (без фондов развития пр-ва)
- хозрасчет 1965 г. (с фондами развития пр-ва)*

* Экономическая Энциклопедия. Политическая экономия. т.4, с.355.

Работа на выполнение норм

Тотальный план означает тотальность нормирования, скрупулезное нормирование всего: использования оборудования и деятельности работников. Такое возможно разве что на конвейерном пр-ве и местах, подобных железной дороге. Разумеется, гарантированный результат при этом должна давать и управленческая деятельность, что достижимо при наличии такой управленческой школы, которая сама как с конвейера выдавала бы кадры гарантированного качества.

В случае необходимости не возникает особых трудностей при реализации подобной организации работы. Напр., такая иллюстрация: «Но если речь идет о самых дефицитных материалах, то та же самая цель достигается и другим путем, ибо эти материалы отпускаются предприятию с учетом каждого грамма и со строгим последующим контролем, направленным к тому, чтобы каждый грамм был использован по его прямому назначению.» (с. 323)

Работа на конечный результат

В большинстве случаев тотальное нормирование неуместно и полномочия по оптимизации рабочего процесса передаются самим коллективам и работникам, а стимулирование осуществляется по финансовым показателям.

С теоретической т.з. необходимость материального стимулирования, существования денег в той или иной форме и т.д. будет вызываться до тех пор, пока существуют такие факторы, как:

- разделение труда между отраслями (исторически: городом и деревней), вызывающее необходимость товарного обмена;
- разделение труда на физический и умственный, обуславливающий вознаграждение труда "по способностям" (и близкого по последствиям полового разделения труда);

– "индивидуальность потребления", на самом деле потребление в составе семьи, т.е. существование частных домохозяйств, делающее невозможным уравнильное распределение, т.к. состав семей неравен. Т.е. устранение материального стимулирования откладывается до полного ком-ма, на необозримо далекую перспективу.

[В то же время нет препятствий для такого устранения прямо сейчас, для ограниченной возрастной группы, напр. до 20 лет, члены которой по понятным причинам еще минимально разделены по трудовым навыкам (или это разделение может быть минимизировано воспитанием) и еще/уже не включены в частные домохозяйства. Сказанное вовсе не исключает сохранения при этом формы материального стимулирования, которое по сути становится моральным.]

Пока мат. стимулирование остается в рамках предприятия, вопрос сводится к правильному определению расценок. Но для стимулирования отдельного предприятия в целом уже нужны правильные интегральные финансовые показатели его деятельности. С этим постоянно возникали трудности (2). Судя по конечному результату, советская экономика их так и не преодолела, вполне вероятно, что для условного рынка это вообще невозможно. Кроме того, надо соблюсти правильный баланс между общими интересами и интересами данного предприятия в дележе полученного прироста (4). Здесь перед нами во весь рост встает рыночная категория нормы прибыли.

Когда же мы выходим на отраслевой и межотраслевой уровень, то сталкиваемся с вопросом политики цен (5). Понятно, что это легко может стать буквально политическим вопросом – вопросом борьбы отраслевых и ведомственных интересов.

Далее, было бы контрпродуктивно ограничивать самостоятельный рост пр-ва в желательном направлении, следовательно нам нужен рынок ср-в пр-ва и банковский кредит(3). Но очевидно, не все предприятия одинаково эффективны, фонды должны переливаться, происходить слияния и поглощения, следовательно нужен фондовый рынок. (Правда, до этого ни один Либерман не додумался). На самом деле, это было бы полезно. Дело в том, что руководство плановым сектором никогда не откажется от своей прерогативы управления ценами. Но управлять ценами, препятствуя при этом свободному переливу сил и средств,

означает обрекать экономику на хронический дефицит нужной продукции и перепроизводство ненужной.

В заключении можно классифицировать деятельность знаменитых зачинателей бригадного подряда и сходных форм. Как официально признанный герой Сериков, так и "диссиденты" Худенко и Туманов не только полностью действовали в правовом поле и по принятым правилам, но и не выходили за рамки мат. стимулирования внутри одного хозрасчетного предприятия. Они не нарушали плановый ассортимент, не захватывали лишних фондов (и не утаивали свои), тем более не покушались на поглощение др. социалистических предприятий и на неконтролируемый рост, что можно было бы счесть угрозой социалистическим принципам (совхоз Худенко по сути работал как совершенный колхоз, раскрывая все потенциальные возможности этой формы). Т.е. в сравнении с ними обычные хозрасчетные объединения зачастую позволяли даже большую "рыночную" свободу. Однако же (в случае "диссидентов") идеологи вставали и встают на дыбы, а советские управленцы хватались за дубинку прокуратуры. Тут можно выделить 2 причины:

- 1) столь значительное превышение привычного уровня з/п воспринималось как нарушение уравнительного коммунистического принципа в распределении, т.е. нарушало не законы, а принятые понятия;
- 2) этот успех на общем унылом фоне высвечивал никчёмность управленцев и угрожал их привилегированному положению.

Примечания

1. Все цитаты ниже по кн. **"Закон стоимости и его роль при социализме" под ред. Цаголова, М., 1959.**

Прочтение этой книги потребовало двух подходов с перерывом в пару лет, вызванном посторонними обстоятельствами. Если первый раз дискуссия впечатлила своим теоретическим уровнем, то второй раз наоборот – наивностью зашоренных идеологов, спором о словах. Видимо, это был последний раз, когда на полном серьёзе пытались применить к решению насущных экономических проблем (и к

пониманию общества, в котором мы живем) аппарат марксистской политэкономии. Надо полагать, и экономическим сообществом, и властями было понято, что попытка провалилась. После этого возобладали прагматический подход (оказалось, если диктуют нужды практики, то академики легко докажут, что и при социализме действует закон стоимости), теория же отошла в область ритуальных заклинаний.

2. Нет единого финансового показателя деятельности предприятия.

На многих предприятиях после войны образовались большие запасы различных, ненужных им материалов и полуфабрикатов, в которых другие предприятия испытывали острую нужду. В числе «затоварившихся» ненужными материалами были и передовые предприятия, перешедшие на бездотационную и рентабельную работу. Они имели большие сверхнормативные запасы, что, однако, никак не отражалось на рентабельности производства, на выполнении ими плана по себестоимости и накоплениям.

Обнаружив указанные факты бесхозяйственности, передовики московских предприятий проявили весьма ценную инициативу в борьбе с этим вредным для народного хозяйства явлением, которое создает диспропорции и тормозит развитие всей социалистической промышленности в целом. Своим почином и призывом они содействовали развертыванию движения производителей за выявление и реализацию избыточных материальных запасов в промышленности, за ускорение оборачиваемости оборотных средств.

... В этом движении проявился высокий уровень коммунистической сознательности передовых советских людей. Надо иметь в виду, что коллективы предприятий не получали никаких материальных выгод от сокращения запасов, от ускорения оборачиваемости средств. В борьбе за мобилизацию неиспользованных резервов в интересах коммунистического строительства передовики производства не ограничились только развертыванием соревнования за улучшение использования оборотных средств. По инициативе 88 предприятий в ноябре 1949 г. развернулось массовое движение за лучшее использование основных производственных фондов, за увеличение

выпуска продукции на один рубль основных средств.

Движение за ускорение оборачиваемости и эффективное использование основных и оборотных средств получило в течение известного периода широкое развитие и дало реальный материальный и финансовый эффект. Однако энтузиазм инициаторов этого движения не был дополнен материальным стимулированием, созданием личной и коллективной заинтересованности работникам каждого предприятия в ускорении оборачиваемости производственных фондов, а также фондов обращения. Более того: успехи, достигнутые в этой области отдельными предприятиями, нередко создавали для них затруднения и ухудшали их положение, так как давали основание для снижения им нормативов собственных оборотных средств вышестоящими организациями.

Неудивительно поэтому, что движение за ускорение оборачиваемости основных и оборотных средств стало вскоре спадать. Значительные успехи, достигнутые по этой линии, не были закреплены, так как в результате этого движения не были внесены необходимые коррективы в систему организации хозяйственного расчета и рентабельности производства, которые позволили бы превратить борьбу за всестороннюю и повседневную экономию производственных фондов в постоянно действующий фактор социалистического производства. В период, когда развертывалось соревнование за ускорение оборачиваемости оборотных средств и повышение эффективности использования основных средств, были разработаны соответствующие экономические показатели и методика их расчета. Выдвигались предложения о внедрении в практику планирования указанных выше показателей с тем, чтобы при оценке качественных результатов работы предприятий учитывать их наряду с рентабельностью, связанной лишь с выполнением плана по себестоимости продукции.

В отдельных отраслях и на отдельных предприятиях начали пользоваться этими показателями для целей внутризаводского планирования и экономического анализа. Но они, однако, не были включены в систему обязательных показателей планирования промышленности в целом и каждого предприятия в отдельности. Отчасти это было связано с отсутствием общепризнанной методики

исчисления оборачиваемости оборотных средств. Но главная причина заключалась, по нашему мнению, в том, что увеличение числа показателей усложнило бы и запутало систему планирования и контроля за работой предприятий, еще более ограничило бы их самостоятельность и инициативу, ослабило бы значение себестоимости как качественного показателя результатов деятельности предприятия.

В каком положении оказались бы предприятия, если бы были введены в качестве обязательных одновременно несколько обобщающих качественных показателей? Ведь фактически каждый качественный показатель (себестоимость, скорость оборота оборотных средств, использование основных фондов) в отдельности и все они вместе не могут в целом характеризовать качественный уровень работы отраслей промышленности и предприятий, так как они изменяются неодинаково, а подчас и в противоположных направлениях.

(с. 274)

... выполнение и перевыполнение планов по валовой продукции и прибылям подчас сопровождается нарушениями планового ассортимента продукции. За такое извращение принципа рентабельности мы порицаем только хозяйственников и упускаем из виду то обстоятельство, что такая практика поощряется действующей системой планирования и учета рентабельности производства.

Другой крупный порок существующего измерения и планирования рентабельности производства относится к области использования закрепленных за предприятием производственных фондов. Надо указать на то, что в сумме и норме полученной прибыли очень слабо отражается использование основных средств предприятий, так как в большинстве отраслей промышленности удельный вес амортизации и себестоимости продукции весьма низок.

... Кроме того, на оборудование, находящееся в распоряжении предприятия, но не используемое им (на так называемое резервное или законсервированное оборудование), амортизация по существующим правилам вообще не начисляется. Не удивительно поэтому, что на предприятиях нередко имеется оборудование, которое годами

валяется без использования, ржавеет и превращается в утиль. И такая вопиющая бесхозяйственность никак не затрагивает рентабельности предприятия. Терпимо ли такое положение?

Еще хуже обстоит дело с оборотными средствами. Использование оборотных средств – экономное в одних случаях, расточительное в других – вовсе не получает никакого отражения в себестоимости продукции и рентабельности производства. Нормативы собственных оборотных средств лишь числятся на балансе. С хозяйственной точки зрения величина этих нормативов не имеет ровно никакого значения: предприятию безразлично, будет ли у него производственных запасов на один или на десять миллионов рублей. Это не отразится на рентабельности производства и на хозяйственном расчете. Влияние большей или меньшей массы оборотных средств, используемых для производства и реализации данного объема продукции, совершенно не сказывается на себестоимости и рентабельности.

(с. 278)

3. Оборот средств производства.

Как на практике обстоит дело со средствами производства в социалистическом хозяйстве? Обмениваются ли они как товары, имеют ли цены на средства производства реальное экономическое значение? Да, обмениваются. Большая доля средств производства сбывается за деньги государственным предприятиям, в том числе предприятиям легкой и пищевой промышленности, производящим продукты личного потребления. В цене продукции всех отраслей учитывается стоимость потребленных средств производства, приобретенных в качестве товаров. Средства производства участвуют в производстве товаров и материально, и своей стоимостью.

Часть производимых средств производства продается другим странам, а известная часть сбывается предприятиями в децентрализованном порядке. Здесь говорилось о том, что некоторые товарищи будто бы преувеличивают значение факта продажи средств производства самими предприятиями. Недостаток здесь состоит в том, что до недавнего времени вовсе запрещали предприятиям реализовать ненужное им оборудование, что весьма мешало его рациональному использованию.

За последние годы расширены права руководителей предприятий в

отношении реализации ненужного им оборудования. Это дает возможность более эффективно использовать основные средства. (с.179)

... с 1949 г. стали практиковаться ссуды Госбанка на расширение производства товаров широкого потребления и на развитие производства строительных материалов местной промышленности и промкооперации.(с. 330)

4.

Важное практическое значение имеет также правильное решение вопроса о разделении денежных накоплений в промышленности на две части: на доход предприятия и так называемый централизованный доход в виде налога с оборота. У нас этот вопрос обычно не ставили, потому что привыкли считать, что налог с оборота должны платить только предприятия пищевой и текстильной промышленности. В тяжелой промышленности уровень денежных накоплений был до последнего времени значительно ниже.

Но если цены будут приведены в большее соответствие со стоимостью, то и в ряде отраслей тяжелой индустрии возникнет проблема разделения денежных накоплений на две части. Одна часть прибавочного продукта должна целиком поступать государству для общенародных нужд, а вторая часть, в виде прибыли или части дохода предприятия, должна использоваться в значительной доле в интересах хозрасчета и материального стимулирования и для покрытия затрат на расширенное воспроизводство в данном предприятии. При этом доля затрат на капиталовложения за счет прибыли должна быть увеличена, как это указано в решениях февральского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС. (с. 190)

5. Госкомцену предлагается играть роль биржи.

Если продукты имеют одинаковую общественную стоимость, одинаковую трудоемкость, то цены на эти продукты (при отсутствии несоответствия между предложением и спросом) должны быть одинаковыми. Если необходимо стимулировать рост производства какого-нибудь продукта, в частности сельскохозяйственного продукта,

т. е. если предложение его не удовлетворяет растущий спрос, то следует повысить цену на этот продукт. Если происходит снижение стоимости производства продукта на базе повышения производительности общественного труда и нет необходимости в дополнительном стимулировании его производства, то цену его следует снизить. (с. 195)

Трудности объективного ценообразования.

Не будем подробно описывать недостатки действующей системы ценообразования,— экономистам они достаточно известны. Отметим только, что отсутствие в этой системе объективного критерия цены не дает возможности сделать цену совершенным инструментом плановой экономики.

Исходя из своего понимания принципов ценообразования, последователи первой концепции дают и соответствующее определение, в котором цена не выступает как объективная категория, не выступает как денежное выражение стоимости.

Вот, например, какое определение цены дано в учебнике экономики социалистической промышленности, изданном в 1957 г. Госполитиздатом. «Цена промышленной продукции, – говорится в этом учебнике, – представляет собой денежное выражение среднеотраслевой себестоимости продукции и установленного для данной отрасли промышленности определенного размера накоплений (прибыли предприятий и централизованного чистого дохода государства, который отчисляется в бюджет). В целом сумма цен продукции по народному хозяйству приближается к величине общественных издержек производства».

Подобное определение цены открывает широкий простор для произвольного установления цен, так как в нем денежные накопления, подлежащие включению в цену, представлены величиной неопределенной. То обстоятельство, что в учебнике сказано, что в целом сумма цен приближается к величине общественных издержек производства, т. е. к стоимости, не меняет дела. Общественные издержки производства не являются величиной заранее данной, а складываются из стоимости отдельных товаров; следовательно, при

установлении цен на конкретные товары уложиться в пределы общей стоимости товаров невозможно (поскольку она неизвестна). Сумма цен товаров может соответствовать общественным издержкам производства лишь в том случае, если цена каждого изделия приближается к стоимости, а отклонения от нее в ту или другую сторону уравниваются. Для этого, однако, нужно знать, как определить величину стоимости каждого товара, на что указанное определение цены не ориентирует.

Согласно второй из интересующих нас точек зрения, цены должны строиться таким образом, чтобы денежные накопления распределялись пропорционально заработной плате. Здесь т. Бачурин правильно характеризовал эту концепцию, как противоречащую требованиям технического прогресса. Чем более отсталой в экономическом отношении является отрасль, тем больше была бы в ней, при этой системе цен, прибыль, и наоборот. Сторонники третьей точки зрения предлагают строить цены так, чтобы денежные накопления распределялись пропорционально себестоимости. Такое распределение денежных накоплений между ценами изделий должно дать нам, согласно этой концепции, усредненную стоимость изделий, которая является искомым критерием цены.

И, наконец, согласно четвертой концепции, денежные накопления должны распределяться в ценах пропорционально стоимости основных и оборотных фондов. Нам представляется, что сторонники четвертой концепции также не дают истинного решения проблемы. Величина стоимости основных и оборотных фондов не может являться достаточно прочной базой распределения денежных накоплений в силу того, что основные и оборотные фонды могут быть и более дорогими и менее дорогими. И та отрасль, где большие суммы (высокая оценка) основных фондов, получит и большие накопления. Нам представляется, что четвертая концепция в некотором смысле похожа на вторую концепцию. Там прибыль распределяется пропорционально заработной плате, а здесь чем больше основные и оборотные фонды, тем выше прибыль. Подобно тому как при распределении прибыли по заработной плате нет стимула для лучшего использования живого труда, так и здесь нет стимула для улучшения использования прошлого труда (важно

лишь, чтобы оценка основных и оборотных фондов была больше).
(с. 212)

... Рассмотрим теперь вопрос о степени интеграции и дифференциации цен, вопрос о направлении, в котором должна развиваться практика в этой области. Известно, что среди экономистов идут сейчас споры и по этому вопросу. Одни утверждают, что следует и дальше дифференцировать цены (скажем, поясные цены), что они слабо отражают разницу в затратах труда по отдельным районам; по мнению этих экономистов, цены целесообразно дифференцировать еще резче. Другие экономисты утверждают, что следует, наоборот, пользоваться общественной стоимостью, ибо цена должна определяться общественной стоимостью. (с. 216)

6. Ручная регулировка уровня накопления в колхозах.

Каким образом, через какие каналы или рычаги мы регулировали доходы сельскохозяйственного населения? Мы их регулировали через цену, через обязательные поставки, через натуральную оплату работ МТС и через подоходный налог. Существовали, таким образом, четыре регулятора доходов сельскохозяйственного населения, причем каждый из них определялся эмпирически с учетом необходимости так или иначе отрегулировать доходы сельскохозяйственного населения, т. е. мы решали уравнение со многими неизвестными при отсутствии хотя бы одной твердой величины. (с. 217)

7. "Липовый" хозрасчет в сталинских совхозах.

С 1934 по 1954 г. совхозы сдавали государству продукцию по низким ценам, которые не только не давали прибыли, но и не возмещали затрат на производство продукции. В связи с этим для совхозов была введена система государственной дотации. Суть ее состояла в том, что для покрытия разницы между плановой себестоимостью продукции и ценой реализации совхозам выдавались из бюджета специальные средства, называемые дотацией.

В первоначальный период хозрасчетной деятельности совхозов такая система расчетов государства со своими предприятиями с экономической точки зрения имела определенное оправдание. Дело в

том, что система государственной дотации была введена для совхозов в период освоения ими техники и начала организации крупного высокомеханизированного сельскохозяйственного производства (1934 г.). Она рассматривалась как временное явление. И действительно, уже к концу второй пятилетки совхозы проделали значительную работу по сокращению издержек производства. Однако полная отмена системы государственной дотации была еще тогда невозможна, ибо заготовительные цены, действовавшие до 1940 г., еще оставались низкими по сравнению с плановой себестоимостью. К тому же в этот период в области издержек производства происходили противоположно направленные процессы. Совхозы повышали производительность труда, принимали действенные меры по сокращению издержек производства, но тем не менее затраты совхозов, выраженные в деньгах, не сокращались. Это объясняется тем, что в этот период цены на нефтепродукты и некоторые материалы, приобретаемые совхозами для нужд производства, были значительно повышены.

Совхозы вдобавок несли значительные расходы по доставке продукции на государственные заготовительные пункты. Это не только повышало их издержки, но и ставило отдельные совхозы в совершенно различные условия в зависимости от их местоположения. Накануне войны был осуществлен целый ряд мер, обеспечивающих бездотационную работу совхозов. С 1938—1939 гг. расходы совхозов по доставке продукции животноводства, а несколько позже и расходы по доставке зерна на государственные заготовительные пункты стали оплачиваться заготовительными организациями. С апреля 1940 г. на продукцию совхозов, сдаваемую государству, были введены предельно-закупочные цены, которые превышали заготовительные цены примерно на 40%. С 1941 г. продукция подсобных отраслей совхозов стала сбываться по государственным розничным ценам (за вычетом торговых скидок). Развитие совхозного производства и осуществление указанных мер открыло реальную перспективу для отмены государственной дотации и обеспечения хозрасчетной рентабельности работы совхозов. Но в последующее время при сохранении неизменного уровня цен на продукцию совхозов себестоимость ее стала возрастать по причинам, не зависевшим от самих совхозов. Так, наступившая Отечественная война

резко ухудшила условия работы всего народного хозяйства, в том числе и совхозов. В связи с этим возросла себестоимость совхозной продукции, а потому возрос и размер государственной дотации.

В годы первой послевоенной пятилетки ряд новых обстоятельств способствовал повышению издержек производства в совхозах. Известно, что с 1947 г. в связи с отменой карточной системы и денежной реформой было произведено повышение заработной платы рабочих и служащих, а с 1949 г. в связи с реформой оптовых цен в промышленности были повышены оптовые цены на потребляемые совхозами минеральные удобрения, концентрированные корма, запчасти и т. д. В соответствии с решением февральского Пленума ЦК КПСС (1947 г.) были установлены плановые накопления на планово-убыточную продукцию совхозов, которые выплачивались совхозам за счет бюджета, так же как и госдотация. В результате госдотация стала в совхозах не только основным источником покрытия затрат по производству продукции, но и главным источником создания накоплений. Это явствует из того, что, например, в 1953 г. удельный вес дотации в покрытии разницы между плановой себестоимостью продукции и выручкой составил в среднем по совхозам: по зерну – 66%, молоку – 57, мясу крупного рогатого скота – 77, мясу свиней – 73.

Низкий уровень цен, плановая убыточность и связанная с этим система государственной дотации хотя и не ликвидировали полностью систему хозяйственного расчета, но все же подрывали, ослабляли его коренные принципы. Система госдотации, рассчитанная на покрытие плановых убытков, мешала укреплению хозяйственного расчета в совхозах, ослабляла стимулы в борьбе за снижение себестоимости, находилась в противоречии с задачей дальнейшего повышения роли рубля в совхозном производстве. Так как возмещение расходов хозяйства происходило в значительной мере за счет дотации, а финансовые результаты деятельности каждого совхоза находились в прямой зависимости от уровня утвержденной плановой себестоимости, то это порождало иждивенческие тенденции, порождало у отсталой части работников совхозов стремление не к снижению плановой себестоимости продукции, а к ее повышению с тем, чтобы, получив большую дотацию от государства, обеспечить себе «спокойную жизнь».

Недостатком системы госдотации являлось также и то, что результаты производственной деятельности совхозов определялись исходя из индивидуальной плановой себестоимости, ежегодно устанавливаемой для каждого совхоза, т. е. не на основе общественно необходимых затрат живого и овеществленного труда, а на основе индивидуальных затрат данного совхоза. Это противоречило требованию закона стоимости, сводящегося к тому, чтобы при определении плановых стоимостных показателей исходили из общественно необходимых затрат труда. При таком порядке планирования себестоимости продукции передовые совхозы, добившиеся высоких показателей в работе, оказывались в относительно худших условиях по сравнению с совхозами, не проявлявшими должной заботы о повышении урожайности сельскохозяйственных культур, продуктивности животноводства и снижении себестоимости продукции, но получавшими большую дотацию от государства. Плановая себестоимость продукции как основной показатель, характеризующий экономическое состояние совхозов, теряла при этом свое объективное значение, ибо при таком порядке совхоз с более высокой плановой себестоимостью мог иметь прибыль и, наоборот, совхоз с более низкой фактической себестоимостью мог иметь убытки. Следовательно, уровень себестоимости не служил здесь объективной оценкой экономических результатов работы.

В силу вышеуказанных обстоятельств теряли свое экономическое значение и фонды материального поощрения (фонд предприятия и фонд расширения и укрепления хозяйства). Их могли иметь отстающие, но имеющие прибыль совхозы и могли не иметь передовые совхозы, не получившие прибыли. Перед совхозами всегда стояла задача достигнуть качественного улучшения выпускаемой продукции наряду с ее количественным ростом. А между тем система государственной дотации не стимулировала борьбы совхозов за повышение качества продукции. Это происходило потому, что за продукцию различного качества совхозу устанавливались одинаковые нормы доплат по государственной дотации.

Наконец, говоря о недостатках системы государственной дотации,

следует указать и на то, что она вызывала сложную систему финансирования и затрудняла планирование совхозного производства.

Когда партия выдвинула задачу обеспечить крутой подъем сельского хозяйства, отмена системы государственной дотации совхозам стала неотложным мероприятием. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 апреля 1954 г. с 1 января 1954 г. была отменена система государственной дотации совхозам по всем видам сельскохозяйственной продукции и введены были новые зональные сдаточные цены на зерно, масличные культуры и основные виды продукции животноводства с тем, чтобы на основе снижения себестоимости продукции обеспечить безубыточную и прибыльную работу совхозов.

При бездотационной работе создаются реальные условия для ликвидации всех тех недостатков, которые органически вытекали из системы государственной дотации. Отмена государственной дотации поставила финансовое положение каждого совхоза в прямую зависимость от выполнения государственного плана. Совхозы возмещают свои затраты на производство продукции собственными доходами, т. е. за счет выручки от реализации продукции. Поэтому цена становится постоянным, важнейшим экономическим фактором, стимулирующим улучшение всей производственно-финансовой деятельности совхозов. Теперь не может быть такого положения, когда лучше работающие совхозы ставились бы в невыгодное положение по сравнению с плохо работающими, ибо финансовое положение каждого хозяйства определяется теперь не размером дотации, а фактическим уровнем себестоимости продукции, результатами производственной деятельности каждого совхоза. Бездотационная работа создает благоприятные условия для максимального использования принципа материальной заинтересованности в работе и совершенствования совхозного производства.

(с. 226)

8. Наличные и безналичные.

... товарное обращение средств производства имеет в условиях социализма своеобразную относительную самостоятельность по отношению к товарному обращению предметов потребления. Между

сферами обращения средств производства и предметов потребления в СССР существуют определенные экономические барьеры. Так, советская финансовая система не допускает, чтобы деньги, предназначенные для приобретения средств производства и находящиеся на расчетных счетах в банках, были бы направлены на выплату заработной платы, т. е. не допускает, чтобы они из сферы обращения средств производства перешли в сферу обращения предметов потребления. Равным образом, деньги, предназначенные для выплаты заработной платы, т. е. для обслуживания кругооборота предметов потребления, не могут быть ни государственными предприятиями, ни рабочими и служащими израсходованы на приобретение средств производства, т. е. не могут перейти из сферы обращения предметов потребления в сферу обращения средств производства. Относительная самостоятельность двух сфер товарно-денежных отношений закреплена советской системой выплаты заработной платы, при которой строжайший контроль за расходованием фондов заработной платы сочетается с гарантированной выплатой ее трудящимся, независимо от состояния расчетных счетов предприятий в банках. Таким образом, хотя на банковских счетах и в бухгалтерских книгах кругооборота денег разных сфер скрещиваются, они всегда остаются относительно самостоятельными, и, что особенно важно, каждая из этих двух сфер обслуживается своим типом денег (наличный и безналичный обороты) и своей массой денег. Такое своеобразие советского рынка открывает объективную возможность для существования двухмасштабной системы цен.

Многие экономисты полагают, что такую двухмасштабную систему цен надо считать ненормальной. Однако они не могут привести ни одного аргумента против нее, кроме догматического тезиса о необходимости единого масштаба цен для всех сфер. В условиях социализма не только возможна, но и объективно необходима двухмасштабная система цен.

(с. 251)

9.

Кооператор поведал, что государственный план 1952 г. по изготовлению специальной рабочей обуви коллектив выполнил на 68 %,

несмотря на обеспеченность его фондовым сырьем менее чем на треть. В текущем году Роспромсовет снял этот заказ и распорядился переключиться на пошив обуви для населения. Новый ассортимент оказался подкреплен материалами еще хуже. Централизованное выделение различного кожсырья по сравнению с предыдущим периодом уменьшилось от 3 до 10 раз. Упали показатели выработки: с 77 % в январе до 33 % в марте. В мае пришлось закрыть два обувных цеха, которым «совершенно нечего было делать». Половина специалистов уволилась. Тогда правление товарищества обратилось за помощью последовательно в горпромсовет, райком партии, райисполком, горисполком, Роспромсовет. В ответ только в апреле месяце прислали 16 проверочных комиссий. Не найдя нарушений, посочувствовали, но задание на второе полугодие все же снизили на 5 млн. рублей.

Пасс А.А. «Неонэп» Г. М. Маленкова и кооперативная промышленность в 1953-1956 гг.

Заклучение

Идеология, конечно же, нужна – для партий. Они собираются вокруг определенной идеологии и «заточены» на идейную борьбу.

Когда их идеология становится неадекватной, они сходят со сцены, заменяются другими. Или же, не желая терять популярность, меняют свою идеологию вплоть до неузнаваемости, как случилось с социал-демократами.

Так всё общество делится на потребителей идеологии – массу, производителей идеологии – идеологов и теоретиков, критикующих старые идеологии и создающих основу для разработки новых. (Поэтому Маркс как теоретик не марксист в смысле идеологии).

Некоторые считают, что идеология полезна для манипулирования массами. Но жизнь народа в основном материальна и он быстро чувствует ложь в идеологии, от чего впадает либо в идейную апатию, либо в цинизм («Нам всё врут»), а затем прибегает к пережиточным формам – религии и мифологии (суевериям, астрологии и т.п.).

Поэтому в идейном поле должен присутствовать выбор идеологий, а в политическом – многопартийность. Массы же еще в процессе школьного обучения должны узнавать о временной верности и конечной неверности любой идеологии. Но т.к. этим полем полностью заведуют идеологи, то такое пожелание, конечно же, утопично.